

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 89

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.В. Ольховик*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прозументов*,
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – Ч. 89. – 360 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-907442-13-9 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 28–30 января 2021 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-907442-13-9 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2021

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Е.Ю. Антонова

К ВОПРОСУ О ГРАДАЦИИ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УГОЛОВНЫЕ ПРОСТУПКИ

Одним из основных (базовых) оснований криминализации деяний является его общественная опасность. Такой критерий, как характер общественной опасности деяния зависит от ценности объекта посягательства. Меры уголовно-правового воздействия по общему правилу применяются к субъекту при совершении деяний, которые посягают на наиболее ценные объекты, охраняемые только нормами уголовного закона (например, жизнь, мир и безопасность человечества). Возможна и ситуация, когда деяние по характеру общественной опасности соответствует и преступлению, и административному правонарушению (к примеру, отношения собственности), но по степени общественной опасности законодатель отнес его к числу преступных.

К системообразующим показателям степени общественной опасности относятся особенность деяния и его интенсивность (способ – насилие, особая жестокость, обман и т.д.; избранные субъектом орудия и средства и т.д.), негативные последствия, наступающие или которые могут наступить в результате его совершения, их тяжесть, форма вины, мотив, цель, обстановка, повторность и систематичность его совершения и т.д.

Данные показатели и должны быть положены при дифференциации уголовной и административной ответственности. Деяние, которое законодатель возводит в разряд уголовно наказуемых, должно обладать такой степенью общественной опасности, при которой применение менее репрессивных (гражданско-правовых, админи-

стративных) методов правового воздействия на лицо его совершившее является неэффективным.

Исходя из этого, представляется, что предложение о подразделении уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки является необоснованным. Такое деление создаст лишние проблемы при разграничении преступного и непроступного. Аргумент о меньшей степени общественной опасности уголовного проступка по сравнению с преступлением, на наш взгляд, является неубедительным. Считаем, что если деяние не дотягивает по характеру и (или) степени общественной опасности до преступления, оно не должно быть криминализовано. В случае если уже криминализованное деяние перестало, в силу изменившихся общественных отношений, обладать соответствующей степенью общественной опасности, оно должно быть декриминализовано. Важно, что в процессе криминализации деяния законодатель должен учитывать восприятие деяния обществом как опасного.

Вопрос о неприменении к впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести субъектам наказания в виде лишения свободы, а равно их освобождения от уголовной ответственности, в том числе с применением иных мер уголовно-правового воздействия, можно урегулировать путем корректировки санкций соответствующих уголовно-правовых норм, правил назначения наказаний, а также норм Главы 11 УК РФ.

Считаем, что и сегодня уголовный закон предусматривает достаточно обширные возможности гуманного отношения к впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести субъектам.

Сказанное позволяет заключить, что меры уголовно-правового воздействия должны применяться в случае совершения деяний, явно представляющих общественную опасность с точки зрения социального правосознания, а также если иные правовые меры оказываются неэффективными и даже неуместными. Вид уголовно-правовых мер также зависит от характера и степени общественной опасности деяния, которые положены законодателем в основу градации преступлений на категории. Полагаем, что законодателю необходимо провести грамотную ревизию уголовного закона и КоАП РФ с учетом критериев общественной опасности, зафиксированных в них деяний, влекущих соответствующие меры правового воздействия.

А.В. Шеслер

ПРИЗНАКИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 31 октября 2017 г. принял решение о внесении в Государственную Думу РФ проекта федерального закона, в котором предлагается из числа преступлений небольшой тяжести выделить деяния, за совершение которых закон не предусматривает наказание в виде лишения свободы, и признать их уголовными проступками. Это должно повлечь ряд уголовно-правовых последствий, в частности, освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера (помимо судебного штрафа, обязательных или исправительных работ).

На наш взгляд, предложения Верховного Суда РФ, в случае их практического воплощения, повлекут нежелательные последствия. Прежде всего будет нивелировано отличие между преступлением и проступком, из-за чего законодатель утратит критерий криминализации деяния в виде общественной опасности, так как этим существенным признаком преступления станут обладать все правонарушения. Кроме того, это углубит законодательную тенденцию по нивелированию разницы между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Так, обязательные работы и исправительные работы, которые предлагаются как санкция за проступок, отличаются от аналогичных наказаний только тем, что их применение не влечет судимости. В остальном они обладают всеми существенными признаками наказания.

Свои предложения Верховный Суд РФ обосновывает необходимостью дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Полагаем, что для решения такой задачи можно законодательно расширить перечень оснований и условий, предусмотренных Главами 11 и 12 УК РФ, которые влекут освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также расширить практику применения соответствующих норм.

Анализ действующего УК РФ показывает, что фактически уголовный закон предусматривает уголовно-противоправные деяния, которые по своей сущности являются уголовными проступками.

К таким деяниям относятся те виды уклонения от уголовных наказаний, а также те виды уклонения от мер уголовно-правового характера, которые законодатель не считает общественно опасными, но за которые предусматривает уголовную ответственность в виде замены одного вида наказания другим более тяжким либо отмену какого-либо вида probationи.

К видам замены одного вида наказания другим более тяжким в случае злостного уклонения от него уголовный закон относит замену: штрафа (ч. 5 ст. 46 УК РФ), обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ), исправительных работ (ч. 4 ст. 59 УК РФ), ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (ч. 5 ст. 53 УК РФ), принудительных работ (ч. 6 ст. 53 УК РФ). Уклонение от наказания следует относить к уголовному проступку в тех случаях, когда оно не является преступлением, однако является злостным. Незлостное уклонение от наказания является уголовно-исполнительным проступком и влечет ответственность, предусмотренную УИК РФ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 46 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из указанных в части первой настоящей статьи нарушений, а также скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно. Именно такое уклонение от исправительных работ влечет замену неотбытой их части принудительными работами или лишением свободы (ч. 4 ст. 50 УК РФ, ч. 5 ст. 46 УИК РФ).

Иное нарушение порядка и условий отбывания осужденным исправительных работ (например, прогул или появление на работе в состоянии алкогольного опьянения) является уголовно-исполнительным проступком и влечет за собой предупреждение осужденного уголовно-исполнительной инспекцией в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также возложение этим органом на осужденного обязанности являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации до двух раз в месяц (ч. 2 ст. 46 УИК РФ). Исключение составляют принудительные работы, уклонение от которых, составляющее уголовный проступок, может быть незлостным и состоять в простом уклонении осужденного от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или неприбытии его к месту отбыва-

ния наказания в установленный в предписании срок (ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ).

К видам отмены probation относится отмена: условного осуждения (ст. 74 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 7 ст. 79 УК РФ), отсрочки отбывания наказания (ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 82.1 УК РФ). Основанием такой отмены, представляющей собой форму уголовной ответственности, является неисполнение возложенных на осужденного обязанностей в основном в виде принуждения его к позитивному поведению (трудиться, учиться, лечится и т.д.). Неисполнение таких обязанностей представляет одну из разновидностей уголовного проступка.

Таким образом, уголовный проступок характеризуют следующие признаки: это не общественно опасное, не содержащее признаки преступления деяние, нарушающее требование уголовного закона, состоящее в обязанности осужденного подвергнуться ограничениям, вытекающим из назначенного судом наказания или примененных судом одного из видов probation (условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания больным наркоманией), влекущее уголовную ответственность в виде замены одного вида наказания другим более тяжким либо отмену probation.

Т.А. Плаксина

НАКАЗАНИЕ ЗА КЛЕВЕТУ

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ в ст. 128-1 УК РФ был внесен ряд изменений, большую часть из которых составляют поправки, заключающиеся в ужесточении санкций. До вступления в силу данного закона клевета наказывалась штрафом или обязательными работами; в новой редакции ст. 128-1 УК РФ в санкции ч. 2–5 помимо этого включены принудительные работы, арест и лишение свободы, причем максимальный срок лишения свободы в ч. 4 и 5 составляет четыре и пять лет соответственно. Столь существенный сдвиг в оценке законодателем типовой степени общественной опасности клеветы, безусловно, требует осмысления.

Анализ практической пенализации клеветы за период, прошедший с момента повторной криминализации этого деяния¹, свидетельствует о том, что суды при назначении наказания использовали лишь малую часть возможностей, предоставляемых законом, и в основном определяли наказание в пределах, прилегающих к нижним границам санкций. Так, по ч. 1 ст. 128-1 УК РФ, предусматривающей максимальный размер штрафа в 500 тыс. руб., в 2013–2019 гг. в РФ в общей сложности было осуждено с назначением наказания в виде штрафа 454 человека; из них 424 лицам (более 93%) штраф был назначен в размере, не превышающем 25 тыс. руб., т.е. в двадцать и более раз ниже максимального предела. Около половины (46%) от общего числа осужденных к данному виду наказания были приговорены к штрафу в размере 5 тыс. руб., что в сто раз меньше максимального размера штрафа, установленного в санкции. За весь исследуемый период лишь одному осужденному был назначен штраф свыше 100 тыс. руб. В 2018 г. средний размер штрафа за клевету без квалифицирующих обстоятельств составлял 11,5 тыс. руб., в 2019 г. – 13,7 тыс. руб., а совокупная сумма назначенных штрафов – 656 тыс. руб. (2018 г.) и 727 тыс. руб. (2019 г.). Таким образом, суды, назначая наказание за не осложненную квалифицирующими признаками клевету, оценивали ее общественную опасность как довольно низкую.

Аналогичная ситуация складывалась и с наказанием за клевету, обладающую признаком публичности (ч. 2 ст. 128-1 УК РФ). В 2013–2019 гг. за нее в РФ к штрафу было осуждено 51 лицо. При максимальном размере штрафа, установленном в санкции, в 1 млн руб. около 80% осужденных (40 человек) составили лица, которым назначен штраф в размере, не превышающем 25 тыс. руб. Лишь двум осужденным штраф был определен в размере свыше 100 тыс. руб. В то же время по ч. 2 ст. 128-1 УК РФ суды довольно активно назначали наказание в виде обязательных работ: количество осужденных за данный вид клеветы, приговоренных к штрафу, было всего на 20% выше количества лиц, которым назначались обязательные работы (51 и 43 лица соответственно), тогда как по ч. 1 ст. 128-1

¹ Для анализа использовались статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, представленные в формах отчетности 10.3 («Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)») и 10.3.1 («Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов»). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item>

УК РФ число лиц, приговоренных к штрафу, более чем в пять раз превышало количество осужденных к обязательным работам (454 и 86 лиц соответственно).

Количество осужденных за клевету при особо квалифицирующих обстоятельствах традиционно невелико. В 2013–2019 гг. в РФ в общей сложности оно составило по ч. 4 ст. 128-1 УК – 14, по ч. 5 – 13 человек. При этом по ч. 4 ст. 128-1 УК ни одному из осужденных не был назначен штраф в размере, превышающем 100 тыс. руб., хотя максимальный размер штрафа, установленный в санкции, равен 3 млн руб. По ч. 5, предусматривающей штраф до 5 млн руб., 92% осужденных к данному виду наказания был определен штраф в размере, не превышающем 100 тыс. руб., т.е. в пятьдесят и более раз ниже его максимального предела в рамках данной санкции.

Фактический отказ правоприменителей от назначения за клевету штрафа в значительных размерах можно было бы объяснить невысоким уровнем доходов осужденных, тем более что ч. 3 ст. 46 УК РФ прямо обязывает суд при определении размера штрафа учитывать имущественное положение осужденного и его семьи. Однако то обстоятельство, что суды чрезвычайно широко назначали штраф в минимальном размере (5 тыс. руб.) и довольно редко при определении размера штрафа выходили за пределы 25 тыс. руб., скорее свидетельствует о том, что санкции даже в прежней их редакции представлялись правоприменителям завышенными. Отсюда произведенное законодателем еще большее ужесточение санкций сложно признать целесообразным и обоснованным.

А.Г. Антонов

**К ВОПРОСУ ОБ УТРАТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОПАСНОСТИ ВИНОВНОГО И ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ИМ СОВЕРШЕННОГО, В СВЯЗИ
С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ НАКАЗАНИЯ
В СООТВЕТСТВИИ С ПРИМЕЧАНИЕМ 1
К СТ. 134 УК РФ**

В Уголовном кодексе РФ существует одна в своем роде норма, закрепляющая специальное основание освобождения от наказания. Она нашла свое отражение в примечании 1 к ст. 134 УК РФ. Соглас-

но данному примечанию лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 данной статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). В данном примечании упомянуто такое преступление, как половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. То есть, виновный (виновная), совершив таковое и вступив в брак с потерпевшей (потерпевшим), освобождается от наказания при указанных условиях.

В литературе обсуждается много вопросов относительно сущности, содержания и практики применения исследуемой нормы¹. Среди обсуждаемых проблем достаточно острой является проблема, касающаяся уяснения смысла и значения положения рассматриваемого примечания об утрате виновным общественной опасности при вступлении в брак с потерпевшей (потерпевшим)². Ведь согласно примечанию 1 к ст. 134 УК РФ лицо освобождается от наказания, только если будет установлено, что оно и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Тем самым сам по себе факт вступления в брак потерпевшей (потерпевшего) с виновным (виновной) не является основанием освобождения от наказания и не свидетельствует об отпадении общественной опасности соответствующего преступления и лица его совершившего. По крайней мере, это вытекает из исследуемого положения уголовного закона. В законодательстве и судебной практике не выработано каких-либо критериев оценки отпадения общественной опасности преступления и преступника в рассматриваемом случае. Поэтому фактически заключение брака выступает основанием освобождения от наказания, несмотря на указание в уголовном законе на необходимость утраты общественной опасности преступления и преступника.

¹ См., например: Дядюн К.В. К вопросу о целесообразности установления уголовной ответственности за половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2017. № 5. С. 27–35.

² См., например: Прозументов Л.М. Статья 134 УК РФ нуждается в совершенствовании // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018. № 27. С. 82–83.

Сложно говорить об утрате преступлением общественной опасности. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя¹. Наличие таковой у деяния – факт объективный и, как следствие, неизменный. Тем более не может стать, что одно совершенное деяние является общественно опасным, а такое же, другое – нет. Нарушение половой неприкосновенности если уже состоялось, то остается общественно опасным.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на вопрос: как заключение брака влияет на утрату общественной опасности лица? Попытаемся на него ответить. Заключение брака лишь возможно упорядочит половые взаимоотношения, интимную жизнь виновного (виновной) и потерпевшей (потерпевшего). При заключении брака есть большая вероятность продолжения нарушения половой неприкосновенности потерпевшей (потерпевшего) виновным (виновной). Но это, по мнению законодателя, уже не опасно. Тогда в рассматриваемом случае речь должна идти не об уголовной ответственности за половое сношение с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, а о неких вопросах морали.

Е.А. Куликов

ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ С ПОЗИЦИЙ ДИАЛЕКТИКИ ОБЩЕГО, ОСОБЕННОГО И ЕДИНИЧНОГО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ²

Категории общего, особенного и единичного рассматриваются Г.В.Ф. Гегелем как часть субъективной логики или учения о понятии³. Д.В. Пивоваров определяет, что единичное и общее – философские категории, своей совместностью выражающие пропорции

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 18–36.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты».

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М. : Мысль, 1972. Т. 3. С. 15.

сходного и различного в вещах, закономерно повторяющегося и исключительно случайного в мире, стандартного и уникального в деятельности, обычного и необычайного в жизни людей¹. Как отмечает Г.Д. Левин, «на единичные и общие, особенные и всеобщие делятся не только признаки, но и понятия, отражающие эти признаки, абстрактные понятия»². Характеризуя взаимосвязи общего, особенного и единичного, А.П. Шептулин делает вывод о том, что одни и те же понятия могут выступать, в зависимости от контекста, как общим, так и особенным, равно как и единичным, при этом с реальными объектами, с материей имеет дело только единичное, остальные категории отражают свойства ее формы³. Таким образом, речь идет о понятиях разной степени абстракции, при этом общее проявляется в особенном и единичном, единичное же и особенное содержат в себе все свойства общего и собственную специфику.

Определить предмет уголовно-правового регулирования с позиции категорий общего, особенного и единичного – значит выяснить его содержание в связи с общетеоретическим понятием предмета правового регулирования. С.С. Алексеев определяет его как «разнообразные общественные отношения, которые объективно по своей природе могут „поддаваться“ нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм, всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования»⁴. С учетом такого понимания предмета правового регулирования в общей теории права адекватным закономерностям общего, особенного и единичного необходимо признать трактовку предмета уголовно-правового регулирования, предлагаемую Н.В. Генрих: «Предметом уголовно-правового регулирования необходимо признать группу однородных общественных отношений, которые могут и должны регулироваться уголовным законодательством, нормы которого создают определенные модели

¹ Пивоваров Д.В. Категории онтологии: в 2 ч. М. : Юрайт, 2018. Ч. 1. С. 250–251.

² Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М. : Логос, 2007. С. 176.

³ Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М. : Высш. шк., 1973. С. 129–133.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. I. С. 292.

поведения их участников при наступлении тех или иных юридических фактов»¹. Исходя из этого, предмет уголовного права как отрасли права образуют определенные группы общественных отношений, а не правоотношений, как принято считать в уголовно-правовой науке².

Возможен, впрочем, вариант определения предмета уголовно-правового регулирования и через правоотношения, если под ними иметь ввиду не результат уголовно-правового регулирования, а общественные отношения, урегулированные другими отраслями права, и охраняемыми уголовным правом. В этом случае применима схема В.Д. Филимонова с делением уголовно-правовых отношений на охраняемые отношения и охраняющие отношения³, где к предмету уголовного права будет относиться их первая группа.

И.В. Ботвин

ПРИРОДА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проблема неопределенности уголовного права является лишь частным случаем родовой проблемы неопределенности права. Следует отметить, что неопределенность, как и ее парная категория определенность, возникли и развивались не в юридической сфере. Более того, для права исследуемая категория стала употребляться и изучаться относительно недавно. Однако в философских и ряде других областей термин неопределенности, равно как и его антипод, лежат в основе большинства учений о мире, взаимодействии между индивидами и протекании явлений.

Исследование философского статуса общенаучного понятия «неопределенность» обусловлено тем, что оно непосредственно

¹ Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М. : Норма: Инфра-М, 2016. С. 80–81.

² См., например: Денисова А.В. Системность российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 25–26.

³ См.: Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. М.: «ЮИИФОР-Пресс», 2007. С. 102–110.

выводится из взаимосвязей сугубо философских категорий, и при современном уровне состояния философской мысли этот термин становится необходимым для дальнейшего развития категориального аппарата и многих правовых наук, в том числе уголовного права.

В процессе познания неопределенности нельзя обойти стороной определенность, которая обуславливает, дополняет, взаимоисключает и является полной противоположностью первой. Более того, проблема неопределенности возникла и подверглась анализу гораздо позднее, как обратная сторона определенности. Древние мыслители описывали окружающий мир как систему материальных предметов и явлений природы и находили в их многообразии обусловленность и взаимосвязь. На первичных категориях конечности и бесконечности, способности и неспособности, бытия и небытия зарождалось понимание определенности и неопределенности, которые могли описать и интерпретировать происходящие явления материальной действительности.

Определенность и неопределенность – взаимозависимые парные категории, которые применяются в процессе познания как единое целое при доминировании определенности. При этом как определенность, так и неопределенность, являясь противоположностями, не только взаимоисключают, но и обуславливают, а также дополняют друг друга.

Неопределенность имеет разнообразные формы проявления и является основой всего мироздания, что доказано современной наукой как на микроуровне (уровне частиц), так и на макроуровне. Данный тезис актуален и для уголовного права, поскольку принятые законодателем правовые нормы находятся в состоянии неопределенности до тех пор, пока не состоится правоприменение и не сформируется эмпирический опыт.

Иллюстрацией выступает ст. 145 УК РФ, которая появилась в первой редакции действующего УК РФ на основании ст. 10 Международного пакта 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах», в которой установлено, что работающим матерям должна предоставляться разумная охрана до и после родов и ч. 2 ст. 11 Конвенции 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». В настоящее время реализация нормы находится в состоянии неопределенности, и только ее реализация на кон-

кретном преступном посягательстве способна внести определенность (определить поведение).

Таким образом, неопределенностью пронизаны не только древние представления о мире, но и современные институты уголовного права, которые по большей части принято считать определенными. Правовая неопределенность, существующая в уголовном праве, участвует в регулировании общественных отношений, лишенных определенности, что неизбежно порождает неопределенность в правоприменении.

Е.К. Газданова

ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Дифференциация уголовной ответственности – это частный принцип уголовного права, позволяющий распределить объемы уголовной ответственности в зависимости от тех или иных критериев: степени общественной опасности деяния, гендерных или возрастных признаков субъекта преступления. Остановимся на последних более подробно. Дифференциация уголовной ответственности по возрасту не нарушает закрепленного в ст. 4 УК РФ принципа равенства, она лишь конкретизирует его, поскольку уголовная ответственность для субъекта не исключается, однако имеются свои, связанные с возрастом психофизиологические особенности.

Возрастная дифференциация отразилась, в первую очередь, на нормах, регламентирующих возраст уголовной ответственности. Законодатель выделяет следующие возрастные группы: лица, достигшие 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ), достигшие 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) и достигшие 18 лет (ст. 134, 135, 150, 151, 151.1 УК РФ). Законодательный подход в этой части основывается на субъективных критериях, связанных с осознанием лиц указанной категории общественной опасности совершаемых ими деяний, а также объективных критериях, связанных с фактической возможностью совершить те или иные преступления. Отметим, что нижняя планка уголовной ответственности – 14 лет не опускалась законодателем

с момента принятия УК РФ 24 мая 1996 г. Однако время от времени расширялся перечень составов преступлений, предусматривающих субъектов ответственности с 14 лет. Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ дополнил ч. 2 ст. 20 УК РФ преступлениями террористической направленности (ст. 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ и др.) и посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), а также рядом преступлений против мира (ст. 360, 361 УК РФ). Снижение возраста ответственности за указанные преступления, на наш взгляд, необоснованно. С учетом специфики субъективной стороны этих составов, 14-летние могут выступать, по большей части, в качестве пособника или исполнителя, но не в качестве организатора или подстрекателя при их совершении.

Возрастная дифференциация уголовной ответственности сказалась и на разделе V УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетним». Уголовная ответственность для данных лиц может исключаться в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести (ст. 90, 91 УК РФ), а реально назначенное наказание имеет сокращенные размеры и сроки. Так, согласно ст. 88 УК РФ к несовершеннолетним применяется только 6 видов наказаний, остальные наказания не вошли в перечень ч. 1 ст. 88 УК РФ в силу социального, правового и фактического положения несовершеннолетних.

В разделе III УК РФ «Наказание» упоминается такая возрастная категория, как лица пожилого и старческого возраста, наказание для которых устанавливается также дифференцировано. Психологи отмечают, что старшему поколению присущи изменения, связанные с затруднением найти оптимальное решение в ситуации, когда требуется быстрая реакция. С учетом сказанного, законодатель исключил применение к ним отдельных видов наказания. Так, ч. 7 ст. 53.1 УК РФ запрещает назначать принудительные работы женщинам, достигшим 55-летнего, и мужчинам, достигшим 60-летнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются мужчинам, достигшим 65-летнего возраста. Такой законодательный подход оправдан по указанным ранее причинам, однако можно было бы предусмотреть возрастные ограничения при назначении исправительных работ (ст. 50 УК РФ), поскольку требуется выполнение физических функций.

Н.В. Ольховик

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Рассматривая официальные данные о рецидивной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы, можно утверждать о довольно надежной степени результативности уголовного наказания в виде принудительных работ с точки зрения достижения цели частного предупреждения преступлений. В условиях возрастающего с 2017 г. количества осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ в исправительных центрах, учреждениях, функционирующих в режиме исправительных центров (УФИЦ), участках исправительных центров на предприятиях (УИЦ), в период исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ новое преступление совершили в 2017 г. 0,5% осужденных, в 2018 г. – 0,2%, в 2019 г. – 0,55%. Примерно такой же удельный вес осужденных, совершивших новое преступление до постановки в ИЦ (УФИЦ)¹.

Однако следует иметь в виду, что в исправительных центрах, учреждениях, функционирующих в режиме исправительных центров, участках исправительных центров на предприятиях отбывают наказание не только осужденные к принудительным работам, но и направленные отбывать рассматриваемое наказание в порядке ст. 80 УК РФ, т.е. замены лишения свободы более мягким видом наказания, а также в связи с заменой иного наказания, не связанного с лишением свободы, за злостное уклонение осужденного от его отбывания. Удельный вес каждой из указанных категорий осужденных в общем числе осужденных, отбывающих принудительные работы, разный.

Так, например, удельный вес осужденных, отбывающих принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ, за последние три года

¹ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/>; Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20YII/>

постоянно увеличивался: в 2017 г. составлял 11%, в 2018 г. – 28,5%, в 2019 г. – 66,9%. В то же время удельный вес осужденных, отбывавших уголовное наказание в виде принудительных работ в связи со злостным уклонением от отбывания иного вида наказания, уменьшался, начиная с 2018 г. с 25,2 до 11,75%. Кроме этого, по своей социально-демографической, социально-ролевой, нравственно-психологической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристике выделенные категории осужденных, отбывающие принудительные работы, также отличаются. Следовательно, исследование рецидивной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы, следует проводить в отношении каждой из этих трех категорий осужденных отдельно.

Данные ведомственной статистики не позволяют определить рецидивную преступность каждой категории осужденных, отбывающих принудительные работы. Для этого нами было проведено эмпирическое исследование в пятнадцати территориальных органах ФСИН России, в которых функционируют исправительные учреждения для осужденных к принудительным работам. По нашим данным, наиболее криминогенной категорией являются осужденные, отбывающие принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ, т.е. замены лишения свободы более мягким видом наказания. На втором месте находятся осужденные, которые отбывают принудительные работы в связи с заменой иного наказания, не связанного с лишением свободы, за злостное уклонение осужденного от его отбывания. Меньшая вероятность совершения нового преступления приходится на осужденных к принудительным работам в порядке ст. 53¹ УК РФ.

Т.Г. Каракулов

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ, С ОЦЕНОЧНЫМИ КАТЕОРИЯМИ

Почти каждый пятый случай вмешательства Верховного Суда РФ в решения суда первой инстанции по уголовному делу связан с некорректным назначением наказания.

Интересным, на наш взгляд, является теоретическое обоснование оценочных признаков в некоторых обстоятельствах, смягчающих наказание, и их практическое установление при разрешении уголовного дела. Некоторые из таких обстоятельств, которые ранее уголовному закону России были неизвестны, но сейчас достаточно распространены на практике, предлагается из ряда смягчающих наказание исключить. Речь об аморальном поведении потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Существует мнение, что аморальный проступок потерпевшего не может послужить основанием для совершения преступления и в связи с этим смягчения наказания, так как нередко оценить действия людей как аморальные бывает достаточно сложно.

На практике такое аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления, выражается в насилии, издевательствах, оскорблении и, как правило, предвещает совершение насильственного преступления. Здесь можно говорить о своеобразной провокации преступления потерпевшим. Такое поведение должно быть общепринято как негативное и именно в таком качестве восприниматься будущим преступником. Полагаю, нет оснований для утраты у такого обстоятельства наказательного значения, так как в преувеличенном масштабе провоцирующее негативное поведение потерпевшего учитывается в ряде привелегированных составов преступлений.

При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не поименованные в законе. На практике таковыми признаются положительные характеристики, отсутствие судимости, раскаяние и признание вины, тяжелая болезнь виновного, его состояние здоровья или инвалидность, наличие иждивенцев, отсутствие тяжких последствий или ущерба, участие в боевых действиях и наличие наград.

Таким образом, смягчающими наказание обстоятельствами по ч. 2 ст. 61 УК РФ признаются либо отдельные элементы прямо указанных в законе смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 61), либо отдельные положительные свойства личности подсудимого.

Обозначенные смягчающие наказание обстоятельства, признаваемые таковыми по ч. 2 ст. 61 УК РФ, совершенно очевидно не имеют сравнимого значения с поименованными в ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоя-

тельствами и тем более с предусмотренными пп. «и», «к», влекущими обязательное смягчение наказания.

Смягчающим может быть лишь такое обстоятельство, которое существенно влияет либо на общественную опасность преступления, либо на общественную опасность личности виновного.

Полагаю, что применение ч. 2 ст. 61 УК РФ должно быть менее распространенным и соотносываться с логикой построения обстоятельств смягчающих наказания, указанных в части первой этой статьи, т.е. либо иметь исключительное значение при характеристике личности, либо характеризовать комплекс позитивного поведения преступника.

Ведь в противном случае обстоятельства, существенно не снижающие ни степень общественной опасности преступления, ни степень опасности преступника, влияют и на меру наказания, и на возможность применения других льготных норм уголовного закона, например о возможности изменения категории на менее тяжкую либо назначении наказания при рецидиве преступлений менее трети максимального срока наиболее строгого вида наказания.

А.Т. Вельтмандер

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Федеральным законом от 21.10.2013 № 270-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ч. 1.1 ст. 63, согласно которой судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения... Появление указанного законоположения назревало давно и было связано в том числе с наличием исторического опыта правового регулирования. Согласно ст. 39 УК РСФСР было закреплено, что при назначении наказания обстоятельствами, отягчающими ответственность, признаются: 10) совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. Суд вправе, в зависимо-

сти от характера преступления, не признавать это обстоятельство отягчающим ответственность. В советский период данная норма в целом отражала направленность государственной политики на борьбу с алкоголизацией населения. При сравнении положений УК РФ и УК РСФСР явно наблюдается смещение акцента с презумпции совершения преступления в состоянии опьянения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, на обратную презумпцию (презумпцию доказывания соответствующих обстоятельств).

В то же время остается не совсем понятно, чем был вызван подобный подход, так как и зарубежный правовой опыт, и теоретические наработки советского периода не только не исключают законность презумпции, изложенной в ст. 39 УК РСФСР (в том числе и в соотношении с презумпцией невиновности), но и подтверждают правильность указанной позиции с точки зрения доказывания. Здесь достаточно вспомнить первоначальную редакцию п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, согласно которой при разрешении вопроса о возможности признания состояния лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством суду надлежит принимать во внимание... влияние состояния опьянения на поведение лица при совершении преступления... В последующем данный пункт был представлен в более общем виде: «...в описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу...».

Данные положения в динамике своих изменений ставят вопрос о содержании этих мотивов. Первоначальное определение одного из оснований как «влияния состояния опьянения на поведение лица при совершении преступления» привносило состояние опьянения в цепь причинно-следственной связи между поведением лица в целом и совершенным им преступлением в частности. Эту позицию нельзя назвать новой. С точки зрения криминологии опьянение всегда рассматривалось как одно из условий преступности в целом и преступлений в частности. Однако представляется, что в итоге сыграли определенную роль «стандарты современного доказывания», которые даже с учетом иных разъяснений Верховного Суда РФ, предполагающих возможность установления состояния опьянения без обращения к экспертным знаниям, тем не менее, сводили цепь «лицо – влияние – деяние» к необходимости определения побудительных мотивов субъекта, т.е. либо к необходимости обращения к специаль-

ным знаниям, либо к позиции субъекта. Последний случай неизбежно содержит в себе правовой недочет – при отсутствии презумпции наличия обстоятельства, отягчающего наказание, доказывание не может строиться исключительно на признательных показаниях субъекта. Итоговая ситуация представляется еще более странной, если принять во внимание, что положения ч. 1.1 ст. 63 УК РФ надлежит толковать в системном единстве с п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в соответствии с которым отягчающим обстоятельством признается привлечение к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения. Таким образом, имеются основания для обсуждения вопроса о внесении изменений в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, предполагающих презумпцию совершения преступления в состоянии опьянения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

А.В. Васеловская

**ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ
В МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ,
ОКАЗЫВАЮЩЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ
В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ,
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТИПА
ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Уголовный кодекс РФ предусматривает три вида принудительных мер медицинского характера (ПММХ), применение которых влечет за собой изоляцию лица от общества: принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа, специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Выделение законодателем трех отличных друг от друга видов стационарного принудительного лечения не случайно и обусловлено особенностями психического состояния лиц, которым назначается такое лечение, а также необходимостью обеспечения в отношении них особого режима наблюдения различной степени интенсивности. Отметим некоторые особенности принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа.

1. Назначается только в качестве самостоятельной меры. Уголовный кодекс РФ предусматривает возможность назначения ПММХ в качестве самостоятельной (единственной) меры либо в качестве меры, соединенной с наказанием. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа может быть назначено только в качестве самостоятельной меры; наряду с наказанием данная мера назначена быть не может.

2. Предполагает изоляцию лица от общества посредством помещения его в психиатрический стационар. Лицо, которому назначена рассматриваемая мера, помещается в специализированное отделение психиатрической больницы (стационара) без возможности свободного выхода и предоставления домашних отпусков. Выписка возможна только на основании решения суда о прекращении либо изменении вида ПММХ.

3. Основанием применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа выступает общественная опасность личности психически больного лица, состоящая как в возможности совершения им нового деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, так и в опасности для себя. Среди деяний, в связи с совершением которых лицам назначается принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа, наиболее распространены деяния против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, общеуголовные корыстные деяния.

4. Назначается лицу, которое по своему психическому состоянию требует постоянного наблюдения (ч. 3 ст. 101 УК РФ). Понятие постоянного наблюдения в законе и подзаконных нормативных правовых актах не раскрывается. Критерии применения рассматриваемого вида принудительного лечения законом не регламентированы, ранее такие критерии были установлены приказом Минздрава СССР от 21.03.1988 № 225. Необходимость обеспечения постоянного наблюдения требует установления специального лечебно-охранительного режима, содержание которого должно учитывать степень общественной опасности личности психически больного лица, которому назначено принудительное лечение.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время правовое регулирование порядка применения принудительного лечения в психиат-

рическом стационаре специализированного типа обнаруживает ряд пробелов в части определения основания, критериев его применения, а также порядка установления и обеспечения лечебно-охранительного режима. Необходимость скорейшего решения данных вопросов, с учетом того, что они непосредственно затрагивают конституционные права и свободы человека, очевидна и не вызывает сомнения.

М.А. Малетина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СКЛОНЕНИЯ К САМОУБИЙСТВУ

Статья 110¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, была введена Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ в целях дополнительной уголовно-правовой защиты жизни несовершеннолетних.

К числу особых способов совершения данного преступного посягательства, усиливающих степень его общественной опасности, относятся: публичное выступление, публично демонстрирующееся произведение, использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Следует отметить, что сеть Интернет является очень удобным средством для совершения данного преступления в части преодоления географической разобщенности, эффективным способом обмена информацией деструктивного содержания, поэтому установление более строгой ответственности в этой части является вполне обоснованным.

Однако учитывая, что обязательным признаком склонения к самоубийству является конкретизированный характер воздействия¹, интерпретация иных вариантов проявления публичности с характе-

¹ В теории уголовного права точка зрения о том, что склонение к самоубийству является адресным, конкретизированным действием (направленным на индивидуально определенное лицо), считается устоявшейся.

ристикой деяний, образующих объективную сторону рассматриваемого состава преступления, заставляет усомниться в корректности законодательного решения.

Так, под публичным выступлением понимается изложение какой-либо информации перед аудиторией с определенной целью¹. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова под произведением понимается результат труда, продукт творчества². Публичным показом произведения, согласно нормам гражданского законодательства, является любая демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно либо на экране в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, независимо от того, воспринимается произведение в месте его демонстрации или в другом месте одновременно с демонстрацией произведения (п. 3 ч. 2 ст. 1270 ГК РФ).

Такие формы проявления публичности, как публичное выступление и использование публично демонстрирующегося произведения, являются нетипичными способами склонения к самоубийству индивидуально определенного лица, поскольку предполагают наличие большой по численности аудитории. Достаточно сложно представить ситуацию, когда виновный, целенаправленно склоняющий конкретного человека к совершению самоубийства, свершает свои противоправные действия открыто, в присутствии множества лиц.

В данном случае следует отметить, что подобные действия являются не чем иным, как участием в деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства широкого круга лиц, ответственность за которые в настоящее время уголовным законодательством не предусмотрена.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что публичное выступление и использование публично демонстрирующегося произведения являются нетипичными способами склонения к самоубийству и не соответствуют потребностям правоприменительной практики. В этой связи отдельное упоминание о них в п. «д» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ представляется излишним.

¹ Психология делового общения. URL: <https://studfile.net/preview/6208281/page:17/> (дата обращения: 14.01.2021).

² Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/982338> (дата обращения: 14.01.2021).

А.А. Постоялко

К ВОПРОСУ О СКЛОНЕНИИ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА (СТ. 110.1 УК РФ)

Актуальность выбранной темы обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, спецификой деяния, так как отличительной особенностью является то, что последствия наступают не от действий виновного. Во-вторых, законодательная регламентация ст. 110¹ Уголовного закона Российской Федерации (УК РФ) социально обусловлена, так как, совершая данные деяния, лицо подвергает опасности не только конституционное, но и естественное право человека на жизнь.

В связи с этим предусмотренный состав ст. 110¹ УК РФ имеет некоторые дискуссионные моменты, связанные с его практическим применением. Так, анализируя ст. 110¹ в совокупности с подобным, но отличающимся деянием ст. 110 УК РФ, следует сказать следующее.

Остается много вопросов, касающихся различных элементов составов. Законодатель не дает определений понятий «доведение до самоубийства», «склонение к самоубийству», «содействие самоубийству», используемых в диспозициях ст. ст. 110, 110¹ УК РФ, что порождает их различное толкование и как следствие пробел в праве.

Статья 110¹ УК РФ имеет альтернативную диспозицию, предусматривает склонение к совершению самоубийства и содействие к совершению самоубийства. Преступление, предусмотренное ст. 110¹ УК РФ, фактически устанавливает ответственность за два разных варианта общественно опасного поведения.

Во-первых, за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом, при отсутствии признаков доведения до самоубийства. Законодатель разграничивает склонение и доведение до самоубийства. Под склонением следует понимать деяние склоняющего лица, которые направлены на то, чтобы склоняемое лицо совершило определенные

действия¹. Если обратиться к определению термина «доведение», то слово «доведение» происходит от слова «ведение», т.е. контролируемого процесса следования к определенной цели с контролем обстановки. Доведение возможно исключительно путем активных действий виновного.

Во-вторых, за содействие совершению самоубийства путем предоставления советов, указаний и т.п. квалифицируется по ч. 2 ст. 110¹ УК РФ. Содействие – это деятельное участие в чьих-либо делах для их облегчения или оказания помощи. В случае содействия в самоубийстве виновный выступает своеобразным пособником суицида, создавая условия для эффективного суицида потерпевшего.

Так, по мнению С.В. Дубовиченко, есть отличия в содействии и склонении к самоубийству которое выражается в характере и направленности действий виновного².

В связи с этим в силу того, что понятия ч. 1 (склонение) и ч. 2 (содействие) – синонимы, то возникает проблема их разграничения при квалификации.

Открыт также вопрос о способах совершения преступления. Способы склонения и доведения также должны в определенной мере быть определенными и свойственными определенной форме действия виновного. Считаем, что конец научным дискуссиям об определении понятий и разграничений составов между собой был бы положен Верховным Судом РФ, который до сих пор отсутствует.

Также полагаем, что совершенствовать исследуемую норму следует следующим образом: оставить перечень способов доведения до самоубийства открытыми либо дифференцировать ответственность в зависимости от способа и наличия последствий в основном и квалифицированном составах.

¹ Авешникова А.А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // Российский следователь. 2019. № 1. С. 33–37.

² Дубовиченко С.В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 4. С. 95.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Согласно ч. 1 ст. 126 УК РФ преступным является похищение человека. Поскольку уголовный закон не раскрывает понятие «похищение», возникают вопросы, что под ним понимается и каков момент окончания названного преступления?

Анализ точек зрения ученых относительно дефиниции «похищение» показал, что большинство из них придерживаются мнения, согласно которому похищение представляет собой завладение (захват), перемещение, удержание¹. Идентичную позицию занимает и Верховный Суд РФ. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» от 24 декабря 2019 г. № 58 указано, что похищение – это захват, перемещение и последующее удержание².

Исследование правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что квалификация действий виновного по ст. 126 УК РФ возможна, если выполнены захват, перемещение и удержание. Однако в отдельных случаях возникают трудности установления факта перемещения потерпевшего при похищении, например, если таковой проживает в частном доме с приусадебным участком и различными постройками на нем, и виновный перемещает его в пределах принадлежащего ему участка. В названом примере действия лица не

¹ Амбарцумян А.С. Некоторые проблемы отграничения захвата заложника от смежных составов преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 61; Авдеева Е.В. Уголовно-правовая охрана свободы личности в Российской Федерации. Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. С. 117; Кутузов Т.Д. Уголовная ответственность за похищение человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 20–21; Михаль О.А., Власов Ю.А. Некоторые аспекты объективного состава похищения человека // Современное право. 2013. № 4. С. 122.

² О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58. URL: https://www.vsr.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2019/ (дата обращения: 05.02.2021).

являются перемещением, поскольку отсутствует изменение местоположения потерпевшего в пространстве относительно его пребывания (проживания) на момент совершения преступления (считается, что в таком случае оно только лишь ограничивается в передвижении, что не свойственно объективной стороне ст. 126 УК РФ). К удержанию при похищении относят и такие факты, когда потерпевшего захватывают, перемещают, а затем незаконно удерживают в том же автомобиле, в котором перемещали.

Определение момента окончания похищения человека зависит от направленности умысла лица, его совершающего, и включает захват и начало перемещения. При этом такие действия должны совершаться с целью удержания человека. Это обусловлено особенностью объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, характеризующейся «триадой» вышеуказанных действий.

Если при захвате и начале перемещения будет установлена цель на совершение другого преступления (например, убийства, изнасилования), то работники правоохранительных органов окончательно квалифицируют содеянное не по ст. 126, а по иным статьям УК РФ (ст. 105, 131 УК РФ и т.п.).

В.В. Ерахмилевич

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В Уголовном кодексе РФ, Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹ не содержится определений понятий «мужеложство», «лесбиянство» и иных действий сексуального характера. В связи с этим в теории и на практике возникают вопросы в отграничении объема данных понятий.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1353563/#friends> (дата обращения: 14.01.2021).

Лесбиянство представляет собой форму удовлетворения полового желания женщиной в отношении другой женщины посредством любых действий сексуального характера (имитирования полового акта, соприкосновения половых органов и других частей тела и т.п.). На практике любые действия сексуального характера между женщинами принято относить к лесбиянству. Мужеложством признается введение полового члена в задний проход другого мужчины. Хотя существуют другие позиции. Например, Н.Н. Коновалов считает мужеложством «любой гомосексуальный контакт между мужчинами: введение полового члена в рот сексуального партнера (оральный коитус), имитация анального коитуса с помощью рук или различных приспособлений, взаимную мастурбацию и др.»¹.

Существуют проблемы отнесения определенных действий (поцелуи, пошлепывание по ягодицам) к действиям сексуального характера. Так, по уголовному делу по обвинению К. по «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ установлено, что К. учил 6-летнюю Л. целоваться, дотрагиваясь друг друга языком, гладил ее по спине и ногам. К. утверждал, что это было проявление «отеческой» любви к дочери его сожительницы. При таких обстоятельствах было маловероятно вменение ст. 132 УК РФ, если бы не были доказаны факты дотрагивания эрегированным половым членом до половых губ Л. В этой ситуации возник вопрос об отнесении содеянного к иным действиям сексуального характера или к покушению на изнасилование. Умысел, свидетельствующий о покушении на ст. 131 УК РФ, в правоприменительной практике доказать сложно, поэтому в большинстве случаев вменяется ст. 132 УК РФ, хотя во многих ситуациях действия субъекта (настойчивость, продолжительность, неоднократность подобных действий и т.д.) указывают о направленности умысла на изнасилование.

Нередки случаи, когда насильственному половому акту предшествовали действия сексуального характера, например введение пальцев во влагалище. На практике подобные действия квалифицируются по совокупности ст. 132 и 131 УК РФ. На наш взгляд, подобные

¹ Коновалов Н.Н. Понятие мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера в уголовном праве: законодательная регламентация и научное толкование // Вестник Российского нового университета: электрон. науч. журн. Серия: Человек и общество. 2017. № 3. URL: vestnik-rosnou.ru /человек–и–общество–uman–society/2017/3/31/ (дата обращения: 16.01.2021).

насильственные действия сексуального характера являются способом приготовления к совершению изнасилования, даже в случае, если субъект не довел свой преступный умысел, направленный на изнасилование до конца по независящим от него обстоятельствам.

Согласно п. 1 указанного Постановления мотив совершения действий, предусмотренных ст. 132 УК РФ, значения не имеет, что стирает грань между половыми преступлениями и деяниями против жизни и здоровья личности. Можно предположить ситуацию, когда для удовлетворения своих сексуальных желаний субъект наносит удары, например палкой по пяткам потерпевшего, или истязает, кусает его. На практике в большинстве случаев это рассматривается как деяние против здоровья, но должно оцениваться по ст. 132 УК РФ. Полагаем, что при разграничении преступлений, предусмотренных гл. 16 и 18 УК РФ, необходимо руководствоваться мотивом совершенных действий.

В.А. Шеслер

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ, СОПРЯЖЕННОГО С НАСИЛИЕМ

Законодатель, раскрывая понятие хищения в примечании 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), указал на то, что конструктивным признаком любого хищения, предусмотренного УК РФ, является причинение ущерба собственнику или иному владельцу похищенного имущества. Это означает, что хищение признается окончательным преступлением с того момента, когда такой ущерб причинен. В том случае, когда последствия в виде ущерба не наступили, хищение не окончено, так как для признания преступления окончательным необходимо, чтобы в совершенном лицом деянии содержались все признаки состава преступления (ч. 1 ст. 29 УК РФ).

Несмотря на общий подход законодателя к понятию хищения, высший судебный орган его уточняет, в том числе исходя из характера применяемого насилия¹. Так, в п. 6 постановления Пленума

¹ О моменте окончания хищения см.: Шеслер А.В. Проблема определения момента окончания хищения // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 145–149; Яни П.С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12 (974). С. 43–47.

Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дается разъяснение о том, что грабеж считается оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению; разбой – с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Следуя данным разъяснениям и исходя из понятий грабежа и разбоя, данных в ст. 161 и ст. 162 УК РФ, хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (грабеж), считается оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению. А хищение указанных предметов, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (разбой), окончено с момента нападения.

Такой подход к определению момента окончания хищения предметов, предусмотренных ст. 164 УК РФ, совершенного в форме грабежа, представляется правильным, а подход к определению момента окончания хищения этих предметов, совершенного в форме разбоя, вызывает возражения. Так, из диспозиции ст. 162 УК РФ следует, что разбоем признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. То есть разбой признается оконченным даже в том случае, если виновный не выполнил объективную сторону хищения, как частично, так и полностью, а лишь преследовал цель хищения. В ст. 164 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, независимо от способа хищения. Поэтому момент окончания хищения предметов, указанных в ст. 164 УК РФ, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, следует связывать с моментом появления у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться изъятым имуществом по своему усмотрению.

Перенос момента окончания хищения указанных предметов в форме разбоя на момент нападения противоречит принципу закон-

ности, в соответствии с которым преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются уголовным законом (ст. 3 УК РФ).

А.В. Черноусова

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 167 УК РФ

В статье 167 УК РФ, как известно, не указаны социальные признаки, характеризующие субъекта преступления (его профессия, род занятий, и т.д.). В этой связи возникает вопрос: может ли должностное лицо, умышленно уничтожающее или повреждающее чужое имущество в связи со служебной деятельностью, нести ответственность по ст. 167 УК РФ?

В науке уголовного права существовали и существуют разные точки зрения по этому вопросу. Одни авторы полагают, что должностные лица за уничтожение или повреждение имущества должны нести уголовную ответственность по статьям главы Уголовного кодекса о должностных преступлениях¹. Другие авторы считают, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ может быть как должностное, так и не должностное лицо².

Полагаем, что неправомерные действия должностного лица, повлекшие уничтожение или повреждение имущества в связи с осуществлением им своих служебных полномочий по его содержанию и

¹ Шаньгин Ю.М. Ответственность за уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1972. С. 157; Исаев М.М. Имущественные преступления. М., 1938. С. 76; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. IV. Корыстные (без признаков хищений) и некорыстные посягательства на собственность. М., 2019. С. 126.

² Тишкевич И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность. Минск, 1984. С. 146; Портнов И. Ответственность за уничтожение или повреждение имущества // Советская юстиция. 1975. № 11. С. 24; Файзрахманова Л.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества по УК России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 79; Курс уголовного права в пяти томах. Том 3. Особенная часть // под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 231.

охране либо в связи с его служебной деятельностью, следует квалифицировать по статьям Главы 30 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (ст. 285, 293 УК РФ), при наличии признаков составов этих преступлений. Такая квалификация объясняется тем, что умышленное уничтожение или повреждение имущества связано со служебной деятельностью лица и совершено, когда виновный осуществлял возложенные на него обязанности по службе. На наш взгляд, в данном случае действует правило конкуренции общей и специальной нормы, изложенное в ч. 3 ст. 17 УК РФ.

В случае уничтожения или повреждения имущества лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, содеянное следует квалифицировать по ст. 201 УК РФ, при наличии необходимых условий для этого. Мнение авторов о том, что квалификация действий должностного лица, которые повлекли уничтожение или повреждение имущества в связи с осуществлением им своих служебных полномочий по его содержанию и охране либо в связи с его служебной деятельностью, должна осуществляться по совокупности преступлений, нарушает принцип справедливости, поскольку имущественный ущерб предлагается оценивать и как общественно опасное последствие в ст. 167 УК РФ, и как существенный вред в служебных преступлениях.

И.А. Никитина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ ситуации, сложившейся в Российской Федерации в начале XXI столетия, свидетельствует о том, что коренное реформирование экономики, экономический кризис и деформированный характер складывающихся рыночных отношений оказали негативное влияние на состояние и динамику преступности в сфере экономической деятельности.

Современное состояние уголовно-правовой политики России характеризуется деструкцией и десистематизацией уголовного закона, которые стали результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесенных законодателем в Уголовный кодекс¹. В последнее время наиболее существенные изменения уголовно-правовых норм о преступлениях экономической направленности вносятся в Главу 22 УК РФ. В некоторых случаях предлагаемые изменения уголовно-правовых норм носят взаимоисключающий характер не только между предписаниями внутри уголовного закона, но и с положениями иных нормативных правовых актов, регулирующих сферу экономического оборота. Процесс криминализации деяний в Главе 22 УК РФ преобладает над их декриминализацией.

Казуистический способ описания уголовно-правового запрета, к которому стал прибегать российский законодатель, наполняет кодекс громоздкими статьями, дублирующими друг друга. Например, ст. 185.3, 185.4, 185.5 УК РФ.

Расширение криминализации идет в основном по пути установления новых разновидностей экономического отклоняющегося поведения, которое в действительности общественной опасностью не обладает вообще или обладает такой опасностью, с которой можно справиться в рамках других отраслей права.

В связи с переходом России к рыночным отношениям были криминализованы деяния, посягающие на те отношения, в которых стороны выступают в качестве равноправных субъектов, и нормы гражданского права содержат полноценные механизмы разрешения между ними споров и возмещения ущерба. Развитие рыночных отношений требует защиты интересов государства, общества и граждан уголовно-правовыми средствами, однако не криминализацией экономики в целом и отдельных ее сфер. В экономической сфере механизм гражданско-правовой ответственности более эффективен, чем уголовно-правовой в силу того, что гражданско-правовая ответственность наступает без установления вины и ее целями являются возмещение ущерба, лишение незаконно полученной прибыли, а не наказание. Некоторые действия (например, неправомерные действия при банкротстве, фиктивное банкротство и преднамеренное банк-

¹ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ, 2019. 234 с.

ротство) более полно и обстоятельно регулируются ГК РФ, нежели ст. 195–197 УК РФ.

Имеется группа уголовно-правовых норм, неприменение которых обусловлено отсутствием оснований для криминализации предусмотренных ими деяний при весьма высокой их распространенности в реальной действительности (ст. 171.1, 180 УК РФ и др.). Разрыв между содержанием таких запретов и реальными потребностями сегодня очевиден. Он может быть преодолен только путем отмены уголовно-правовых норм, переставших соответствовать социальным потребностям. Сохранение в уголовном законодательстве таких норм неоправданно. Оно может порождать у населения отношение к уголовному закону как к недействительному. Такие преступления подлежат декриминализации. Чтобы такая декриминализация не создавала иллюзию безнаказанности, она может сопровождаться введением или усилением административной ответственности¹.

На позицию законодателя, возможно, оказывают соответствующее воздействие и предложения ученых-юристов, высказываемые ими в диссертационных исследованиях проблем уголовной ответственности за конкретные виды преступлений в сфере экономической деятельности. Причем, как правило, формулируются предложения, связанные с расширением сферы уголовной репрессии. Это приводит к появлению псевдопреступлений. Иногда недостаточно обоснованная криминализация признается самим законодателем, и в дальнейшем такая норма отменяется. Это произошло со ст. 173, 182, 200 УК РФ.

Законодателю необходимо определиться с тем, какова должна быть уголовная политика по совершенствованию уголовного законодательства в экономической сфере.

В сфере уголовно-правового регулирования следует оставить только преступные деяния, посягающие на кредитно-денежную систему государства, на установленный порядок внешнеэкономической деятельности, валютные, налоговые преступления и другие деяния, посягающие на отношения, в которых проявляется властная воля государства по отношению к субъектам.

¹ Ревин В.П. Уголовная политика. М. : Юрайт, 2017. 226 с.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГЛАВЫ 22 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В октябре 2020 г. в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации законодателем вновь были внесены дополнения.

На основании Федерального закона РФ от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ обозначенная глава дополнена ст. 200.7, предусматривающей уголовную ответственность за «подкуп арбитра (третейского судьи)». Указанное дополнение обусловлено тем, что в процессе ратификации Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. Российская Федерация взяла на себя международные обязательства по приведению ее уголовного законодательства в соответствие с содержащимися в данной Конвенции положениями, направленными на борьбу с активным и пассивным подкупом различных лиц, в том числе и должностных, как в государственном, так и в частном секторах. Согласно дополнительному протоколу к этой Конвенции Российской Федерации предписано криминализовать подкуп третейских судей, как национальных, так и иностранных. Следует отметить, что отсутствие уголовной ответственности арбитров, третейских судей за получение незаконного вознаграждения существенно увеличивает риск совершения ими коррупционных правонарушений с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц вопреки задачам их деятельности.

Таким образом, криминализация рассматриваемого деяния обусловлена необходимостью усиления борьбы с коррупцией не только в Российской Федерации, но и в целом в мире. Поэтому «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, имеющее место в исследуемой ситуации, правомерно.

Представляется, что, криминализовав подкуп арбитра, третейского судьи, проблемы дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ по-прежнему окажутся решенными не в полном объеме. По нашему мнению, для их решения необходимой является криминализация и иных деяний. Пример – дискредитация деловой репутации

юридических лиц. По своей правовой природе данное деяние представляет собой проявление недобросовестной конкуренции путем распространения ложных либо неточных сведений, способных причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб его деловой репутации. Статья 128.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за клевету, не способна в полной мере защитить общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности, поскольку она отнесена в Главу 17 УК РФ, составляющие которую нормы направлены на охрану свободы, чести, достоинства личности – только физического лица. Юридические лица, составляющие большую часть участников делового оборота, фактически оказались вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, криминализация этого деяния является правомерной, поскольку в результате будет устранен значительный законодательный пробел.

Одновременно с рассмотренной, для решения указанных проблем далее не исключена криминализация и других проявлений недобросовестной конкуренции. Также для их решения необходимо совершенствование и уже действующих норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Указанная проблема, как и наличие законодательных пробелов в данной главе, не менее актуальная, поскольку большинство из составляющих ее норм имеют достаточно сложные законодательные конструкции, что существенно затрудняет их практическое применение, снижая тем самым их эффективность.

Таким образом, проблемы дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ, несмотря на постоянно вносимые в нее законодательные поправки, по-прежнему оказались фактически нерешенными. На наш взгляд, для их решения, наряду с криминализацией отдельных проявлений недобросовестной конкуренции, необходимо совершенствование диспозиций большинства норм, составляющих указанную главу.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ

С одной стороны, особенность объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, заключается в том, что объективную сторону данного преступления образуют два альтернативных действия – приобретение и сбыт; с другой – приобретение или сбыт имущества признаются преступлениями только в том случае, если им предшествовала преступная добыча этого имущества.

Рассматривая особенность с образованием альтернативных действий, следует отметить, что приобретение по смыслу ст. 175 УК РФ – это возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме (покупка, получение в дар, в обмен, в счет долга, в порядке возмещения убытков, в виде компенсации за услуги и т.п.), в результате которого приобретатель получает фактическую возможность владеть, пользоваться и распоряжаться в своих интересах этим имуществом как собственным (в том числе лично использовать или отчуждать), но не приобретает правомочий собственника, т.е. к нему не переходит право собственности на это имущество. А сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, принято понимать, как возмездную или безвозмездную фактическую передачу имущества, его отчуждение любым способом (продажа, дарение, обмен, передача в счет уплаты долга, возмещения причиненных лицом убытков и т.п.) в пользу (обладание) другого лица.

Важный момент данной особенности заключается в том, что для наличия состава преступления достаточно одного из указанных действий. В контексте указанного момента Л.А. Серебренникова считает, что ст. 175 УК РФ предусматривает ответственность за два различных, не зависящих друг от друга преступления. Одно из них – заранее не обещанное приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем, а другое – заранее не обещанный сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем. Однако по факту данные деяния органически связаны друг с другом и представляют собою лишь разные формы одного преступления.

Рассматривая же особенность с предшествовавшей преступной добычей имущества, нужно понимать, что данное действие является обязательным признаком, характеризующим предмет преступного деяния, предусмотренного ст. 175 УК РФ. В свою очередь под добычей имущества преступным путем следует понимать предусмотренные Уголовным кодексом деяния, в результате совершения которых в распоряжении преступника оказывается конкретное имущество. Оно может быть получено вследствие преступлений против собственности (различные формы хищения и вымогательство), незаконного предпринимательства, контрабанды, экономических, экологических преступлений, незаконного оборота оружия, наркотических средств и других деяний. Исключением являются ситуации, когда приобретаются или сбываются вещи, составляющие предмет самостоятельных составов преступлений.

Чтобы судить о наличии в конкретном случае состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, необходимо установить наличие состава предшествующего преступления, предметом которого также являлось данное (преступно добытое) имущество. Необходимо, чтобы предыдущее преступление было совершено другим лицом, а не тем, которое приобретает или сбывает в последующем имущество.

Таким образом, для правильной квалификации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, необходимо не только изучение объективной стороны, но и ее особенностей.

М.А. СЕРЕЖКИНА

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ Внесудебном Банкротстве

01.09.2020 г. вступила в действие норма, предусмотренная п. 5 гл. X ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ – «Внесудебное банкротство гражданина».

Основными субъектами нововведенной процедуры являются граждане имеющие долговые обязательства в сумме от 50 до 500 тыс. руб., не способные погасить свои обязательства. Процедура внесудебного банкротства проста, быстра и бесплатна. Достаточно

подать заявление установленного образца с соответствующими документами в МФЦ, и через 6 месяцев долги будут списаны.

Несомненно, найдутся желающие избавиться от своих долгов, предоставив о себе и своем материальном положении заведомо ложные сведения. В связи с этим закономерно возникает вопрос: к какому виду ответственности надлежит привлечь такую категорию граждан?

Применительно к рассматриваемой ситуации проанализируем существующие положения статей УК РФ и КоАП РФ:

– ст. 159, 159.1, 176 УК РФ предусматривают ответственность за хищение денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием, однако применить нормы указанных положений будет невозможно, так как умысел на хищение денежных средств, при указанных деяниях, возникает до момента их фактического изъятия у собственника. А обман или злоупотребление доверием выступают как способ хищения, т.е. незаконного изъятия денежных средств;

– ст.196 и 197 УК РФ – обязательным признаком указанных составов преступлений является наличие последствий в виде причинения крупного ущерба – более 2 млн 250 тыс. руб. Как уже говорилось, субъекты процедуры внесудебного банкротства должны иметь размер долга не более 500 тыс. руб., т.е. являться субъектами преступлений, предусмотренных ст. 196 и 197 УК РФ, такие физические лица не могут;

– ст. 14.12 КоАП РФ «Фиктивное или преднамеренное банкротство». Данная статья находится в главе КоАП РФ, предполагающей защиту общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности. Существо предпринимательской деятельности сводится к деятельности, направленной на получение постоянного дохода, осуществляемой лицами, прошедшими соответствующую регистрацию. В ситуации, когда мы имеем дело с простым «бытовым» займом, говорить о наличии «предпринимательской деятельности» не очень уместно. Следовательно, применение положений ст. 14.12 КоАП РФ в рассматриваемой ситуации невозможно;

– ст. 165 УК РФ и ст. 7.27.1.КоАП РФ. Основным объектом указанных деяний являются общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от ее формы – в процедуре внесудебного банкротства объектом преступного посягательства являются денежные средства, принадлежащие займодателю; объек-

тивная сторона – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Указанный элемент появляется, когда должник, обращаясь с заявлением в МФЦ, намеренно сообщает о себе заведомо ложную информацию, т.е. прибегает к обману как способу причинения имущественного ущерба без признаков хищения.

Проведенный анализ показывает, что наиболее приемлемой нормой для квалификации некоторых незаконных действий в ходе проведения процедуры внесудебного банкротства являются нормы, предусмотренные ст. 165 УК РФ и ст. 7.27.1.КоАП РФ.

А.А. Наумов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ГОРНЫХ РАБОТ

Квалифицировать нарушения правил безопасности при ведении горных работ очень сложно, и при этом возникают сложности в определении уголовно-правовой нормы, по которой необходимо квалифицировать указанное деяние.

В настоящее время подходящими для квалификации нарушений безопасности при ведении горных работ являются ст. 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ) и ст. 217 УК РФ (нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов).

К объекту ст. 216 УК РФ относится безопасность работ, перечень которых является открытым, поэтому к их числу можно отнести и горные работы. Стоит отметить, что в 2018 г. из текста ст. 216 УК РФ было исключено указание на горные работы, однако открытый перечень работ в рассматриваемой статье позволяет и дальше квалифицировать нарушение безопасности при ведении горных работ по ст. 216 УК РФ.

С 2018 г. полностью изменилась формулировка ст. 217 УК РФ, которая отныне предусматривает ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов. В соответствии с п. 5 Приложения 1 ФЗ от 21.07.1997

№ 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» к опасным производственным объектам, в числе прочих, относятся горные работы. Хотелось бы обратить внимание, что и прежняя формулировка ст. 217 УК РФ, которая предусматривала ответственность за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, также охватывала горные работы, поскольку в соответствии п. 9 Перечня выполняемых работ на взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектах I, II и III классов опасности горные работы отнесены к работам, выполняемым на взрывоопасных объектах¹, причем горные работы были указаны в аналогичном Перечне ранее действовавших правовых актов, регулировавших данный вопрос².

В предыдущей редакции ст. 216 и 217 УК РФ соотносились друг с другом как общая и специальная норма, при этом специальной нормой была ст. 216 УК РФ с ее прямым указанием на горные работы. Однако нынешняя редакция ст. 216 и 217 УК РФ позволяет расценивать именно ст. 217 УК РФ как специальную норму, поскольку в ст. 216 УК РФ более нет прямого указания на горные работы. Данной позиции также придерживается и Верховный Суд РФ в п. 5 своего Постановления от 29.11.2018 № 41³.

Анализ правоприменительной практики Сибирского федерального округа за 2019–2020 гг. показал, что в целом, начиная с 2019 г., суды начали квалифицировать общественно опасные деяния при ведении горных работ по ст. 217 УК РФ, хотя в предыдущие годы подобные деяния квалифицировались по ст. 216 УК РФ. Однако иногда еще встречается квалификация нарушений при ведении гор-

¹ Постановление Правительства РФ от 12.10.2020 № 1661 «О лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности» // Собрание законодательства РФ. 19.10.2020. № 42 (ч. III). Ст. 6626.

² Постановление Правительства РФ от 10.06.2013 № 492 «О лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности» // Собрание законодательства РФ. 17.06.2013. № 24. Ст. 3014.

³ Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

ных работ по ст. 216 УК РФ. Так, приговором Прокопьевского районного суда Кемеровской области от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-33/2019 г. Ш. осужден по ч. 1 ст. 216 УК РФ за нарушение, которое «привело к обрушению площадки угольного штабеля под задней осью карьерного самосвала...»¹. Правильность такой квалификации вызывает сомнения.

Таким образом, в настоящее время нарушение правил ведения горных работ необходимо квалифицировать, на наш взгляд, по ст. 217 УК РФ.

О.В. Ермакова

НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА САМОУПРАВСТВА

Состав самоуправства относится к числу проблемных как с точки зрения толкования признаков, включенных законодателем в число обязательных, так и с позиции правоприменительной деятельности. Это сказывается на эффективности уголовно-правовой нормы.

При этом признаки состава самоуправства по сравнению с УК советского периода времени (1926 и 1960 гг.) существенно изменились. В частности, ст. 330 УК РФ по-иному описывает преступное деяние путем использования широкой формулировки – «какие-либо действия».

Кроме того, законодатель выдвигает несколько требований, которым должны соответствовать указанные действия:

1. Они должны совершаться в противоречие с законом или иным нормативным правовым актом. Иначе говоря, существует определенная, законная процедура осуществления действия, которую виновное лицо игнорирует.

2. Поведение виновного оспаривается организацией или гражданином.

Полагаем, что столь широкое описание деяния создает сложности толкования, поскольку обладает неясным содержанием. Не конкретность также относится и к признаку оспаривания. В частности, исхо-

¹ Приговор Прокопьевского районного суда Кемеровской области от 21 февраля 2019 № по делу № 1-33/2019 // СПС «Консультант Плюс».

дя из текста закона, абсолютно не понятно, кто и каким способом должен осуществить оспаривание.

В этой части следует отметить, что ранее действующие УК содержали более конкретную формулировку – нарушение порядка осуществления своего действительного или предполагаемого права¹.

Такое описание видится более определенным и заключается в том, что лицо, полагая наличие у него определенного права, начинает реализацию, нарушая тот порядок, который предписан в законе.

Изменилась и конструкция состава самоуправства. Так, в УК РСФСР 1926 г. состав был сконструирован по типу формального, и в законе отсутствовало указание на преступные последствия. В действующем законе последствия выступают криминообразующим признаком, т.е. при их отсутствии невозможна уголовная ответственность.

Проблема заключается не в самом использовании конструкции материального состава, а в закреплении оценочного понятия в виде существенного вреда. В этом случае законодатель не конкретизирует не характер вреда, ни его размер.

Судебная практика чаще всего связывает понятие вреда с имущественной разновидностью. При этом оправдательные приговоры чаще всего выносятся вследствие не установления существенности размера.

Например, Ш. заключил договор с ОАО на покупку котлов. После чего он забрал один котел без предоплаты. Органы следствия определили ущерб в 100 тыс. руб., исходя из стоимости самого котла. Однако, как разъяснил Верховный Суд РФ, котел продавался Ш. как металлолом и стоимостная характеристика определена не верно².

Полагаем, что конструкция состава изменена абсолютно верно, поскольку в рассматриваемом деянии само по себе деяние не обладает достаточной общественной опасностью, это качество достигается именно в момент наступления последствий. Однако для исклю-

¹ Филиппов П.А. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство // Законность. 2017. № 12. С. 33–35.

² Определение Верховного Суда РФ № 41-Д11-36 // СПС «Консультант Плюс».

чения проблем в правоприменении, законодателю следует обозначить характер последствий и их размер.

Е.В. Опалич

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

После распада СССР в 1990-х гг. в уголовное законодательство государств, созданных на его территории, были введены нормы о преступлениях против международной безопасности. Основой явился Модельный УК СНГ, разработанный в 1996–2006 гг. В дальнейшем сотрудничество государств в этой области не координировалось. Тем не менее в уголовном законодательстве постсоветских государств можно выделить четыре общих направления развития норм, направленных на обеспечение международной безопасности.

1. Имплементация Статута Международного Уголовного Суда (МУС). Устав МУС содержит 50 норм о военных преступлениях и 15 норм о преступлениях против человечности. Большинство уголовных кодексов постсоветских государств имплементируют эти нормы в полном объеме. В настоящее время только УК РФ не содержит запреты пыток и насильственных исчезновений. Понятие агрессивной войны, имплементирующее ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала 1946 г., в уголовных кодексах Грузии, Киргизии, Латвии, Литвы, Узбекистана и Эстонии заменено на норму о запрете агрессии, имплементирующую Резолюцию ГА ООН 1974 г. № 3314 «Об определении агрессии» и понятие агрессии, содержащееся в ст. 8bis Устава МУС. В УК Армении, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Туркменистана и Эстонии введено понятие командной ответственности.

2. Борьба с международным терроризмом. За последние годы специальные нормы об ответственности за международный терро-

ризм введены в уголовные кодексы Армении, Латвии, России и Узбекистана.

3. Обеспечение информационной безопасности международных отношений. Информационная безопасность международных отношений обеспечивается тремя видами норм: запрет призывов к агрессивной войне (агрессии) установленный всеми уголовными кодексами постсоветских государств. Кроме этого, УК Азербайджана и УК Латвии содержат нормы об ответственности за призывы к геноциду. УК Беларуси, РФ и Украины ввели ответственность за реабилитацию тоталитарных режимов. Также на обеспечение безопасности международных отношений направлены нормы, запрещающие разжигание расовой, этнической и религиозной вражды, установленные уголовными кодексами Казахстана и Узбекистана.

4. Противодействие государствам вовлечению собственных граждан в иностранные вооруженные конфликты. Уголовные кодексы стран СНГ, население которых преимущественно составляют мусульмане, в качестве деяний, посягающих на основы международной безопасности, рассматривают участие граждан этих государств в иностранных вооруженных конфликтах. В число этих государств входят Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Данная норма является рецепцией арабского уголовного права (уголовные кодексы всех стран, входящих в Лигу Арабских Государств, включают аналогичные нормы). Эта рецепция является реакцией государств на вовлечение тысяч граждан в вооруженные конфликты, ведущиеся на Ближнем Востоке и в Африке. Необходимость сотрудничества с арабскими странами в сфере противодействия расширению вооруженных конфликтов повышает значение данных для международной безопасности.

Кроме этого, на постсоветском пространстве создаются принципиально новые нормы, направленные на обеспечение международной безопасности. Например, в УК Эстонии в 2020 г. была введена статья об уголовной ответственности за нарушение международных санкций. Опыт государств по созданию норм, направленных на обеспечение международной безопасности, может быть обобщен на международном уровне.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В 2017 г. законодатель ввел в Уголовный кодекс Российской Федерации новую статью 110.2. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. Это было мерой противодействия «группам смерти», набирающим особую популярность в социальных сетях. К таковым относятся «Синий кит», «Разбуди меня в 4:20», «Море китов», «f57».

В качестве обоснования криминализации деяния выступало то, что от деятельности «групп смерти» наблюдалась весьма тревожная ситуация с суицидами среди молодых людей в возрасте от 10 до 18 лет. Так, по данным Следственного комитета РФ, в 2015–2017 гг. 2 205 детей совершили суицид¹. Поэтому в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной президентом РФ, подчеркивалась необходимость разработки системы мер по предотвращению подросткового суицида.

Некоторые ученые скептически отнеслись к подобному решению. По их мнению, норма обречена на практическую не востребованность, поскольку отсутствует необходимое криминологическое обоснование. Так, согласно данным МВД РФ, доля детских самоубийств, совершаемых по данным основаниям, не превышает 1% среди всех суицидов несовершеннолетних².

С момента введения уголовной ответственности за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, прошло около трех лет. За это время, по данным Судебно-

¹ Госдума ввела уголовную ответственность за создание «групп смерти» // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4284590> (дата обращения: 07.11.2020).

² Алиев В.М. Преступления против личности. Научно-практический комментарий. URL: https://studme.org/342598/pravo/organizatsiya_deyatelnosti_napravlennoy_pobuzhdenie_soversheniyu_samoubiystva_1102#815 (дата обращения: 07.11.2020).

го департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по исследуемой норме были осуждены всего два человека¹.

Возможно, причины столь низкого показателя привлечения к уголовной ответственности лиц по исследуемой норме вызваны, помимо прочего, следующими моментами.

Во-первых, уголовная ответственность по данной норме наступает за организацию деятельности, направленной на склонение другого лица или лиц к суициду, а не за организацию склонения. К таковым действиям, в частности, относят: создание сайтов с соответствующей суицидальной тематикой². Подобный способ законодательного закрепления состава некоторым видится нелогичным, поскольку склонение к преступлению без «конкретной жертвы» невозможно³.

Во-вторых, под сомнение ставится способ склонения как распространение информации о способах самоубийства. Поскольку таким образом происходит совпадение с деятельностью организатора содействия совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства, действия которого необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. Подобная конкуренция составов должна решаться по правилам квалификации общей и специальной нормы. Последняя – ч. 1 ст. 110.2 УК РФ.

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 6.11.2020).

² Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 81.

³ Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 82.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В первой главе Европейских правил в отношении «общинных» санкций и мер 2017 г. (в п. 2 и 7) поднимается вопрос о допустимости применения «общинных» санкций и мер в отношении всех. Вместе с тем отбывание в России исправительных работ иностранными гражданами фактически ограничено требованиями Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Т.С. Хван предлагает законодательно отказаться от назначения иностранным гражданам данного наказания¹. Однако Комментарий к п. 7 Европейских правил указывает, что не должно быть никакой дискриминации на основе гражданства. Представляется, что необходимо законодательно установить специальный режим отбывания наказания для иностранных граждан либо, если об этом заключены двусторонние или многосторонние соглашения, предусмотреть принципиальную возможность отбывания наказания в стране гражданства.

Следующая проблема изначально была отражена в п. 14.3 Токийских правил, а затем нашла отражение в п. 12, 68 и 69 Европейских правил, где уточняется, что «в законодательстве не должно быть положений, предусматривающих автоматическую замену „общинной“ санкции или меры на лишение свободы в случае несоблюдения какого-либо условия или обязанности, связанного с такой санкцией или мерой». Несмотря на рекомендательный характер этих документов, в них содержатся императивные положения о запрете автоматической замены, что, безусловно, не исключает возможности назначения наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Отдельные ученые (Н.В. Ольховик, А.П. Скиба, В.М. Степашин и др.) неоднократно обращали внимание на противоречия законодательства в сфере замены наказания. Коллизия есть и в п. 60 Ин-

¹ Хван Т.С. Отбывание наказания осужденными – иностранными гражданами и лицами без гражданства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. С. 12–13.

струкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества 2009 г., согласно которому не исключается отказ суда от замены обязательных работ другим видом наказания, хотя в ч. 3 ст. 49 УК РФ закреплена обязанность замены. Н.В. Ольховик предлагает внести изменения в УК РФ и предусмотреть именно возможность, а не обязанность замены штрафа и обязательных работ в случае злостного уклонения осужденного от их отбывания. Ю.М. Ткачевский, напротив, считал, что необходимо закрепить формулировку «заменяется» вместо «можно заменить», что противоречит современным рекомендациям Совета Европы и ООН.

Положения Правил пронизаны элементами диспозитивности, ведь в них подчеркивается необходимость обеспечения вовлеченности осужденных в процесс принятия решения (п. 29, 30, 32). В этой связи международные стандарты требуют наделить осужденного правом оспаривать содержание личного дела, к тому же содержание любого неразрешенного разногласия должно быть туда также вписано (п. 46 Европейских правил). Думается, что данное право, которое бы улучшало положение правонарушителя, можно закрепить в ч. 1 ст. 12 УИК, а порядок его реализации – предусмотреть в соответствующих инструкциях Минюста.

В российском законодательстве отсутствуют реальные стимулы позитивного поведения осужденных к альтернативам. Международные стандарты (п. 72 Европейских правил) все же закрепляют возможность освобождения от отбывания части «общинных» наказаний при выполнении ряда условий.

В заключение отметим, что международные стандарты акцентируют особое внимание на развитии у правонарушителей чувства ответственности, чтобы учесть потенциальные риски совершения повторного преступления. Для оценки преимуществ и недостатков применения альтернатив лишению свободы Совет Европы предлагает разработать критерии эффективности и результативности (п. 99). Их перечень достаточно широкий: начиная с показателей рецидива, доли успешного отбывания наказания (речь идет о количестве зарегистрированных нарушений в этот период), заканчивая учетом мнения осужденных и исполняющих органов. В этом вопросе главное – универсальная совокупность данных показателей, которая отсутствует в европейских странах.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Формирование и развитие общества и общественных процессов видится гармоничным только тогда, когда все социально значимые институты развиваются параллельно. Пенитенциарное воздействие на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, безусловно, должно отвечать требованиям времени. В противном случае пропасть между устаревшим, но используемым понятием «исправление» и общественными запросами к пенитенциарному процессу становится непреодолимой.

Рассматривая такую категорию осужденных к лишению свободы, как несовершеннолетние, мы в первую очередь ориентируемся на безусловную важность и необходимость в возвращении последних к социально полезной и плодотворной роли в обществе. Стоит заметить, что Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, указывая на цели наказания, говорят именно об этом¹. Отметим, что ориентация именно на несовершеннолетних связана в первую очередь с возрастом социализации и ресоциализации соответственно. Причины совершения тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетними в большинстве случаев кроются в сбоях нормальной социализации, формирования и развития личности.

Ориентация на рыночные отношения, уход от всеохватывающего контроля государством социальных процессов, в том числе в среде малолетних и несовершеннолетних и, как следствие, исчезновение социальных институтов, формирующих жизненные установки детей, образовало вакуум, который нередко заполняется криминогенно ориентированными интересами. В этой связи перед сотрудниками воспитательных колоний для несовершеннолетних ставится задача

¹ См.: Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы // Уголовно-исполнительное право: сб. нормат. актов / под ред. П.Г. Пономарева. М., 1997. С. 141–163.

по их исправлению, на наш взгляд, не достижимая существующими подходами, силами и средствами.

Встречаются мнения о необходимости пересмотра существующих законодательных положений об исправлении осужденных и средствах его достижения¹. В настоящее время успехи пенитенциарного воздействия оцениваются уровнем рецидива. При этом сложно сказать, является ли отсутствие рецидива у освободившегося человека молодежного возраста важнее полноценного вливания в общественные процессы в качестве активной, социализированной личности, способной реализоваться в конкурентной рыночной среде.

Ввиду вышесказанного необходима разработка концептуально иного подхода к процессу исправления и отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними. Основу пенитенциарного процесса должны составлять средства исправления, отвечающие господствующим общественным установкам и социальным ориентирам. В основу исправления должна лечь широкая вовлеченность общественно-социальных, государственных и муниципальных институтов, ответственных за формирование нравственных ориентиров молодежи, интеграцию в общественные и государственные процессы.

Вместе с тем мысль относительно важности пересмотра подхода к исправлению несовершеннолетних, лишенных свободы, возникает еще и ввиду интерпретаций, положений Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1956 г. через призму сегодняшних реалий. В документе говорится, что «ребенку законом и другим средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства»².

¹ Прохорова М.В. К вопросу о стимулировании позитивной активности несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 52–54.

² Конвенция о правах ребенка // Международная защита прав и свобод человека : сб. докл. М., 1990. С. 388–409.

МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Меры правового принуждения наиболее широко применяются к лицам, совершившим преступление. Это вполне логично, учитывая, что преступления – это наиболее общественно опасные деяния, причиняющие наибольший вред правам и свободам граждан и другим охраняемым государством общественным отношениям и интересам.

В то же время в науке уголовно-исполнительного права почти не используется общий термин «принуждение», а следовательно, и не разрабатывается соответствующее ему понятие. Хотя изучаются отдельные виды принуждения. Например, задержание осужденных. При этом подобное понятие в других отраслях права (административное право, уголовно-процессуальное право, финансовое право, налоговое право и другие) активно изучается учеными.

В рамках данной статьи мы разграничим такие понятия, как «уголовно-исполнительные меры принуждения» и «уголовно-исполнительные принудительные меры».

Меры принуждения представляют собой способ воздействия на лицо с целью добиться от него определенного поведения. То есть мера принуждения всегда принуждает к чему-то и отвечает на вопросы «к чему принуждают», «для чего их реализуют».

Необходимо отметить, что меры принуждения, применяемые к лицу, совершившему преступление, можно подразделить на несколько уровней. Первый уровень – это применение к нему уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера. В самых общих чертах можно сказать, что это принуждение к совершению преступления. Эти меры можно отнести к уголовно-правовым. Если осужденный принимает такое наказание или иную уголовно-правовую меру, т.е. отбывает их без каких-либо нарушений, то в этом случае уголовно-исполнительное принуждение не реализуется. Если же осужденный уклоняется от наказания или иной меры уголовно-правового характера, то его необходимо принуждать к отбыванию наказания. Это будет вторым уровнем принуждения к лицу, совершившему преступление. Норм уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающих применение принужде-

ния к осужденным, достаточно много. Это, к примеру, нормы о применении мер взыскания к осужденным, о замене наказания более строгим, о принудительном приводе осужденных, о задержании, о применении физической силы и другие. В действующем законодательстве данные нормы сформулированы без какой-либо системы и последовательности.

Понятие «принудительная мера» указывает на порядок ее реализации¹. Использование этого термина предполагает ответ на вопрос: «как реализуется данная мера», и означает, что осужденный не может от применения к нему этой меры отказаться.

Следует отметить, что понятие «принудительная мера» шире понятия «мера принуждения» – все меры принуждения являются принудительными мерами, но не все принудительные меры являются мерами принуждения. Так, уголовное наказание является уголовно-правовой мерой принуждения и принудительной мерой. Изменение вида режима исправительного учреждения – это мера уголовно-исполнительного принуждения, которая также является и принудительной мерой. В то же время, например, общее образование осужденных в возрасте до 30 лет является принудительной мерой, поскольку является обязательным для них в соответствии с ч. 1 ст. 112 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Но при этом общее образование нельзя назвать мерой принуждения.

Е.С. Витовская

ПОДГОТОВКА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, К ОСВОБОЖДЕНИЮ: МОДЕЛЬ НАРКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И МЕРЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Чрезвычайно сложной проблемой является лечение наркомании в учреждениях, исполняющих уголовное наказание. Осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, составляют значительную часть потребителей наркотиков. Положительным моментом является

¹ На необходимость разграничения понятий «мера принуждения» и «принудительная мера» ранее обоснованно указывал проф. В.А. Уткин (Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск, 2018. С. 26 и др.).

то обстоятельство, что здравоохранение в местах лишения свободы является частью государственной системы здравоохранения и во время отбывания наказания лица, имеющие социально значимые заболевания, находятся в пределах досягаемости, что и нужно учитывать при организации лечебного процесса. Концепции охраны здоровья лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и состояния их здоровья после освобождения требуют, чтобы обеспечивался адекватный уровень медико-санитарной помощи и социальной реинтеграции.

Наибольший интерес представляет общая модель наркологической помощи, разработанная на основе международных стандартов пенитенциарного здравоохранения¹. Модель наркологической помощи в местах лишения свободы состоит из трех ступеней. В основе первой ступени находится философия, раскрывающая сущность системы мер исправительного воздействия, ее методы и цели. Вторая ступень представлена системой оказания услуг. Третью ступень характеризуют конкретные программы, реализуемые в рамках возложенных функций. В целом такая модель отражает сущность карательной политики, концепцию и процедуры, применяемые в отношении осужденных к лишению свободы, нуждающихся в лечении от наркозависимости.

Модель наркологической помощи основана на следующих принципах: справедливость в предоставлении медико-санитарной помощи, применение медицинских препаратов на доказательной основе, непрерывность и стабильность лечебного процесса, взаимодействие с социальными структурами. Важная роль в обеспечении соблюдения прав осужденных на получение наркологической помощи отведена санитарному просвещению, представляющему собой индивидуальные консультации с медиками по вопросам наркопотребления, беседы о чрезвычайном риске смертности от полинаркомании и пониженной переносимости наркотиков после периода относительной абстиненции в местах отбывания наказания, обучение навыкам первой помощи при передозировке наркотиками.

Предполагается, что персонал исправительного учреждения должен быть осведомлен о потребностях каждого осужденного. К физическим потребностям отнесены работа, жилье, образование, кредит-

¹ Боржицкий М. Оказание помощи заключенным, возвращающимся в общество. Канберра, 2005. С. 17.

ная задолженность; к психологическим – склонность к стрессам и маргинализации, наличие психологической травмы и коморбидного состояния; к социальным – семья, дети, друзья, родительские и социальные навыки.

В целях реализации рассматриваемой модели разработаны меры вмешательства. В обязательном порядке применяются учебные комплексы и ведутся протоколы режима пациентов. К медицинским мерам вмешательства отнесены заместительная терапия, психотерапия, фармакотерапия, психосоциальная коррекция, выявление групп повышенного риска, скрининг. В числе юридических мер поименованы ограничение на освобождение под залог, прохождение лечения от наркозависимости, постоянное тестирование на предмет употребления наркотиков.

Модели и меры вмешательства могут быть многогранными. Задача заключается в том, чтобы разработать интегрированную модель наркологической помощи, в которой наркозависимость и преступное поведение заменяются полезным потенциалом для общества.

А.А. Герасимов

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В настоящее время вопрос об обеспечении безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) является актуальным. Однако понятие и содержание термина «обеспечение безопасности» применительно к уголовно-исполнительной системе в законодательстве не закрепляется, хотя его определение значимо как для нормативного регулирования порядка исполнения наказания в виде лишения свободы, так и для практической деятельности сотрудников учреждений УИС.

Нормы уголовно-исполнительного законодательства содержат гарантии обеспечения безопасности сотрудников учреждений УИС, в том числе и за счет косвенного влияния того или иного института. Статьей 82 УИК РФ, а также положениями Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы»

предусматриваются основания, порядок и условия применения сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, которые выступают одним из средств обеспечения безопасности сотрудников УИС. Кроме того, цели уголовно-исполнительного законодательства (исправление и предупреждение совершения новых преступлений) направлены в том числе на нивелирование общественной опасности осужденных, среди установленных обязанностей последних имеется требование о вежливом отношении к персоналу исправительных учреждений, требования о раздельном содержании, дифференциации, классификации осужденных направлены на изоляцию наиболее опасных категорий, обеспечение личной безопасности сотрудников и работников учреждений является одним из требований режима.

Следует согласиться с точкой зрения А.М. Потапова, который считает, что обеспечение безопасности в учреждении УИС представляет собой сложное многоплановое направление служебной деятельности сотрудников УИС, которое связано с реализацией комплекса мероприятий правового, организационного, инженерно-технического характера, составляющих общую деятельность учреждения по обеспечению режима содержания осужденных и охраны объектов учреждения¹.

Тем самым обеспечение безопасности сотрудников учреждений УИС связывается не только с нормативным закреплением гарантий безопасности сотрудников, организацией режима и охраны учреждений, но и с осуществлением целого комплекса организационных, правовых, оперативно-режимных, воспитательно-профилактических и других мер воздействия, направленных на профилактику, предупреждение, выявление и пресечение посягательств на сотрудников и работников УИС при осуществлении ими служебной деятельности².

Процесс обеспечения безопасности сотрудников имеет системный и комплексный характер, в качестве его элементов выступают кадровая политика, психологическое обеспечение, педагогический процесс, материально-техническое, правовое обеспечение.

¹ Потапов А.М. Современное состояние и факторы, определяющие личную безопасность осужденных к лишению свободы // Ведомости УИС. 2013. № 2. С. 4.

² Артемьев Н.С. Кутаков Н.Н., Понкратов В.А. Организация и правовые основы обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений ФСИН России. Киров, 2015. С. 17.

Таким образом, являясь комплексным институтом уголовно-исполнительного законодательства обеспечение безопасности сотрудников УИС не находит своего закрепления в последнем. На наш взгляд, налицо необходимость законодательного закрепления понятия «безопасность», а также определение его содержания и средств его обеспечения. Поскольку обеспечение безопасности сотрудников УИС является сложным и многогранным процессом, необходимо обеспечить комплексный подход к решению данной задачи.

А.А. Ефименко, Э.В. Чумаков

ЭТАПЫ ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

По мнению С.Л. Бабаяна, подготовка осужденных к освобождению начинается с первого дня начала отбывания наказания в виде лишения свободы. Соответственно, деятельность по подготовке осужденных к освобождению необходимо начинать с момента их прибытия в исправительное учреждение¹. На этой основе в качестве первого этапа работы необходимо выделить этап первичной адаптации, продолжительность которой зависит от адаптивных способностей «индивида» и продолжается в среднем от 3 до 5 месяцев.

С.В. Березиков указывает, что результатом работы по изучению личности осужденного на этапе первичной адаптации является социально-психологический портрет осужденного, на основании которого необходимо составить программу работы с ним².

Следующим этапом подготовки осужденного к освобождению является подготовительный этап. На данном этапе имеется предварительный социально-психологический портрет лица и, соответственно, можно прогнозировать его дальнейшее поведение как в исправительном учреждении, так и после освобождения. По мнению Н.Н. Городецкого, на подготовительном этапе необходима

¹ Бабаян С.Л. Понятие и правовая природа поощрительных институтов уголовно-исполнительного права // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2012. № 18. С. 33–39.

² Березиков С.В. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях надо изменять // Законность. 2009. № 6. С. 12–18.

разработка индивидуальной программы подготовки осужденного к освобождению, которая формируется на основе данных изучения его личности. Основной целью программы является устранение тех негативных факторов, которые явились следствием совершения преступления¹.

Этап исправления – основной этап в подготовке осужденного к освобождению. По временным рамкам данный этап является самым продолжительным. В этот период либо происходит нравственный, психологический «перелом» личности осужденного, либо продолжает развиваться и закрепляться криминальный опыт поведения.

На рассматриваемом этапе целесообразно проводить работу по подготовке к освобождению, используя групповые и индивидуальные методы работы с осужденными. Методы индивидуального воздействия должны преобладать над методами группового воздействия, учитывая тот факт, что основная часть осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, подвержена влиянию тюремной субкультуры и имеет определенную криминогенную устойчивость.

На этапе исправления работу по подготовке к освобождению нужно проводить в комплексе с воспитательными и психологическими мероприятиями, где не обойтись без помощи квалифицированных специалистов.

Таким образом, система подготовка к освобождению осужденных в исправительном учреждении должна быть ориентирована на приобретение и формирование ими позитивного социального опыта организации своей жизнедеятельности, восстановление социально-личностного статуса в свободном обществе и на сегодняшнем этапе развития уголовно-исполнительной системы одной из важнейших предпосылок сокращения рецидивной преступности и предупреждения преступности в целом.

¹ Городецкий Н.Н. Социальная помощь программа подготовки осужденного к освобождению // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5. С. 17–20.

Е.А. Журавлева, Т.А. Уварова

ПРИМЕНЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ОСУЖДЕННЫМ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Привлечение осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, правопослушного поведения осуществляется с применением обширного спектра методов и средств. При этом немалая часть данных нарушений осужденных квалифицируются как дисциплинарные проступки, хотя содержат в себе все признаки административного правонарушения. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что нарушителю удается избежать установленного законом наказания. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации устанавливает дисциплинарную ответственность за нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к принудительным работам. При этом данный нормативный правовой акт дублирует отдельные положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливая более мягкую ответственность.

По мнению некоторых ученых, лицо, содержащееся в учреждении УИС, является специальным субъектом административного права в связи с чем возможность привлечения его к административной ответственности ограничена. Данное утверждение, по нашему мнению, является весьма спорным, поскольку: во-первых, ст. 1.4 КоАП РФ установлено равенство всех физических лиц вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; во-вторых, ни КоАП РФ, ни иные нормативные правовые акты не содержат норм, относящихся к лицам, содержащимся в учреждениях УИС, к специальным субъектам административного права.

Принудительные работы, находясь в группе наказаний, не связанных с изоляцией от общества, имеют существенное отличие от других видов наказаний этой же группы. Содержание данного вида наказания, с одной стороны, связано с обязательным привлечением

осужденных к труду и производством удержаний из их заработной платы, что имеет значительное сходство с таким видом наказания, как исправительные работы. С другой стороны, категории осужденных к принудительным работам подразделяются на следующие виды: 1) осужденные, проживающие на территории исправительного центра; 2) осужденные, которым постановлением начальника исправительного центра разрешено проживание за его пределами, и на них распространяются запреты и ограничения, очень близкие к условиям отбывания наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении. Такая правовая природа принудительных работ позволяет относить их в отдельную подгруппу наказания, имеющего промежуточный характер между наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества и лишением свободы.

Как было отмечено ранее, дисциплинарные проступки, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве, куда, помимо УИК РФ, необходимо отнести и правила внутреннего распорядка, содержат все признаки административного правонарушения, а именно: ст. 20.1, 20.20, 20.21, 6.9 КоАП РФ. При этом необходимо заметить, что такая коллизия норм не исключает возможности привлечения виновного лица как к административной, так и к дисциплинарной ответственности и дает правоприменителю возможность выбора.

Помимо прочего, лицами, содержащимися в учреждениях УИС, часто совершаются правонарушения, за которые они фактически не могут быть привлечены к ответственности сотрудниками учреждения; к числу таких правонарушений можно отнести ст. 20.4, 20.29, 21.6 КоАП РФ.

Данная ситуация стала возможной в связи с несовершенством положений п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ, в соответствии с которыми должностные лица органов и учреждений УИС имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.19, 17.7, 17.9, ч. 1 и 6 ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.5, ст. 19.6, 19.7, 19.12, ч. 3 ст. 20.2.2, ч. 1 ст. 20.25, что не позволяет им в полной мере реализовывать положения КоАП РФ в отношении лиц, содержащихся в учреждениях УИС.

В настоящее время сложившаяся ситуация не имеет единого решения, и практика в большинстве случаев идет по пути привлечения лиц, содержащихся в учреждениях УИС, не к административной,

а к дисциплинарной ответственности. Но при этом существуют и прецеденты привлечения осужденных именно к административной ответственности. Подобные случаи стали возможны благодаря тесному взаимодействию сотрудников УИС и МВД. При этом возникает большое количество организационных сложностей, что, в свою очередь, приводит к попыткам сотрудников учреждений и органов УИС уйти от практики составления протоколов об административном правонарушении.

Считаем необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 23.4 КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции: «Органы и учреждения уголовно-исполнительной системы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.8, 6.9, 13.24, 19.3, 19.12 (в части административных правонарушений, предметами которых являются предметы, изъятые из оборота), 20.1, 20.3, 20.4, 20.20, 20.21, 20.22, 20.26, 20.29, 21.6 настоящего Кодекса», что позволит сотрудникам учреждений и органов УИС обеспечить в полной мере реализацию норм административного законодательства и соблюдение принципа административного права.

А.В. Забродин

**ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

Процесс исполнения лишения свободы опирается на ряд принципов, одним из которых является принцип дифференциации. Согласимся с позицией В.А. Уткина о том, что классификация позволяет достигнуть правильной и обоснованной дифференциации лиц, подвергнутых наказанию, по их социально-демографическим признакам, характеру и тяжести совершенных преступлений, степени об-

щественной опасности и т.д.¹ С.М. Савушкин справедливо отмечает, что научно обоснованная система дифференциации осужденных позволяет государству в лице его компетентных органов дифференцированно исполнять уголовное наказание в виде лишения свободы, назначенное судом².

Процедура отбывания наказания лицами, осужденными к лишению свободы, построена таким образом, чтобы избежать скопления лиц, являющихся представителями какой-либо отрицательно направленной социальной группы, в одном месте: отряде, производственном объекте и т.д. Не являются исключением и лица, осужденные за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности. В ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия их численность составляет 13 человек (4,4% от общей численности осужденных).

Исходя из принципа дифференциации исполнения наказаний, в процессе исправления данной категории осужденных необходимо принятие мер, способствующих реализации целей уголовно-исполнительного законодательства, но в то же время характерных только для данной категории осужденных. Во-первых, индивидуальная воспитательная и профилактическая работа с данной категорией осужденных должна проводиться наиболее опытными сотрудниками отделов воспитательной работы с осужденными. Во-вторых, линия профилактики и противодействия терроризму и экстремизму должны быть возложена на наиболее опытных сотрудников оперативных отделов учреждений. В-третьих, необходимо обязательное привлечение к труду лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, обеспечив при этом их размещение на разных объектах производственной зоны и хозяйственного обслуживания. В-четвертых, необходима организация более жесткого и качественного контроля за деятельностью учреждений со стороны территориальных органов ФСИН России в части, касающейся воспитательной работы. В-пятых, при назначении наказания и определении места его отбывания правопримените-

¹ Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть. Томск, 1995. С. 10.

² Савушкин С.М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы дифференциации осужденных к лишению свободы / науч. ред. д-р юрид. наук, проф. В.А. Уткин. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2020. С. 4.

лю рекомендуется обращать внимание на личность преступника, способ совершения преступления и степень общественной опасности (например, гораздо меньшую степень общественной опасности имеет гражданин, необдуманно написавший комментарий экстремистского содержания в социальной сети, по сравнению с лицами, состоявшими в террористическом сообществе и планировавшими совершение террористического акта).

На наш взгляд, реализация вышеперечисленных предложений в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы позволит обеспечить более полноценное и качественное исправление лиц, осужденных за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, а также реализовать меры, направленные на недопущение с их стороны правонарушений.

В.В. Ким

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО» И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ, ПЕНОЛОГИЕЙ

В рамках IV Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» на базе Академии ФСИН России, предметом которого стало обсуждение основных направлений развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, нас заинтересовало частое употребление различных понятий, которые так либо иначе определяли сущность уголовно-исполнительного права. В тезисах выступлений и докладов участников форума употреблялись такие взаимно заменяемые понятия, как «уголовно-исполнительное право», «пенитенциарное право», реже – «пенальное право» и «тюрьмоведение».

Возникает вопрос, а действительно ли данные понятия определяют одну и ту же сущность общественных отношений, в частности уголовно-исполнительные?

Анализ научных трудов показал, что научные исследования в области исполнения наказания первоначально проводились в основном в рамках двух наук – пенологии и пенитенциарной науки (в России эта наука параллельно стала называться тюрьмоведением).

В целом научные исследования в дореволюционной науке в сфере пенологии и пенитенциарного права проводились в области учения о наказании, его целях и содержании, сущности наказания в виде лишения свободы и его эффективности, а также в разработке практических рекомендаций по совершенствованию функционирования пенитенциарной системы, включая вопросы, связанные со средствами исправления осужденных, с организацией работы тюремного персонала и управления пенитенциарными учреждениями¹.

Основой, входящей в предмет «пенология» (как учении о наказании), стали правовые и этические основы применения наказаний, социальные цели наказания и средства достижения этих целей. По этой причине основой науки «пенологии» необходимо считать философские теории о преступлении и наказании, а также учение о наказании, сформированные в рамках науки уголовного права.

В первые десятилетия советской власти формируется наука исправительно-трудового права, которая использовалась как синоним понятий «пенология» и «пенитенциарное право». В дальнейшем предмет исправительно-трудового законодательства расширился за счет включения в него исполнения наказаний так называемого исправительно-трудового характера либо связанных с исправительно-трудовым воздействием.

Позднее понятия «исправительно-трудовая система», «исправительно-трудовое право» были заменены на термины «уголовно-исполнительная система» и «уголовно-исполнительное право», так как появились новые виды наказаний, не связанные с изоляцией от общества.

Кроме того, сфера правового регулирования меняется под воздействием ряда социальных факторов, что отражается на расширении законодательного регулирования как в количественном, так и в качественном отношении. Такими факторами выступают социально-политический и экономический уровень общества, правовая и политическая идеология, деятельность международных организаций, состояние гражданского общества².

¹ Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 11.

² Городинец О.М. Уголовно-исполнительная политика РФ и современные тенденции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (53). С. 31–35.

На текущем этапе развития наук уголовно-правового цикла понятие пенальных, пенитенциарных, уголовно-исполнительных отношений качественно изменилось.

По мнению Ю.А. Головастовой, пенальные отношения шире уголовно-исполнительных, пенитенциарных, это объясняется тем, что в рамках пенологии рассматриваются вопросы наказания как социально-правового явления, его признаки, свойства конкретных видов наказания, порядок назначения наказания, освобождения от отбывания наказания, ресоциализации освобожденных¹.

В данном контексте они представляют собой совокупность уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений, в которых участвуют государство, лицо, совершившее преступление, подсудимый, осужденный. В структуре пенальных отношений можно выделить несколько стадий развития уголовной ответственности. Однако, по нашему мнению, административно-правовые отношения также являются предметом пенологии, данный вывод сформировался исходя из понятия пенологии как науке о наказании.

Пенитенциарные и уголовно-исполнительные отношения также не тождественны друг другу. Пенитенциарные отношения по содержанию уже уголовно-исполнительных отношений. Уголовно-исполнительные отношения в качестве основной линии правового регулирования представляют правовую связь между осужденными и учреждениями, органами, исполняющими уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Термин «пенитенциарное право», на наш взгляд, возможно использовать для сферы исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер, связанных с изоляцией от общества. Вместе с тем к пенитенциарным в широком понимании можно отнести и различные меры государственного принуждения, связанные с изоляцией лиц от общества (административный арест, заключение под стражу, содержание в дисциплинарной воинской части и др.).

¹ Головастова Ю.А. Подотрасль уголовно-исполнительного права: доктринальный подход // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 2. С. 128–135.

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ, ОТБЫВАЮЩИХ
НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ ИЛИ СОДЕРЖАЩИХСЯ
ПОД СТРАЖЕЙ**

Реализация мер безопасности в отношении свидетелей, находящихся под государственной защитой в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС), имеет ряд особенностей в отличие от исполнения аналогичных функций другими органами, реализующими меры безопасности в соответствии с Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон № 119-ФЗ). Так, в МВД РФ создано специальное оперативное подразделение для выполнения функции государственной защиты. В УИС такого специализированного подразделения нет. Особенностью реализации рассматриваемой функции в местах лишения свободы или содержания под стражей является то, что в исполнении требований Закона № 119-ФЗ участвуют несколько структурных подразделений, что подразумевает необходимость четкой координации.

В свою очередь качественно исполнить рассматриваемую функцию без наличия необходимой информации не представляется возможным. Для выполнения этой задачи в УИС созданы оперативные подразделения, которые в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон № 144-ФЗ) наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Это говорит о том, что из всех участвующих структурных подразделений в данном процессе оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) будет осуществлять только оперативный аппарат. Эта норма предусмотрена и ст. 84 УИК РФ. Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий

при осуществлении государственной защиты предусмотрены ст. 7 Закона № 144-ФЗ.

Участие оперативных подразделений в процессе обеспечения государственной защиты начинается с момента проверки реальности угрозы и выбора мер безопасности, которые будут осуществляться в отношении защищаемого лица. Кроме того, на оперативные подразделения возложена функция подготовки договора в соответствии со ст. 18 Закона № 119-ФЗ, который подписывается защищаемым лицом и руководителем соответствующего учреждения. В процессе осуществления мер безопасности оперативные подразделения осуществляют сбор, обработку и анализ получаемой из различных источников информации с целью обеспечения безопасности охраняемого лица, а также обеспечение оперативного прикрытия при возникновении такой необходимости. В дальнейшем собранные оперативные материалы направляются в следственные органы для принятия процессуального решения.

В процессе осуществления государственной защиты в отношении лиц, содержащихся в местах лишения свободы или находящихся под стражей, участвуют различные подразделения УИС, в том числе и оперативные. Вместе с тем ст. 1 и 13 Закона № 144-ФЗ, а также ст. 84 УИК РФ четко определяют, что ОРД могут осуществлять только оперативные аппараты, т.е. другие подразделения не имеют право осуществлять ОРМ и только в исключительном случае могут быть привлечены к этим мероприятиям по соответствующему решению руководителя оперативного подразделения уголовно-исполнительной системы.

М.В. Киселев

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНОЙ СТРУКТУРЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ)

Как правило, любые организации для реализации стоящих перед ними задач разрабатывают, а затем формируют свою организационно-штатную структуру, позволяющую достигать наиболее позитивных результатов. Уголовно-исполнительная система (УИС) как вер-

тикально интегрированная организационно-штатная структура – не исключение.

В свою очередь учреждения и органы УИС имеют свои организационно-штатные структуры, которые построены на основе определенных ФСИН России типовых структурах. Они исходят из задач учреждения, лимитов наполнения учреждений их архитектоники и других особенностей, в том числе с учетом региона, хотя последнее существенного влияния на данную структуру не имеет. В процессе изменений в государстве организационно-штатная структура УИС также подвергалась изменению, но суть ее оставалась постоянной. Это связано с тем, что кардинальных изменений в целях не происходило, при этом отдельные задачи периодически частично изменялись, что, в свою очередь, способствовало видоизменению отдельных структур.

Учитывая, что УИС функционирует за счет средств федерального бюджета (исключение составляет производственный сектор) и принимая во внимание существенное уменьшение спецконтингента, находящегося в местах лишения свободы и содержащихся под стражей в сравнении с девяностыми годами прошлого столетия, обратим внимание на несколько связанных с этим обстоятельств.

Сегодня фактическая наполняемость учреждений спецконтингентом ниже установленных лимитов, за исключением небольшого числа регионов. Это говорит о том, что выстроенная организационно-штатная структура остается в исходном состоянии, хотя количество спецконтингента уменьшается, а в отдельных регионах даже существенно. Вместе с тем здесь нельзя вести речь об «оптимизации» в связи с вышеназванными обстоятельствами, так как уменьшение спецконтингента не может влиять на уменьшение территории учреждения, обеспечения жизни деятельности учреждения, уменьшения или увеличения объема службы и многое другое. То есть в данном случае можно говорить только об ликвидации учреждения и переводе спецконтингента в иное аналогичное учреждение, в котором лимит наполняемости позволяет это сделать. Конечно же, это одно из решений, но не самое лучшее. Мы уже имеем аналогичный опыт и не только в УИС, который не дал ожидаемых результатов и при этом добавил дополнительных проблем.

Организационно-штатная структура подразумевает не только организационное построение учреждений и органов УИС и штатное

расписание, под которым, как правило, понимают количество сотрудников и работников в учреждении, но и штатное расписание техники, оборудования и многого другого, необходимого для выполнения функций уголовно-исполнительной системы. Разумеется, что эффективность его использования зависит от количества спецконтингента.

На наш взгляд, наиболее рационально и эффективно данный вопрос можно было бы реализовать в мультирежимных учреждениях. Суть их заключается в том, что на одной охраняемой территории осуществляется исполнение лишения свободы различных режимов, при этом все требования по локализации каждого участка полностью соблюдены. Обоснование возможности создания таких учреждений содержится также в работах В.А. Уткина и С.М. Савушкина. И сегодня в УИС функционируют гибридные учреждения, имеющие в своем составе участки колоний поселений, помещения, функционирующее в режиме следственного изолятора, помещения камерного типа (практически – аналоги тюрем), больницы и т.д. Жизнь показывает, что такие учреждения функционируют нормально.

Также учреждения, на наш взгляд, позволят решить комплекс проблем, поставленных перед уголовно-исполнительной системой уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, их создание позволит более эффективно использовать штатную численность учреждения, но при этом, вероятнее всего, для такого типа учреждений будет необходимо разработать новую организационную структуру, что, в свою очередь, повлечет изменение в организационно-штатной структуре учреждения. Вполне понятно, что создание таких учреждений предусмотрено в Концепции развития УИС до 2030 г.

Т.Н. Коголь

СОВМЕСТНАЯ СЛУЖБА РОДСТВЕННИКОВ (СВОЙСТВЕННИКОВ) В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: СООТНОШЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ

Публичный характер государственной службы в уголовно-исполнительной системе определяет право государства устанавливать особые требования к установлению особого правового статуса государственного служащего – сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС. Эти требования представлены в виде правовых ограничений и запретов. Одним из таких правовых ограничений является запрещение совместной службы родственников при наличии определенных условий, установленных законодателем (п. 6 ст. 14 № 197-ФЗ от 19.07.2018).

Ограничение совместной службы родственников не является законодательной новеллой. Однако в современных реалиях антикоррупционной политики целевое предназначение данного правового средства видоизменилось. Помимо прочего, законодатель рассматривает его и в качестве одной из мер предупреждения коррупции.

Новое социально-правовое звучание ограничения на совместную службу родственников должно было изменить и правовой подход к его регламентации. Однако законодатель ограничился воспроизведением ранее имевшихся «юридических формул», что, соответственно, породило значительный круг проблем в правоприменительной практике. Остановимся на некоторых из них.

Анализ правоприменительной практики показывает, что серьезные затруднения вызывает определение понятия «непосредственная подконтрольность» и «непосредственная подчиненность». Действующее законодательство о прохождении различных видов государственной службы, в том числе и уголовно-исполнительной, равно как и законодательство о противодействии коррупции легальных, дефиниций понятий «подконтрольность» и «непосредственная подконтрольность» не содержит.

Внести определенную ясность попыталось Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации письмом от 28 августа

2014 г. № 18-2/В-599. На наш взгляд, в вопросе определения «непосредственной подконтрольности» Минтруд России пошел по пути расширительного толкования. Фактически понятие «подконтрольность» равнозначно понятию «непосредственная подконтрольность».

Представляется, что уяснение соотношения данных понятий возможно исходя из тщательного буквального толкования норм права. В этом случае правильным квалифицирующим инструментом, ограничивающим непосредственную подконтрольность/подчиненность от не носящих непосредственного характера, является наличие **посредствующих должностных звеньев, должностных лиц** (выделено мной. – Т.К.).

Иными словами, когда государственный служащий, в нашем случае сотрудник УИС, подчинен другому не непосредственно, а через иное должностное лицо (должностных лиц), можно говорить о прямой, но не непосредственной подчиненности. Со стороны же непосредственной подконтрольности требуется и непосредственная подчиненность, в противном случае можно говорить о прямом контроле или, иными словами, общем руководстве. Собственно говоря, буквальное толкование п. 3 ст. 4 № 197-ФЗ приводит нас к такому же выводу.

Избежать негативных следствий сложившегося положения вещей можно путем выработки четких нормативно закрепленных дефиниций – «подконтрольность», «подчиненность», «непосредственная подконтрольность», «непосредственная подчиненность» в свете требований антикоррупционного законодательства. Правовым маяком в определении нормативной позиции законодателя должен стать правовой подход, изложенный Конституционным Судом Российской Федерации применительно к различным видам государственной службы, объединенным единым публичным началом, в вопросе допустимости ограничений конституционных прав и свобод при поступлении и прохождении государственной службы: «...цели таких ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – адекватны этим целям и отвечать требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения

прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату; в ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод»¹.

Н.Б. Лелик

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ ВЫЕЗДОВ ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С каждым годом тенденция предоставления администрацией исправительного учреждения (ИУ) осужденным разрешения выездов и проживания за пределами исправительных учреждений становится многообразнее и шире. В 2018 г. осужденным к лишению свободы было предоставлено 43 дополнительных длительных свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения. Осужденным, имеющим ребенка до 14 лет, предоставлено 47 выездов для проведения свидания за пределами исправительной колонии: 40 женщинам и 7 мужчинам. Кроме этого, предоставлено 6 выездов для свидания осужденным женщинам, имеющим ребенка-инвалида.

Проведенное исследование в ИУ общего режима Уральского федерального округа для женщин, ранее отбывавших лишение свободы и впервые осужденных в 2018–2020 гг., показало, что большая их доля – в возрасте от 26 до 35 лет (около 45%), от 36 до 45 лет (около 20%), далее молодежного и пенсионного возраста (около 35%). Приведенные данные говорят, что значительная часть осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, находятся в социально активном возрасте. Как показало анкетирование, официально состоят в браке либо проживали до осуждения с сожителем около 50% респондентов, имеют детей около 70%. Соответственно, выезды за пределы исправительного учреждения актуальны как для ранее отбывавших лишение свободы, так и впервые осужденных женщин. На вопрос: «Поддерживаете ли вы отношения со своими

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П.

детьми в период отбывания наказания?» большинство женщин (около 65%) ответили, что общаются со своими детьми, и факт осуждения не повлиял на их отношения. Кроме этого, возможность выехать за пределы исправительного учреждения позволила бы осужденной женщине провести свидание с несовершеннолетними (совершеннолетними) детьми, что является защитой интересов материнства и детства. Согласно Постановлению СФ ФС РФ от 25.07.2017 № 343-СФ¹, органам государственной власти субъектов Российской Федерации рекомендовано реализовывать меры, направленные на оказание социально-правовой и социально-психологической поддержки женщинам, освободившимся из мест лишения свободы, содействие их социальной адаптации, социализации и ресоциализации в рамках выполнения Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 г.²

Вместе с тем, согласно УИК РФ, осужденным женщинам может предоставляться краткосрочный выезд для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения. Однако, по мнению И.И. Онищенко³, все чаще осужденные женщины освобождаются из мест лишения свободы без предварительной договоренности об их трудовом и бытовом устройстве. Это подтверждается проведенным исследованием. Так, краткосрочные выезды за пределы ИК общего режима для женщин, как ранее отбывавших лишение свободы, так и впервые осужденных, предоставлены не были (87%). Соответственно, данный институт для решения вопросов трудового и бытового устройства практически

¹ Об особенностях отбывания наказания осужденными женщинами, несовершеннолетними и инвалидами в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации : Постановление СФ ФС РФ от 25.07.2017 № 343-СФ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

² Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 года № 410-р. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

³ Онищенко И.С. Подготовка к освобождению осужденных к лишению свободы женщин, имеющих малолетних детей // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материал XXI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2 / отв. ред. Н.Н. Цуканов; СибЮИ МВД России. Красноярск, 2018. С. 238–240.

не работает по ряду причин. Одной из проблем в данном направлении является отсутствие законодательной регламентации взаимодействия исправительных учреждений с органами исполнительной власти и с предприятиями (фирмами, службами) города в целях трудоустройства осужденных после освобождения. Кроме этого, ст. 97 УИК РФ, регламентирующая предоставление выездов осужденным к лишению свободы за пределы исправительных учреждений, нуждается в дополнении, а перечень оснований предоставления выездов – в расширении. Это являлось бы результатом дальнейшей гуманизации исполнения наказания, поскольку выезды за пределы исправительного учреждения рассматриваются в качестве стимула для формирования правопослушного поведения и обусловлены тенденцией, направленной на укрепление социальных полезных связей осужденной с семьей.

Н.Б. Лелик, А.Е. Балаганская

ПРОФИЛАКТИКА ПОБЕГОВ ИЗ-ПОД ОХРАНЫ

Борьба с преступлениями, совершаемыми на территории исправительных учреждений (ИУ), приобрела особую значимость в связи с тем, что достижение целей Концепции развития охраны учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2020 г.¹ становится невозможным без соблюдения установленного режима отбывания наказания, который обеспечивается в том числе предупреждением и пресечением преступлений, совершенных осужденными, своевременным привлечением лиц к уголовной ответственности.

Побег из-под охраны (покушений на побег) является одним из наиболее опасных противоправных действий от отбывания наказания в виде лишения свободы. Осужденные в учреждениях всё чаще стараются применять все более изощренные способы и приемы для их реализации. Все виды профилактики и предупреждения побегов

¹ Приказ ФСИН России от 15.12.2010 № 525 «Об утверждении развития охраны учреждений уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года».

позволили накопить богатый практический опыт решения данной проблемы путем исследований причин и условий, способствующих совершению побегов (покушений на побег) из учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС).

Побеги из мест лишения свободы остаются актуальной проблемой для учреждений УИС. Несмотря на принимаемые меры, они представляют собой опасное посягательство на общественную безопасность, нормальное функционирование ИУ.

Анализ статистических данных ФСИН России показывает, что осужденные продолжают совершать побеги, но по сравнению с 2012 г. наблюдается успех в пресечении побеговой активности. Так, в 2020 г. было допущено четыре побега из-под охраны и три покушения на побег из-под охраны в учреждениях ФСИН России.

Причины, способствующие совершению побегов, можно подразделить на объективные (снегопад, туман, ливень и т.п.) и субъективные. Главным отличием одних считается независимость от действий сотрудника. Субъективными условиями совершения побегов (покушений на побег) считаются:

1. Слабый надзор за осужденными в промышленной и жилой зонах ИУ.
2. Неудовлетворительная организация досмотровой и обысковой работы (низкий уровень проведения плановых, общих обысков и контрольно-технических осмотров камер ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОСУОН).
3. Недостатки в работе обысково-маневренной группы учреждений УИС.
4. Состояние инженерно-технических средств охраны и надзора (несвоевременный ремонт ограждений и заграждений, неисправность датчиков и устройств предупредительной сигнализации, некачественная расчистка контрольно-следовой полосы).
5. Нарушение установленных требований при охране и конвоировании подозреваемых, обвиняемых и осужденных (вывод-съем осужденных на производственные объекты; нарушение временных сроков выставления и съема с постов охраны осужденных; конвоирование осужденных малочисленным составом; ненадлежащая проверка документов на контрольно-пропускных пунктах).
6. Недостатки в оперативной работе по выявлению побегов (попыток совершить побег).

7. Нарушение сотрудниками УИС требований ведомственных нормативно-правовых актов, в части организации охраны и надзора за осужденными в ИУ.

Побеги совершаются там, где имеют место хотя бы некоторые из перечисленных недостатков. Данная проблема, по нашему мнению, требует более комплексного и всестороннего исследования, в связи с чем предлагаем следующие пути:

- совершенствование методов психологической диагностики осужденных, склонных к совершению побега из-под охраны учреждений УИС;

- учет социально-демографической и личностной характеристики потенциально опасных осужденных, в том числе состоящих на профилактическом учете;

- тщательная работа отдела воспитательной работы с осужденными и психологической службы учреждения с социально запущенными осужденными;

- пересмотр решений по профилактической работе с трудоустроенными осужденными в учреждениях УИС;

- оборудование дополнительной современной системой видеонаблюдения труднодоступных мест ИУ;

- повышение уровня организации службы младшего инспекторского состава отделов безопасности ИУ;

- проведение целенаправленной и дифференцированной работы оперативного отдела для подучетных лиц.

Своевременность и оперативность принятых решений по предотвращению побегов определяются взаимодействием всех отделов и служб ИУ, основными элементами которой являются: профилактика побегов, осуществление предупредительных мероприятий при обнаружении преступного умысла и пресечение преступных действий осужденных на стадиях приготовления к побегу и покушения на него. Профилактика побегов складывается, с одной стороны, из своевременного выявления и устранения причин и условий, способствующих их совершению, с другой – проведения индивидуальных, комплексных мероприятий в отношении осужденных в учреждениях УИС.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Очевидная взаимосвязь уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслей права детерминирует необходимость включения ряда норм, порождающих уголовно-исполнительные правоотношения, в уголовно-процессуальное законодательство, а уголовно-процессуальные предписания – в закон, регламентирующий сферу исполнения и отбывания уголовных наказаний (мер).

Однако на сегодняшний день есть ряд проблем правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, функционирующих на различных этапах исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Так, в уголовно-исполнительном праве присутствуют нормы, порождающие правоотношения, которые должны регулироваться исключительно уголовно-процессуальным законодательством. Например, ст. 77.1 УИК РФ регламентирует порядок привлечения осужденных к лишению свободы к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве. Содержание данной статьи практически полностью посвящено регулированию уголовно-процессуальных правоотношений: правовые явления, порождающие правоотношения, являются уголовно-процессуальными юридическими фактами; в указанных правоотношениях участвуют исключительно участники уголовного судопроизводства; объект рассматриваемых правоотношений направлен на реализацию интересов и потребностей субъектов уголовного-процессуального права.

Следующая проблема – это наличие в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве дублирующих норм. Несмотря на то, что дублирующие нормы признаны регулировать однородные правоотношения, их структура может быть различна, что вызывает вопросы у правоприменителя. Например, ч. 1 ст. 394 УПК РФ и ч. 2 ст. 75 УИК РФ регламентируют порядок извещения

сотрудниками СИЗО родственников осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания.

Особенностью ч. 1 ст. 394 УПК РФ является то, что в ней определяется, что сотрудники СИЗО извещают «одного из близких родственников или родственников осужденного...». Смысловое содержание данного словосочетания означает, что если администрация СИЗО должна известить исключительно *одного* близкого родственника, то «неблизких» родственников извещается два или более. В то же время в ч. 2 ст. 75 УИК РФ это положение сформулировано более правильно, так как нем не происходит разделение родственников на «близких» и «неблизких». В статье конкретно указано, что сотрудники СИЗО ставят в «известность одного из родственников по выбору осужденного».

Незакрепление в УИК РФ предписаний, способствующих дальнейшему развитию уголовно-процессуальных правоотношений, является еще одним вопросом. Например, в ч. 1 ст. 398 УПК РФ предусмотрена возможность отсрочки исполнения приговора осужденного в связи с наличием заболевания, препятствующая отбыванию наказания; в ч. 2 ст. 398 УПК РФ предусмотрена отсрочка уплаты штрафа, однако в УИК РФ не содержится норм, дающих возможность реализовать указанные предписания УПК РФ.

Как видно, у российского законодателя отсутствует системный подход к разграничению уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного правового регулирования.

О.В. Обернихина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ К ОТБЫВАЮЩИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

В период реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС РФ) одним из главных направлений уголовно-исполнительной политики выступает гуманизация и экономия репрессивности мер уголовно-правового характера. В данном случае речь идет не только о карательной сущности наказания и иных мер, но и о процессе их исполнения. Уже на протяжении более

чем десяти лет пенитенциарная система реформируется посредством внесения изменений в нормы уголовного и уголовно-исполнительного права, локальных нормативно-правовых актов, вводятся новые наказания, альтернативные лишению свободы и учреждения для их исполнения, что по большому счету, безусловно, преобразует процесс исполнения уголовно-правовых мер, однако по-прежнему возникают проблемы практического характера, связанные с достижением целей наказания. Ключевую роль здесь играют средства исправления, определяемые ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ).

Так, например, к основным средствам исправления относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. В ч. 1 и 3 ст. 9 УИК РФ также дается понятие исправления осужденных и предусматривается, что средства исправления применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

Как справедливо отмечают А.П. Скиба, А.В. Родионов и Н.С. Малолеткина, индивидуальные особенности осужденных (например, пол, возраст, гражданство, состояние здоровья (включая психическое), вероисповедание, трудоспособность, отношение к деятельности правоохранительных органов и в целом государственных институтов с учетом вида совершенного преступления, приверженность традициям криминальной субкультуры или их отрицание, образование, профессиональный опыт, судимость, преступный (иной правонарушающий) опыт и т.п.) должны учитываться при применении средств исправления¹. Несмотря на столь обширный перечень характеристик, на практике, как правило, их учет происходит формально и без надлежащей взаимосвязи с индивидуальными особенностями осужденных.

Выделим и отдельные немногочисленные категории осужденных, имеющих дополнительные особенности. Во-первых, это российские

¹ Скиба А.П., Родионов А.П., Малолеткина Н.С. Средства исправления осужденных и их индивидуальные особенности: некоторые теоретические и правовые проблемы взаимосвязи // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 2. С. 100.

граждане из разных регионов страны, а также иностранные граждане, имеющие культурные, религиозные и иные индивидуальные особенности; российские военнослужащие и сотрудники различных правоохранительных органов; лица, совершающие нападения на российских граждан за пределами страны; лица, совершающие преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства и т.п. Такие осужденные имеют особые характеристики (боевые, психологические религиозные и пр.), требующие учета при исправительном воздействии в их отношении, что в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве и на практике слабо учитывается. Представляется, что в настоящее время вообще отсутствует понимание необходимости конкретизации в УИК РФ особенностей исполнения и отбывания наказания вышеуказанных категорий лиц, а попытки выделить в отдельных нормах законодательства похожие группы осужденных (например, в ч. 4 ст. 73 УИК РФ) не приводят к системному подходу в этой области.

А.А. Павленко

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА – «ИНОЕ СРЕДСТВО ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДВИЖНОСТИ» ЗАКЛЮЧЕННЫХ?

Федеральным законом от 28.12.2016 № 503-ФЗ в перечень специальных средств, предусмотренных для применения сотрудниками УИС (ст. 30 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»), были внесены изменения. В указанном перечне наряду с наручниками появились «иные средства ограничения подвижности». Кроме того, по сравнению с ранее действующей редакцией, значительно расширен и список оснований применения этой группы специальных средств. Думается, указанные изменения появились под влиянием формулировок Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», ст. 21 которого определено, что сотрудник полиции имеет право применять в качестве специальных средств «средства ограничения подвижности», куда включены и наручники. В обоих

рассматриваемых законах также закреплено, что при отсутствии средств ограничения подвижности сотрудник (и УИС и полиция) вправе использовать подручные средства связывания.

Исследуемые новеллы законодательства, по нашему мнению, позволяют вернуться к вопросу о возможности использования смиренных рубашек (СР) в учреждениях УИС. Необходимо отметить, что до 1992 г. СР были предусмотрены в качестве меры безопасности, применяемой к осужденным как альтернатива наручникам (ст. 35 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г.). Более того, рекомендации специальных международных стандартов допускают использование СР. Так, в пр. 68.2 Европейских пенитенциарных правил 2006 г. прямо определены случаи применения СР в качестве меры сдерживания, а пр. 47 Правил Нельсона Манделы не включает СР в число унижающих достоинство средств усмирения, применение которых должно быть запрещено. Используются СР и на постсоветском пространстве. Так, в п. б) ч. 2 Закона Грузии «Кодекс о заключении под стражу» от 09.03.2010 г. № 2696-фс предусмотрено применение, под наблюдением врача, не только СР, но и смиренного стула, а также смиренной кровати.

Интересно, что смиренные рубашки изначально появились как средства фиксации не в психиатрических больницах, а именно в тюрьмах, и лишь во второй половине XVIII в. они стали применяться в медицине как альтернатива металлическим средствам удержания, по праву считаясь более гуманными. Отказ от цепей и переход на смиренные рубашки привел к снижению количества травм не только среди больных, но и среди персонала, так как буйные пациенты нередко применяли сковывавшие их цепи в качестве оружия. СР активно применяются в психиатрической практике в развитых странах: США, Италии, Испании и др. Их использование менее активно во Франции, Чехии, Словакии¹.

Преимущества смиренной рубашки – это защита заключенного, склонного к самоповреждению и суицидальным попыткам; защита от получения случайных травм, при падении или при неконтролируемых им движениях; надежная фиксация верхних конечностей; обеспечение надежной и нетравматической фиксации при перемещении; сохранение возможности самостоятельного передвижения;

¹ URL:// <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1630116>

защита персонала от направленной агрессии заключенного. Кроме того, в отличие от наручников, при применении СР исключается повреждение запястий.

Таким образом, целесообразно изучение возможности возвращения смиренных рубашек в число специальных средств, применяемых в учреждениях ФСИН России.

М.В. Прохорова

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Современные тенденции развития общества, формирование нового типа социально ориентированной личности, с одной стороны, и распространение молодежных группировок криминальной направленности – с другой, требуют переосмысления не только общих начал наказания, но также и содержания исполнения его отдельных видов. Результаты многолетних исследований практики исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях позволяют сделать вывод о необходимости выделения дополнительных критериев дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в указанных учреждениях. Незначительное число критериев дифференциации и индивидуализации исполнения лишения свободы в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, существенно снижают эффективность исполнения самого наказания в целом и достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в частности.

Следует согласиться с И.С. Леоновым, который указывает на один из существенных недостатков действующей системы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания: в воспитательных колониях совместно содержатся различные категории осужденных, существенно отличающиеся друг от друга¹.

¹ Леонов И.С. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.

Рассматривая дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания как критерии объема и содержания отдельных элементов исправительного воздействия на осужденных, отметим, что их эффективность в воспитательных колониях снижена. При исполнении наказания в отношении осужденных в воспитательных колониях действует так называемый усеченный объем критериев дифференциации и индивидуализации.

Расширение объема и содержания критериев дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, должно происходить с учетом таких необходимых элементов, как возрастная группа, возрастные особенности психики осужденных, изменение их нравственной и социально-ролевой характеристики в период отбывания наказания, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, форма вины, наличие судимости, отбытие наказания в виде лишения свободы ранее, поведение осужденного в период отбывания наказания.

Разработка критериев дифференциации и индивидуализации – процесс сложный и многогранный, поскольку соединяет в себе учет общих и индивидуальных признаков и особенностей личности осужденного. Однако использование оценочных категорий не является чем-то новым для уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) законодательства. Возможно, именно определение оценочной системы (в том числе и при дифференциации и индивидуализации исполнения наказания) в качестве основополагающего элемента станет той эффективной предпосылкой дальнейшей модернизации исполнения наказаний в целом.

З.Р. Рахматулин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Индивидуальное регулирование – «это конкретизация юридических норм участниками правовых отношений, решение ими юридически значимых вопросов, которым законодатель не дал исчерпыва-

ющей нормативной регламентации»¹. Отметим, что данная тема недостаточно рассмотрена в отечественной пенитенциарной науке, но, безусловно, играет важную роль для наук криминального цикла². В связи с этим обосновано мнение В.А. Уткина, считающего, что ч. 4 ст. 10 УИК РФ следует изменить, изложив ее следующим образом: «Права и обязанности осужденных определяются настоящим Кодексом и иным законодательством Российской Федерации, конкретизируются соответствующими закону иными нормативными правовыми и *правоприменительными актами* (курсив мой. – З.Р.), исходя из порядка и условий отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера»³.

Более того, вопросы, содержащие в себе усмотрение (упорядочивание и расширение системы мер поощрения, применяемых к осужденным), затронуты и в проекте Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г., который подготовлен НИИ ФСИН России.

Отметим, что в уголовно-исполнительной правоприменительной деятельности достаточно много ситуаций, предполагающих широкую дискрецию. Например, касающиеся следующих аспектов: необходимости анализа данных о нарушениях осужденных; оценки поведения виновного в период отбывания наказания; установления соответствующих ограничений и обязанностей для осужденных в приговоре суда и иных решениях; необходимости изменения установленных правоограничений; принятия решения о применении условно-досрочного освобождения; отмены условного осуждения или замены наказаний в порядке, предусмотренном действующим законодательством, и многих других аспектов.

Между тем у судей и иных практических работников нет четких ориентиров при разрешении данных вопросов.

¹ Рыбаков В.А. Теория государства и права: Конспекты лекций (для студентов юридического факультета). Омск : Омский гос. ун-т, 2005. С. 218.

² Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60.

³ Уткин В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск, 2018. С. 20.

В этой связи возникает необходимость в установлении пределов казуального регулирования. В этой статье речь пойдет об установлении некоторых общих начал при реализации различных мер уголовно-правового воздействия. На наш взгляд, к их числу должны относиться следующие: принцип межотраслевого характера предписаний, содержащих в себе правоприменительное усмотрение; принцип учета необходимой достаточности требований, входящих в содержание наказания или иной меры уголовно-правового характера, для достижения целей уголовно-правовых мер; принцип своевременного изменения интенсивности наказания или иной меры уголовно-правового характера; принцип принятия решения с учетом социально-криминологической обоснованности функционирования конкретной меры; принцип исполнимости.

Основываясь на данных принципах, впоследствии возможно скорректировать соответствующие решения высших судов, ведомственных нормативных актов и иных документов, содержащих в себе вопросы уголовно-исполнительного характера. Это позволит лимитировать соответствующее усмотрение при разрешении дел, попадающих в орбиту уголовной юстиции.

А.В. Сенатов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЮРЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством в тюрьмах содержатся осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также при особо опасном рецидиве преступлений. Кроме того, из исправительных колоний общего, строгого и особого режимов в них на срок до трех лет переводятся осужденные за значительное нарушение установленного порядка отбывания наказания.

Анализ статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации показал, что по состоянию на 1 января 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации содержалось 482 888 человек

(–41 040 человек к 01.01.2020)¹. В связи с гуманизацией уголовной политики государства, а также с широким применением альтернативных видов наказаний количество осужденных к лишению свободы ежегодно сокращается. Вместе с тем, по сравнению с другими учреждениями УИС, в тюрьмах наблюдается небольшой рост количества осужденных, находящихся в них. Так, за 2020 г. количество осужденных, находящихся в тюрьмах, увеличилось на 81 человек и на 1 января 2021 г. составило 1248 человек.

Рассматривая категории содержащихся в тюрьмах, можно сделать вывод, что в них отбывает наказание наиболее опасная часть осужденных (как правило, за тяжкие и особо тяжкие преступления). На основании ст. 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в них отбывают наказание осужденные за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 281, 317, 360, 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Причем изменения в ст. 58 и 72 УК РФ в части содержания в тюрьмах, осужденных за преступления террористической направленности, были внесены Федеральным законом Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 569-ФЗ «О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Кроме того, по сравнению с другими видами исправительных учреждений УИС, в тюрьмах осужденные содержатся покамерно. Такое размещение позволяет максимально изолировать наиболее опасную часть осужденных, а также эффективно применять в отношении них средств исправительного воздействия.

В настоящее время вопрос о целесообразности существования тюрем достаточно актуален. В свое время В.А. Фефелов предлагал свести количество исправительных колоний к минимуму, заменив их тюрьмами². Напротив, В.М. Анисимков в связи с активным влиянием криминальной субкультуры и лидеров уголовно-преступной среды, а также недостаточной эффективностью средств исправительно-го воздействия на них предлагал свести количество тюрем к мини-

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 25.01.2021).

² Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право : учеб. для юридических вузов и факультетов. М. : Межрегион. ин-т экономики и права, КОНТРАКТ, ВолтерсКлувер, 2010. С. 211.

муму, рассредоточив особо опасных преступников по колониям особого режима¹. По нашему мнению, в настоящее время необходимость существования тюрем как вида исправительных учреждений не вызывает сомнений. Только в них возможно содержание наиболее криминально опасных категорий осужденных, а также эффективное обеспечение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

П.В. Тепляшин

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В КОНЦЕПТЕ НЕГАТИВНОЙ (ВРАЖДЕБНОЙ) СОЛИДАРНОСТИ

Использование словосочетания «негативная солидарность», на первый взгляд, кажется оксюмороном. Действительно, с солидарностью традиционно соотносятся морально одобряемые и положительные аспекты отношений между людьми – в нашем случае – между государством и осужденным. При этом особый акцент при солидарности ставится на идею обязательств перед другими, т.е. на идею, которая легла в основу многих философских концепций, обосновывающих безопасность общества. Не случайно в ст. 10 УИК РФ указано правоустановление о том, что Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных. В результате под влиянием гуманитарных ценностей феномен позитивной солидарности, выражающийся в обязанности государства обеспечивать правовую защиту и личную безопасность осужденных, приобрел универсальный характер и стал восприниматься как «общенаучный факт».

Важно заметить, что последние почти 30 лет в уголовно-исполнительной системе России наблюдается постепенное налаживание правового механизма по формированию единства интересов между государством и осужденным. Ведь, в сущности, правовое положение осужденных – это обоюдный комплекс прав осужденного,

¹ Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / под ред. В.М. Анисимова. Краснодар, 2008. С. 257.

которым корреспондируют обязанности администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. И наоборот.

В свою очередь постепенное расширение прав осужденных – это во многом гарантия, как ни странно, мирного сосуществования, с одной стороны, общества и уголовно-исполнительной системы, с другой – уголовно-исполнительной системы и осужденного. Такое взаимопонимание отражает моральные принципы и противопоставляется всему негативному, враждебному человеческой природе. Ведь в ст. 10 УИК РФ, посвященной основам правового положения осужденных, не фигурирует ответственность осужденных. Однако в ст. 11 УИК РФ уже упоминается об установленной законом ответственности. Иными словами, взаимодействие государства и осужденного противопоставлено конфликтности, отражающей суть отношения криминала к социальным нормам и правопослушного поведения.

Парадигма солидаризма в пенитенциарной системе выступает альтернативой жесткому давлению на проявления различных потребностей осужденных, хотя она представляется далеко не бесспорной. Например, опрос респондентов в феврале 2020 г., проведенный Левада-Центром, показал, что крайнюю нетерпимость опрошенные проявляют в первую очередь к преступникам-террористам (80%), педофилам (75%), убийцам (61%) и экстремистам (44%) и категорически против расширения их прав.

Тем не менее законодатель твердо идет по пути расширения прав осужденных. Например, на основании принятия Федерального закона от 27 декабря 2019 г. в УИК РФ появляется ст. 12.1 «Право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении», которая фактически направлена на закрепление согласия государства, во-первых, априори с фактами нарушений прав осужденных, во-вторых, с потребностью сглаживать эти нарушения.

Также необходимо отметить, что критерием разграничения позитивного и негативного типов солидарности выступает принцип консолидации. При позитивной солидарности – это включение осужденных в круг субъектов, «играющих» по официально принятым правилам; при негативной или иначе враждебной солидарности – это, с некоторой долей условности, исключение осужденных из данного круга. При позитивной солидарности такие качества осужденных как, в частности, заболевание ВИЧ-инфекцией, работа до осуж-

дения в правоохранительных органах, уже не являются существенными для того, чтобы они были изолированы от остальной части осужденных. При негативной солидарности, наоборот, возводятся правовые барьеры, отделяющие от основной части осужденных их отдельных представителей. Этот вид солидарности направлен на усиление сплоченности осужденных к неприятию правонарушающего поведения, к выталкиванию из позитивной сферы криминальных установок и форм поведения. Законодатель некоторые шаги делает в эту сторону. Например, согласно Федеральному закону от 23 ноября 2020 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в статью 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» допустим перевод не только осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и содержащихся в исправительных колониях особого режима, в одиночные камеры, но и осужденных, содержащихся в тюрьмах.

Таким образом, враждебную солидарность нельзя представлять в сугубо отрицательном смысле. Она должна выполнять практическую роль и выступать дополнительным рычагом для повышения эффективности исправительного воздействия. Соответственно, принцип консолидации целесообразно использовать в качестве одного из (дополнительных) критериев классификации осужденных и тем самым немного иначе взглянуть на критерии и задачи раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях.

А.С. Ткач

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Обязательные работы в настоящее время являются одним из самых распространенных видов так называемых альтернативных санкций. Удельный вес осужденных к данному виду наказания в 2019 г. составил 16,65%. Обязательные работы указаны в 191 санкции статей Особенной части УК РФ, регламентирующих преступления небольшой и средней тяжести.

Согласно ст. 49 УК РФ они могут назначаться только в качестве основного наказания, которое предполагает выполнение осужденным в свободное от работы или учебы время не подлежащих оплате

общественно полезных работ, на срок от 60 до 480 часов, а несовершеннолетним осужденным – от 40 до 160 часов.

Продолжительность исполнения данного наказания совершеннолетними не может превышать 4 часов в день, несовершеннолетними лицами в возрасте до 15 лет – 2 часов в день, а лицами в возрасте от 15 до 16 лет – 3 часов в день. Время отбывания обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее 12 часов. Таким образом, общая продолжительность отбывания обязательных работ в среднем должна составлять около 10 месяцев (480:12:4).

Учитывая низкий карательный потенциал наказания, для дальнейшего расширения его применения в литературе предлагается увеличить максимальный срок обязательных работ до 720 часов (до 240 часов для несовершеннолетних), а также до 960 часов (до 320 часов для несовершеннолетних) по совокупности преступлений и приговоров, предусмотрев возможность условно-досрочного освобождения судом как по ходатайству самого осужденного (его представителя), так и по представлению уголовно-исполнительной инспекции по отбытии не менее половины срока с учетом мнения работодателя¹. Частные организации порой нарушают условия исполнения наказания, заменяя повременную работу сдельной, в этой связи необходимо усилить контроль исполнения наказания со стороны уголовно-исполнительной инспекции. Также, по мнению ученых, в законодательстве следует предусмотреть, что при злостном уклонении осужденного от обязательных работ возможна их замена на принудительные работы и лишение свободы из расчета 1 или 2 часа обязательных работ на 1 день принудительных работ или лишения свободы, так как на данный момент максимальный срок при замене на лишение свободы составляет 2 месяца, что не способствует надлежащему отбыванию обязательных работ². Кроме того, обращаясь к опыту зарубежных стран, стоит рассмотреть возможность применения данного наказания в качестве дополнительного (Испания, Польша), а также продления судом наказания до максимальных пределов в случае нарушения осужденным условий его отбывания (Великобритания, Дания).

¹ Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М.: ПРИ, 2013. С. 32.

² Там же.

В целях индивидуализации наказания следует установить по желанию осужденных отбывание обязательных работ до 8 часов в день безработным, лицам, находящимся в отпуске, сезонным рабочим; рассмотреть возможность введения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ отсрочки, которая может быть связана с трудовыми, бытовыми и личными обстоятельствами осужденного. На время введения отсрочки сроки давности исполнения обвинительного приговора суда должны быть приостановлены. Отметим, что если осужденный по уважительным причинам не отбыл назначенное судом количество часов обязательных работ, не получая отсрочки, у уголовно-исполнительной инспекции должна быть возможность обратиться в суд с целью продления сроков давности обвинительного приговора на время действия таких причин.

Увеличение максимального срока обязательных работ, изменение порядка исчисления сроков при их исполнении и закрепление возможности их замены на иные виды уголовных наказаний, по нашему мнению, повысят степень суровости, репрессивности обязательных работ и обеспечат надлежащий порядок исполнения (отбывания) данного вида наказания, что будет способствовать расширению сферы его применения судьями.

О.Н. Уваров

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современная российская уголовно-исполнительная система предусматривает отбывание лишения свободы в тюрьмах, исправительных колониях особого, строгого, общего режимов и колониях-поселениях, т.е., фактически, существует три вида исправительных учреждений: «открытые» (колонии-поселения), «закрытые» (охраняемые исправительные колонии) и тюрьмы¹. Безусловно, имеют место и учреждения, предназначенные для отбывания лишения свободы, несовершеннолетними, женщинами и больными осужденными,

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 149–159.

однако в рассматриваемом нами аспекте больший интерес представляют учреждения, предназначенные для массового отбывания лишения свободы.

Закрытые исправительные учреждения подразделяются в зависимости от вида режима на колонии особого, строгого и общего режимов. Такая градация прямо указывает на различие режимных требований, определяющих отбывание лишения свободы в этих исправительных учреждениях.

Исходя из легального определения режима, различия в нем заключаются в строгости порядка исполнения и отбывания лишения свободы. В свою очередь, если наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод осужденного¹, то и строгость его должна прямо влиять на количество или качество таких прав и свобод. Иными словами, строгость лишения свободы заключается в большей или меньшей степени лишения такой свободы. Это, исходя из отечественной традиции, четко прослеживается, например, в сравнении тюремного режима и режима исправительной колонии.

Вместе с тем режим в существующих исправительных колониях особого, строгого и общего режимов отличается друг от друга количеством свиданий, предоставляемых осужденным, количеством посылок, передач, телефонных разговоров, которые ему разрешены, а также количеством денег, которые осужденный имеет право потратить на собственные нужды.

Общеизвестно, что порядок – это правила, по которым совершается что-либо, т.е. существующее устройство или режим². А условия – правила, установленные в какой-либо области жизни или деятельности³. Здесь в первом случае рассматриваются правила, которые обязывают им следовать, исполнять их требования, т.е. это то, что предоставлено правилами, имеется в наличии и не может быть изменено, несмотря на выполнение или не выполнение таких правил. А во втором – это то, что сопровождает первое правило, и может быть изменено при определенных условиях, но без изменения

¹ См.: ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант Плюс».

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.

³ Там же.

первого правила. Порядок, т.е. режим, понятие более широкое и включает в себя условия как составляющее его обстоятельство.

Если рассматривать реформирование исполнения лишения свободы через «легитимизацию» «гибридных» исправительных учреждений как учреждений основного (типового) вида, то различие видов их режима перестает быть актуальным. Дифференциация режима через дифференциации числа посылок, передач, свиданий осужденных явно устарела¹. При этом все разнообразие видов режима сосредоточивается внутри одного исправительного учреждения. И такое учреждение запросто поглотит исправительную колонию общего и строгого режимов, а также колонию-поселение, которая при этом должна стать «открытым» видом условий отбывания лишения свободы. Колонии же особого режима и тюрьмы должны, как и теперь, рассматриваться как специальные исправительные учреждения для отдельных особых категорий осужденных.

В.А. Уткин

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И «ТЮРЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Официальная статистика свидетельствует о стабилизации судебной практики в части назначения уголовных наказаний. В 2019 г. общее число осужденных составило 611 912 человек (по сравнению с 662 218 в 2015 г.). И хотя эта тенденция была неоднозначной (в 2016 г. – 750 тыс. человек, в 2017 – 725 тыс., в 2018 – 682 тыс.), в целом можно отметить заметное снижение числа осужденных.

Остается стабильной доля осужденных к лишению свободы на срок после ее резкого снижения в 2016 г. (с 33,3 до 28,7%). В 2019 г. она составила 29,5% осужденных.

На втором месте среди применяемых судами мер продолжает оставаться условное осуждение (26,5% в 2019 г. и ранее ежегодно примерно столько же, начиная с 2015 г.).

Среди реальных уголовных наказаний уверенную позицию занимают обязательные работы (в 2019 г. – 16,8%). Далее следует штраф

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 149–159.

(12,8% с аналогичной стабильностью в границах 13–14% в истекшее пятилетие). Группу наиболее часто применяемых альтернатив замыкают исправительные работы (8,5%).

Таким образом, среди всех применяемых судами мер, не связанных с лишением свободы, 92% приходится на условное осуждение, обязательные работы, штраф и исправительные работы. Ограничение свободы, ранее широко разрекламированное в средствах массовой информации, с 2015 г. так и не перешагнуло четырехпроцентный барьер, оставаясь в «вилке» 3,2–3,8% (в 2019 г. – 3,5%). Еще реже применялись принудительные работы (в 2018 г. – 0,15%, в 2019 – 0,2% всех осужденных).

Приведенные данные убедительно подтверждают высказанное нами ранее суждение об «избыточности» существующей системы уголовных наказаний и о необходимости ее коренного пересмотра на принципах «необходимой достаточности».

Опубликованные в начале 2021 г. основные статистические показатели ФСИН России позволяют судить о тенденциях изменения «тюремного населения». За истекшие пять лет общее число осужденных к лишению свободы в исправительных колониях значительно сократилось (с 525 тыс. в 2015 г. до 376 тыс. в 2020 г.), причем эта тенденция имела место в течение всего периода. В целом за этот период число осужденных в исправительных колониях сократилось на 148 тыс. человек, или 28%.

В наибольшей степени уменьшилось количество осужденных в колониях общего режима (на 78 тыс. человек, или 45%), а также в лечебных исправительных учреждениях (на 58%). Менее всего – на особом режиме (на 9%) и в колониях-поселениях (на 5%). Близки к средним показатели снижения числа и доли осужденных в исправительных колониях (изолированных участках) строгого режима (на 22%). В условиях возрастания среди осужденных числа и доли рецидивистов, а также совершивших особо тяжкие преступления. Налицо тенденция возрастания значения колоний строгого режима в уголовно-исполнительной системе. Если в 2015 г. удельный вес осужденных на строгом режиме составлял 54%, то в 2020 – уже 59%, тогда как доля осужденных на общем режиме сократилась, соответственно, с 27 до 21%. При этом доля осужденных на особом режиме и в колониях-поселениях возростала не столь значительно (с 5 до 6,5% на особом режиме и с 6 до 8% в колониях-поселениях соответственно).

Сказанное подтверждает сделанный ранее нами вывод, что в реформировании исправительных колоний в направлении «гибридных» и «мультирежимных» учреждений колония строгого режима должна оставаться «базисной». С учетом этого, возможно, в будущем следует задуматься о целесообразности существования колоний общего режима или изолированных участков общего режима как самостоятельных видов режима (конечно, при соблюдении требований раздельного содержания отдельных категорий осужденных).

За истекшее пятилетие продолжало снижаться число осужденных в восьми тюрьмах (с 2 749 в 2015 г. до 1 248 в 2020 г.). Особенно заметно также снизилось их количество в 23 воспитательных колониях (с 1 683 до 949 соответственно, или на 44%). Очевидно, что в условиях, когда судебная практика демонстрирует чрезвычайную осторожность применения к несовершеннолетним лишения свободы, сокращение числа осужденных несовершеннолетних сопровождается резким ухудшением их характеристик (за счет преобладания неоднократно судимых или(и) совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления). В этой связи, на наш взгляд, следует чрезвычайно осмотрительно относиться к призывам дальнейшей «гуманизации» в воспитательных колониях при сведении последней ко всяческому улучшению материально-бытовых условий осужденных.

В.Н. Чорный

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

Законодательство Российской Федерации предусматривает различные уровни и формы защиты прав осужденных, что особенно актуально для осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы.

Анализируя формы защиты прав осужденных, можно выделить два основных уровня такой защиты – национальная защита через соответствующие государственные и общественные правозащитные институты и наднациональная (международная) защита прав осужденных, реализуемая посредством деятельности правозащитных организаций межправительственных международных объединений, в частности, создаваемых в структуре ООН и Совета Европы. Значи-

тельную правозащитную функцию осуществляет Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

Конституция Российской Федерации (ст. 46 Конституции РФ) каждому гражданину гарантирует право на обращение в целях защиты прав и свобод в международные межгосударственные организации, если исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Аналогичным образом данное положение Конституции РФ воспроизводится в ч. 4 ст. 12 УИК РФ, определяющей, что осужденные, в соответствии с международными договорами Российской Федерации, могут обращаться за защитой своих прав и свобод в межгосударственные (международные) органы по защите прав и свобод человека.

Однако следует заметить, что приведенная ст. 12 УИК РФ, кроме международных органов, называет ряд органов России (вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления и др.), полномочные рассматривать жалобы осужденных по поводу нарушения их прав в процессе отбывания уголовного наказания. Несмотря на то, что анализируемая статья не устанавливает какой-либо очередности направления осужденными жалоб в государственные органы, из содержания ст. 46 Конституции РФ следует, что жалоба в ЕСПЧ может быть направлена только, если исчерпаны все внутригосударственные способы защиты и восстановления нарушенных прав.

Представляется, что в Российской Федерации сформированы в достаточной мере система гарантий прав осужденных и органов, призванных обеспечивать их соблюдение и защиту в случае нарушения. Однако, как свидетельствует практика обеспечения прав и свобод осужденных к лишению свободы, их обращения в ЕСПЧ, она не может быть признана совершенной. Это напрямую зависит от стремления контролирующих органов осуществить свои контрольные полномочия, от степени информированности осужденных и других граждан об этом механизме защиты прав и свобод, от общей заинтересованности государства и общества в эффективности контроля.

Поэтому закономерным являются обращения осужденных за защитой своих прав в ЕСПЧ и другие международные органы. Анализ обращений осужденных и заключенных в ЕСПЧ показывает, что наиболее часто указываются нарушения прав осужденных и заклю-

ченных, связанные с условиями отбывания лишения свободы и заключения в СИЗО (отсутствие в камере водопровода и туалетов, оборудованных в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями; переполненность камер, отсутствие свежего воздуха; отсутствие или ограниченный доступ к горячей воде, плохое качество пищи и т.п.), а также отсутствие необходимой медицинской помощи.

Таким образом, форму наднациональной защиты прав осужденных на международном следует рассматривать в качестве дополнительной, корректирующей национальную форму защиты прав осужденных. При этом международные правозащитные организации, в частности ЕСПЧ, обращаются непосредственно к Российской Федерации, что восстанавливает нарушенные права не только конкретного осужденного, обратившегося в ЕСПЧ, но и создает прецедент обеспечения прав осужденных в возможных аналогичных ситуациях в будущем.

С.В. Чубраков

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Проблема обеспечения ответственностью (негативными последствиями) виновно неисполненных уголовно-исполнительных предписаний, ориентированных осужденным, активно дискутируется в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе. Один из вопросов этой дискуссии – необходимость и возможность использования ответственности иных отраслей права, в том числе административной.

В целом вопрос об уместности иной (не уголовно-исполнительной) ответственности решен положительно и в теории, и в действующем законодательстве на примере уголовной ответственности, обеспечивающей ряд вариантов злостного уклонения от исполнения наказаний (в частности, путем криминализации такого уклонения).

Неоднократно в связи с этим поднималась также тема необходимости использования и ресурсов административной ответственности при обеспечении уголовно-исполнительных предписаний.

Здесь нельзя не оговориться, что есть позиция, согласно которой уголовно-исполнительное право – это часть (подотрасль) административного права, следовательно, и уголовно-исполнительная ответственность, не имея самостоятельного характера, является разновидностью административной. При таком подходе вопрос об уместности административной ответственности в этой сфере по сути теряет смысл. Остаются лишь отдельные технические моменты, связанные в том числе с тем, в каких актах должны находиться те или иные правила об ответственности (например, в УИК РФ или в КоАП РФ).

Не погружаясь в суть этой дискуссии, далее будем исходить из самостоятельности уголовно-исполнительного права. Вместе с тем сказать, что иная позиция не имеет никаких оснований, тоже будет неправильным. По природе нормы уголовно-исполнительного права со всей очевидностью имеют публичный характер и связаны с отношениями управления, что, безусловно, позволяет говорить об их происхождении из административно-правовых. Однако современный уровень развития, состояния и роли совокупности этих норм (по сути, обеспечивающих дальнейшую жизнь уголовно-правовых норм об ответственности виновных в совершении преступлений) позволяет говорить об их самостоятельном характере, отвечающем всем признакам отдельной отрасли права. Эта позиция сейчас является преобладающей в литературе.

Если считать, что и уголовно-исполнительное право, и его ответственность имеют самостоятельный характер, то вопрос о необходимости прибегать к ресурсам административной ответственности актуален в том случае, когда по каким-то причинам ресурсов уголовно-исполнительной ответственности недостаточно для обеспечения воплощения в жизнь уголовно-исполнительных предписаний. То есть нужно четко установить не просто наличие пробелов в ответственности, но и то, что эти пробелы не могут быть устранены уголовно-исполнительными правилами либо устранение их путем введения административной ответственности будет целесообразнее.

Говоря о наличии пробелов в ответственности при обеспечении ею правил об исполнении уголовных наказаний, следует констатировать их очевидность. Практика и теория это постоянно подтверждают. Соответственно, тот факт, что изменения необходимы, нали-

цо, вместе с тем остается открытым вопрос – почему при таких переменах недостаточно ресурсов уголовно-исполнительного права?

Если обратиться к уголовной ответственности в уголовно-исполнительном праве, то ее существование объясняется прежде всего тем, что в ряде ситуаций не обойтись без устрашения осужденного большим наказанием, в том числе новым более строгим или большим его сроком (при лишении свободы). С учетом ныне существующего правового регулирования (ст. 8 УК РФ), это может быть реализовано только путем криминализации поведения по определенному злостному уклонению осужденных от исполнения наказаний и реализации иных мер уголовной ответственности. То есть уголовно-исполнительная ответственность не обладает теми ресурсами для указанных выше целей, которые есть у уголовной.

Если пойти по тому же пути и применительно к оценке административной ответственности, то нужно начать не с того поведения осужденных, где есть пробелы в его обеспечении ответственностью, а с того, что может предложить административная ответственность и чего нет в уголовно-исполнительном праве, а уже затем перейти к поведению, которое целесообразно такими мерами обеспечивать.

Так, среди видов административного наказания потенциально могут быть использованы предупреждение, административный штраф и арест, а также обязательные работы. При этом реальный интерес представляет, по нашему мнению, только административный арест, так как предупреждение и штраф есть среди мер уголовно-исполнительной ответственности (соответственно, там, где их нет, то весьма легко при желании они могут быть реализованы). Что касается обязательных работ как административного наказания, то полноценное его использование для обеспечения уголовно-исполнительных предписаний по тем же причинам (наличие тождественного уголовного наказания) невозможно. Также вряд ли оно способно реально обеспечить поведение лица, осужденного к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и уже не желающего эти меры исполнять, реализовывать.

Если говорить об административном аресте, то, по нашему мнению, он, очевидно, интересен как раз для обеспечения исполнения наказаний без изоляции от общества, в качестве «промежуточной» ответственности до лишения свободы, когда есть уклонение осужденных от реализации определенных мер, но явных оснований сразу

заменять лишением свободы нет, и есть надежда на воздействие административного ареста. В частности, в КоАП РФ может быть помещен состав административного правонарушения за уклонение от исполнения наказаний без изоляции от общества, предусматривающий административный арест. Привлечение к этой ответственности может выступать как вариант в качестве административной преюдиции для дальнейшей уголовной ответственности (при криминализации злостного уклонения).

К.В. Шевченко

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК ДЛЯ НУЖД УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Стабильность законодательства свидетельствует о таких его свойствах, посредством которых достигается способность регулировать общественные отношения при определенном уровне его содержания.

В законодательство о контрактной системе¹ ежегодно вносятся изменения, способствующие усовершенствованию деятельности, направленной на осуществление закупок товаров, работ, услуг, в том числе, и для нужд уголовно-исполнительной системы (УИС), и с этих позиций говорить его стабильности не приходится.

Большинство из них направлено на изменение общих тенденций развития данной области законодательства, в частности, порядка проведения конкурентных процедур или порядка заключения контрактов. Вместе с тем есть и точечные изменения, например, по вопросам градостроительной деятельности (строительства, реконструкции, капитального ремонта), осуществление которой само по себе обладает определенной спецификой.

Некоторые изменения имеют ограничительные или запретные меры (запрет или ограничение закупок учреждениями и органами УИС иностранной продукции), такие изменения замедляют закупоч-

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «Консультант Плюс».

ную деятельность всех заказчиков до определенных разъяснений, но имеют общую цель – развитие внутреннего рынка России.

Одним из последних изменений в законе о контрактной системе непосредственно для нужд уголовно-исполнительной системы следует считать изменения п. 11 ч. 1 ст. 93. Формулировка законодателя «в том числе для нужд исключительно организаций, предприятий, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» означает, что производство товара (выполнение работ, оказание услуг) из специального перечня распространяется в настоящее время на внутрисистемные нужды УИС.

Данным пунктом предусмотрен перечень¹ продукции, в соответствии с которым учреждения и органы уголовно-исполнительной системы имеют право проводить закупки товаров (работ, услуг); в него вносились изменения в июне 2016 г., что говорит об относительной стабильности производимой предприятиями и учреждениями УИС продукции.

На первый взгляд, механизм внутрисистемных закупок не терпел значительных изменений, однако при детальном анализе необходимо сделать вывод о том, что учреждения и (или) предприятия УИС могут обеспечивать товарами, работами и услугами на основании данного пункта не только такие же учреждения или предприятия УИС, но и осуществлять закупки товаров, работ, услуг на основании п. 11 ч. 1 ст. 93 закона о контрактной системе для удовлетворения собственных нужд.

Необходимо отметить и то, что ряд изменений обусловлен необходимостью противостоять распространению новой коронавирусной инфекции, что особенно актуально для исправительных учреждений, предназначенных для отбывания осужденными наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, вносимые законодателем изменения в законодательство о контрактной системе носят объективный характер и направлены на усовершенствование механизмов закупочной деятельности.

¹ Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1292 (ред. от 27.06.2016) «Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя)» // СПС «Консультант Плюс».

К.А. Шилов

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Борьба с радикальным исламом в местах лишения свободы является одной из первоочередных задач для ФСИН России, что, конечно, же является весьма важным ввиду складывающейся обстановки в некоторых территориальных органах ФСИН России, когда лидерами ваххабитских ячеек предпринимаются попытки организовать на территории исправительных учреждений так называемые тюремные джамааты¹.

С 2017 г. правоохранительными органами установлено свыше 200 преступлений экстремистско-террористической направленности, совершенных осужденными в период отбывания наказания. Осужденные финансируют и пропагандируют терроризм, призывают к экстремистской деятельности, допускается формирование религиозно-экстремистских ячеек на территории исправительных учреждений, которые становятся площадками для подготовки новых участников незаконных вооруженных формирований и международных террористических организаций.

Так, приговором Северо-Кавказского окружного военного суда от 12 марта 2019 г. Д.М. Ахмедов признан виновным в вербовке посредством мессенджеров в международную террористическую организацию «Исламское государство» лиц, находящихся на свободе, в период отбывания наказания в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Чувашской республике с июля 2016 г. по ноябрь 2017 г., а также в ходе личных бесед с ними после освобождения.

Приговором Северо-Кавказского окружного военного суда от 5 декабря 2018 г. Р.А. Ибраев признан виновным в сборе денежных средств в целях финансирования терроризма в период отбывания

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.

наказания за совершения особо тяжкого преступления в ФКУ ИК-26 УФСИН России по Волгоградской области¹.

Поэтому, на наш взгляд, одной из первостепеннейшей задачей по противодействию распространения экстремистско-террористической идеологии в местах лишения свободы является принятие нормативно-правового акта, регулирующего блокирование незаконно используемых средств сотовой связи в местах лишения свободы. Не случайно 30 сентября 2020 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении проект закона, который предлагает механизм отключения незаконно используемой сотовой связи в местах лишения свободы. Согласно действующим нормам в СИЗО и исправительных учреждениях нельзя иметь при себе средства связи. Но число нарушений в этой сфере растет: мобильные телефоны используют в местах лишения свободы для мошенничества, координации деятельности преступных групп на свободе, оказания давления на свидетелей. Законопроект предлагает установить возможность отключения незаконно используемых абонентских номеров на территории исправительных учреждений и СИЗО. Операторы связи будут обязаны прекращать услуги связи по таким номерам на основании письменного мотивированного решения территориального органа уголовно-исправительной системы, в ведении которого находится исправительное учреждение².

Вполне адекватной и своевременной мерой является принятие Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 569 ФЗ «О внесении изменений и дополнений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений террористической направленности, на срок свыше пяти лет, отбывание части

¹ Меркурьев В.В., Тисен О.Н. Проблемы противодействия экстремистско-террористической идеологии в местах лишения свободы в свете борьбы с международным терроризмом // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тр. конф. Рязань, 20–22 ноября 2019 г. С. 213–221.

² <http://rg.ru/2020/09/30/zakonoproekt-o-blokirovke-sotovoj-sviasi-v-tiurmah-priniat-v-pervom-chtenii.html>.

срока наказания может быть назначено в тюрьме¹. Однако здесь необходимо отметить, что поскольку после отбытия части срока наказания в тюрьме осужденный, например, за преступления террористической направленности, будет переведен для дальнейшего отбывания наказания в исправительное учреждение, а в некоторых территориальных органах ФСИН России исправительные учреждения находятся в черте города (в частности, в УФСИН России по Томской области большинство исправительных учреждений находится не просто в черте города, а в центральной его части), то нами предлагается перенести исправительные учреждения за пределы города.

В заключение отметим, что с учетом высокой опасности для общества и государства лиц, осужденных за преступления экстремистского и террористического характера, помимо индивидуальной воспитательно-профилактической работы, проводимой с ними сотрудниками исправительного учреждения, на наш взгляд, необходимо создание своего рода социальной службы, которая бы помогала лицам указанной категории, освобожденным из мест лишения свободы, в трудоустройстве, оказании содействия с временным жилым помещением, дальнейшее их психологическое сопровождение с целью адаптации и становления полноценными членами гражданского общества.

Е.А. Акунченко

О ТИПАХ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Типологизация – метод научного познания, позволяющий находить группы схожих между собой явлений или процессов для последующего их обобщения в виде идеальных моделей. По мнению П.А. Кабанова, «в отечественной криминологической науке под типологизацией (типологией) преступника понимается сведение одно-

¹ О внесении изменений в статьи 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 569-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (Ч. I). Ст. 8495.

образных (типичных) образцов преступного поведения в наиболее общую ее модель (тип)»¹.

Полагаем, что данный метод может быть применен не только к личности преступника, но и к формам преступного поведения. Изучение наиболее типичных групп коррупционных преступлений в избирательном процессе позволит определить и описать внутрисистемные функциональные связи между ними. Как отмечает И.М. Мацкевич, выявление таких связей «является главной задачей криминологии как науки, поскольку на этом пути лежит ответ на вопрос о действенности профилактических мер против преступности, как в целом, так и отдельных преступлений»².

Выделение групп коррупционных преступлений в соответствии с логикой построения Особенной части Уголовного кодекса РФ не позволяет в должной мере объяснить системно-структурный характер коррупционной преступности в избирательном процессе. Полагаем, что углублению знаний о коррупции как общественно опасном социально-правовом явлении будут способствовать выделение и описание типов коррупционной преступности в избирательном процессе.

Анализ подходов к пониманию коррупции в избирательном процессе дает возможность выделить как минимум три группы типичных с точки зрения объективной стороны общественно опасных деяний: подкуп («продажность») участников избирательного процесса, злоупотребление административным ресурсом и незаконное финансирование избирательной кампании.

Соотнесем указанные группы деяний с приведенным ранее перечнем коррупционных преступлений в избирательном процессе:

– преступления, в основе которых лежит подкуп («продажность») участников избирательного процесса (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 200.5, 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ);

– преступления, в основе которых лежит злоупотребление административным ресурсом (п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142,

¹ Кабанов П.А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3. С. 56.

² Мацкевич И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации // Lex Russica. 2006. № 3. С. 525.

ст. 142.1, ч. 1 ст. 142.2, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 200.4, 201, 285, 286, 292 УК РФ);

– преступления, в основе которых лежит незаконное финансирование избирательной кампании (ст. 141.1 УК РФ).

Внутри данных типов, как в «плавильном котле», смешиваются составы преступлений, закрепленные в разных главах Уголовного кодекса РФ. Коррупционные деяния, совершаемые участниками избирательного процесса, причиняют вред разнообразным объектам, к числу которых относятся избирательные права граждан, порядок проведения выборов, правоотношения собственности, интересы службы в коммерческих или иных организациях, нормальное функционирование органов власти и др. Изучение содержания указанных выше типов имеет важное значение для формирования идеальной модели коррупционной преступности в избирательном процессе, которая может стать основой реформирования Уголовного кодекса РФ в части охраны избирательных прав граждан от коррупционных посягательств.

Н.Д. Бубербаев

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА НУР-СУЛТАН)

Приоритетная роль общесоциальных мер предупреждения преступности связана с тем, что они непосредственно не воздействуют на те или иные причины, условия и факторы, детерминирующие преступность, но оказывают существенное влияние на стабилизацию и улучшение криминологической ситуации в обществе, государстве.

Со времени образования столицы Казахстана и по настоящее время реализовано более десятка документов стратегического характера, принятых как на государственном, так и на местном уровне, которые направлены на минимизацию социального антагонизма между различными слоями населения, имеющих существенную разницу в уровне доходов, и стабилизацию наиболее индикативных составляющих социально-экономического благополучия.

Вместе с тем изучение документов, посвященных социальному и экономическому развитию столичного города, позволяет констатировать, что качество планирования и организации общесоциального предупреждения преступности весьма неудовлетворительное: и то и другое осуществляется поверхностно и не охватывает всего комплекса проблем, стоящих перед столичным социумом. Хотя именно общесоциальные мероприятия призваны в итоге дать больше положительных результатов, поскольку масштаб их действия значительно шире.

Так, из 57 направлений Государственной программы социально-экономического развития города Астаны на 2006–2010 гг.¹ предупреждению преступности не был посвящен ни один раздел. Аналогичные недостатки присутствуют и в программах, принятых позже. Впрочем, подобные просчеты не учтены и в программе, реализуемой в настоящее время². Данная ситуация – следствие того, что все эти годы продолжает сохраняться склонность к переоценке роли специальных субъектов профилактики. В результате круг субъектов, вовлекаемых в профилактическую деятельность, сокращается, а их силы и средства должным образом не используются.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что существующие сегодня проблемы общесоциального предупреждения преступности связаны с фактическим отсутствием принципа скоординированности в работе различных субъектов профилактической деятельности. Такой подход к планированию и организации социального предупреждения преступности на практике до сих пор продолжает оставаться без должного внимания.

В этом плане весьма показательным является ранее существовавшее комплексное социальное планирование, которое включало в себя в качестве самостоятельного направления профилактику правонарушений. Она же являлась составной частью планов социального и экономического развития республики, области, города, а также

¹ Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе социально-экономического развития города Астаны на 2006–2010 годы» от 4 мая 2006 г. (утратил силу) // Казахстанская правда. 2006. 11 мая.

² Решение маслихата города Нур-Султан «О программе развития города Нур-Султана на 2021–2025 годы» от 15 января 2021 года № 7/1-VII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35644794#pos=4;-106 (дата обращения: 20.01.2021).

отрасли народного хозяйства и трудового коллектива¹. Такой подход актуален и в наше время, поскольку обеспечение общественной безопасности является одной из важнейших социальных составляющих развития современного социума.

Таким образом, считаем, что преступность есть явление социальное, и меры по ее предупреждению должны предприниматься, в первую очередь, с учетом социальных предпосылок ее существования. Для этого необходимо признать на государственном уровне приоритетную роль социальной детерминанты в причинном комплексе преступности с целью ее дальнейшей интеграции в общесоциальную стратегию развития городов и регионов.

Т.А. Далгалы

КОРРУПЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Коррупционная преступность является одной из самых общественно опасных угроз национальной безопасности государства. По данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел РФ² (далее – ГИАЦ МВД России), по состоянию на 2020 г. уровень коррупционной преступности в России составляет 30 813 зарегистрированных преступлений, что на 0,6% ниже уровня 2019 г. Удельный вес преступлений коррупционной направленности составил 1,5%. При этом «цена» такого вида преступности несравнимо больше ее удельного веса в общей преступности. Так, материальный ущерб от экономических преступлений в целом составил 339,5 млрд руб.

Коррупция поражает собой различные системы, органы государственной власти, общественные институты и т.д. Также коррупционные проявления проявляются и в системе образования, имея специфические особенности, которые обусловлены самой сущностью

¹ Керимова Д.А. Социальная профилактика правонарушений: Советы и рекомендации. М., 1989.

² Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen

системы образования. При этом, согласно статистике, система образования является наиболее коррумпированной сферой.

Очевидно, что основная проблема, с которой сталкиваются правоохранительные органы, это сложность расследования и квалификации коррупционных преступлений в системе образования, а также выявление мер противодействия и предупреждения совершения данных преступных деяний.

Коррупция в системе образования является негативным фактором, который значительно снижает уровень оказанных образовательных услуг. В частности, наиболее известны такие коррупционные проявления в системе образования, как торговля документами об образовании, оказание образовательных услуг без необходимого контроля обучающихся, недостаточная проработанность правовых основ, регулирующих образовательные услуги и многие другие.

Уголовно-правовой аспект коррупционной преступности¹ в системе образования проработан на достаточно хорошем уровне, что нельзя сказать о криминологической характеристике данного вида преступности. Именно поэтому необходимо более глубокие и обзорные криминологические исследования коррупционной преступности в системе образования. В дальнейшем это позволит более эффективно организовать работу всей системы профилактики и мер предупреждения и противодействия коррупционной преступности.

Исходя из анализа официальных данных ГИАЦ МВД России, следует сделать вывод о необходимости более тщательного изучения коррупционной преступности в целом и коррупционной преступности в системе образования в частности.

¹ Например, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции.

И.А. Дамм

ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» антикоррупционная экспертиза отнесена к числу мер по профилактике коррупции. В целях обеспечения реализации указанной меры принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 утверждены правила и методика ее проведения.

В соответствии положениями п. 4 ст. 3 указанного выше Федерального закона № 172-ФЗ организации, их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу принятых ими нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) при проведении их правовой экспертизы и мониторинге их применения. При этом действующее законодательство об образовании не содержит требований об осуществлении антикоррупционной экспертизы принимаемых образовательной организацией локальных нормативных актов.

В научной литературе сложились разные подходы по вопросу обязательности осуществления организацией антикоррупционной экспертизы принимаемых локальных нормативных актов и их проектов. Так, И.Н. Толстикова полагает, что, исходя из положений действующего законодательства, проведение антикоррупционной экспертизы обязательно для всех организаций, принимающих локальные нормативные акты¹. С.И. Ганакова и В.И. Попов приходят к выводу об уместности проведения обязательной антикоррупционной экспертизы в случаях, когда принимаемый локальный нормативный акт затрагивает права и законные интересы участников образова-

¹ Толстикова И.Н. Об обязательности проведения антикоррупционной экспертизы проектов локальных нормативных правовых актов организации // Административное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 48.

тельной деятельности¹. По мнению В.В. Астанина, антикоррупционная экспертиза как мера профилактики коррупции в организациях лишь возможна к применению. В свою очередь, основания для внедрения антикоррупционной экспертизы в организации могут быть заданы подходами и практикой реализации этой меры в соответствующей организации².

Ранее проведенное исследование положений локальных нормативных актов федеральных университетов позволило установить наличие коррупциогенных факторов в положениях, регламентирующих порядок перехода обучающихся с платного обучения на бесплатное³. Содержание исследованных актов свидетельствует о том, что образовательные организации высшего образования воздерживаются от проведения антикоррупционной экспертизы. Вместе с тем наличие коррупциогенных факторов в столь значимых для реализации прав обучающихся актах создает предпосылки для совершения коррупционных правонарушений и преступлений.

Антикоррупционная экспертиза представляет собой эффективный инструмент в обеспечении дополнительной прозрачности регламентируемых образовательных отношений. Осуществление антикоррупционной экспертизы локальных нормативных актов образовательных организаций способствует не только снижению коррупционных рисков, но и повышению качества локального нормотворчества.

¹ Ганакова С.И., Попов В.И. Особенности локального нормотворчества в образовательных организациях // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. / сост. Н.А. Санников. Пермь : ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2019. С. 121.

² Астанин В.В. Корпоративный антикоррупционный комплаенс: проблемы и ресурсы практического обеспечения // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 7; Астанин В.В. Профилактика коррупционных правонарушений в организациях, контролируемых госкорпорациями : прак. пособие / Холдинг АО «Вертолеты России», Государственная корпорация «Ростех». М. : Юстицинформ, 2019. С. 15.

³ Дамм И.А., Шишко И.В. Открытость в предупреждении коррупции в университете при переходе с платного обучения на бесплатное: состояние и обеспечение // Право и политика. 2019. № 12. С. 26–37.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ЛИЦ
ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА
(НА ПРИМЕРЕ КНР И РОССИИ)**

Старение населения является общемировым процессом. Данная зависимость отразилась и на численности лиц пожилого возраста в пенитенциарных учреждениях как в России, так и в зарубежных странах. Последние 10 лет наблюдается общемировая динамика роста лиц старше 60 лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Связано это как с ростом рецидивной преступности среди лиц старше 60 лет, так и с совершением преступлений в этом возрасте, а также назначением длительных сроков наказания, введением моратория на применение смертной казни в некоторых странах Европы. Наиболее остро тенденция старения тюремного населения проявляется в Китайской Народной Республике.

По данным Китайского исследовательского центра по проблемам старения, почти 15% населения Китая – более 200 млн человек – сейчас составляют люди в возрасте 60 лет и старше. Старики, пожалуй, одни из самых счастливых людей в Китае. Их часто можно увидеть поющими и танцующими в парках или болтающимися и шутящими на улицах со своими друзьями. Их жизнерадостность, по-видимому, исходит из трех источников: конфуцианство, которое учит уважать старших; наличие сети хороших друзей; и тот факт, что пожилые люди, после тяжелой трудовой жизни, наконец-то получают возможность расслабиться и отдохнуть, а их дети заботятся о них¹.

Еще одним следствием низкой рождаемости и политики в отношении одного ребенка является все более старшее население. Пожилое население Китая быстро растет, в то время как число молодых людей сокращается. Это является огромным демографическим сдви-

¹ How inmates in Chinese prisons are forced to make the world's Christmas decorations. URL: https://www.independent.co.uk/news/long_reads/china-prisons-christmas-decorations-supply-chain-forced-labour-torture-a8692776.html (дата обращения: 26.02.2021).

гом, который нарастал в течение десятилетий. Хотя пожилые люди все еще составляют относительно небольшую долю населения Китая по сравнению с некоторыми западными странами, демографы прогнозируют, что к 2050 г. каждый четвертый китаец будет старше 65 лет.

Китай – это первая страна, которая должна справиться с населением, которое стареет, прежде чем стать богатым. Ожидается, что пожилое население умрет раньше, чем экономика и общество смогут справиться с этой проблемой. Уже сейчас Китай наращивает расходы на здравоохранение и пенсии, которые он не может себе позволить, поскольку люди, родившиеся в 1950–1960-х гг., начинают выходить на пенсию. К 2035 и 2040 гг. на пике проблемы старения Китай столкнется с дефицитом социального обеспечения в размере 128 млрд долл.¹ Указанные проблемы, общемировой экономической кризис на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции будут способствовать детерминации преступного поведения лицами пожилого возраста. Все это будет способствовать росту проблем социального обеспечения лиц медицинского обеспечения, дифференциации исполнения наказания с целью достижения старше 60 лет в пенитенциарных учреждениях, необходимости модернизации исправления осужденных пожилого возраста и профилактики рецидивной преступности после освобождения.

Таким образом, во-первых, общемировая тенденция старения тюремного населения является следствием общемирового процесса старения населения. Во-вторых, наиболее переполненными лицами старше 60 лет являются тюрьмы Китая. В-третьих, исследование социальной политики Китая, спровоцировавшая рост пожилого населения, стала причиной социального кризиса и роста преступности, в том числе в условиях пандемии.

¹ Elderly people, retirement and graying of China. URL: <http://factsanddetails.com/china/cat4/sub21/item106.html> (дата обращения: 26.02.2021).

А.П. Захарова

**О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ
ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ НОВОЙ
КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**

Начало 2020 г. ознаменовалось беспрецедентным для истории человечества событием – пандемией новой коронавирусной инфекции. Казалось бы, террористическим настроениям в новых условиях не место. Между тем экстремистские и террористические сообщества во всем мире начали использовать тему COVID-19 для распространения вражды и призывов к насилию, особенно в сети Интернет¹. Все это стало причиной возрастающей волны негатива, активизировались вербовщики террористических группировок, рассчитывающих на возросшее количество пользователей сети Интернет. Все эти факторы существенно повлияли на процесс формирования механизма преступного поведения лиц, совершивших и готовящихся совершить преступления террористической либо экстремистской направленности.

Россия в новых условиях не отказалась от попыток продолжить деятельность по противодействию терроризму и экстремизму. Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 утверждена новая стратегия по противодействию экстремизму в России до 2025 г.² Жизнь общества полностью перешла в информационное пространство, поэтому недопущение распространения экс-

¹ Богдасарова Т.К. Пандемия и «терроризм джихада» в Африке. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.21).

тремистских материалов в сети Интернет является одним из ожидаемых результатов реализации новой стратегии¹.

В Национальном антитеррористическом комитете признали, что эмиссары международных террористических организаций активно используют сайты и социальные мессенджеры для распространения своей идеологии. В 2020 г. было заблокировано распространение такого контента на 50 тыс. страниц, а также доступ к 16 тыс. зарубежных ресурсов, активы более 2 тыс. предполагаемых финансистов боевиков, ликвидированы 83 нелегальные мастерские по производству и перделке оружия, нейтрализовано 8 преступных групп².

Криминологическая характеристика личности, ее типология помогают установить причины и условия совершения преступлений данной направленности, выявить особенности механизма преступного поведения. С учетом наиболее значимых криминологических свойств личности экстремистов и террористов следует разработать наиболее эффективные тактико-психологические приемы разоблачения их преступной деятельности, оказания последующего воспитательного воздействия на личность.

Однако в новых условиях необходимо учитывать, что механизм формирования личности преступников изменился, в виду чего основным направлением деятельности по противодействию терроризму и экстремизму должно стать недопущение распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации, особенно в сети Интернет, ставшей после начала пандемии основной платформой для вербовки и вовлечения в деятельность экстремистских и террористических группировок.

¹ Письмо Минпросвещения России от 29.08.2019 № 06-920 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по планированию и информационному сопровождению мероприятий Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы в субъектах Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

² Российская газета [Федеральный выпуск]. 2020. № 46 (8100). URL: <https://rg.ru/gazeta/2020/03/04.html> (дата обращения: 10.01.2021).

Д.В.Карелин

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В соответствии со ст. 90 УК РФ «Несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ)».

Использование законодателем словосочетаний «если будет признано» и «может быть достигнуто» означает не что иное, как предположение о достаточности и целесообразности применения ПМВВ в конкретном случае для достижения указанной выше цели (исправления). Исправление несовершеннолетнего – это результат, который находится в будущем, т.е. является прогнозируемым. Такой прогноз и вывод должны основываться на убежденности суда, и, выражаясь процессуальным языком, лишь при доказанности на основании оценки совокупности всех фактических обстоятельств дела, возможности исправления несовершеннолетнего именно путем применения ПМВВ.

Индивидуальное прогнозирование при применении ПМВВ имеет особенности. Вероятность (надежность) прогноза относительно возможности исправления и будущего поведения несовершеннолетнего осложнено психолого-возрастными и социальными особенностями несовершеннолетнего возраста. Об обязательном учете некоторых, но далеко не всех из них, сказано в ст. 89 УК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ, требующих устанавливать уровень психического развития и иные особенности личности несовершеннолетнего. Положительным следует признать конкретизацию некоторых из этих обстоятельств, содержащуюся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Таким образом, не совер-

шение несовершеннолетним нового преступления после применения ПМВВ является не только критерием эффективности системы уголовной юстиции, «результативности» самих ПМВВ, но и подтверждением того, что индивидуальный криминологический прогноз суда оправдался, т.е. реализовался сценарий, предусматривавший наилучший из возможных вариантов развития событий с учетом действия назначенных несовершеннолетнему мер. При этом, очевидно, что не совершение преступления несовершеннолетним может быть результатом не столько его исправления, сколько следствием специально-профилактического воздействия, составляющего содержание таких ПМВВ, как «передача под надзор» и «ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего».

Полагаем, что повышению эффективности и вероятности индивидуального криминологического прогнозирования при применении ПМВВ будет способствовать:

1) закрепление в ст. 90 УК РФ указания не только на возможность исправления, но и на «предупреждение» совершения нового преступления несовершеннолетним;

2) проблема полноты и учета криминологически значимой информации, необходимой для составления прогноза о возможном индивидуальном противоправном поведении несовершеннолетнего, может быть снята закреплением обязанности составления социального доклада о несовершеннолетнем (такой доклад предусмотрен актами международно-правового характера и уже составляется в некоторых субъектах РФ, но «приобщается» к материалам уголовного дела по-разному);

3) закрепление возможности отмены и изменения судом по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением несовершеннолетнего ограничений и(или) требований к его поведению (по аналогии с ч. 7 ст. 73 УК РФ).

МОТИВАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В БИЗНЕСЕ

Общепризнано, что коррупция представляет угрозу национальной безопасности. Обладая мощным общественно опасным потенциалом, коррупция проникла практически во все сферы жизнедеятельности общества, включая сферу бизнеса. К числу негативных последствий коррупционных проявлений в сфере бизнеса следует отнести искажение рыночной конкуренции, нарушение естественного ценообразования, увеличение транснациональных издержек предпринимателей, снижение инвестиционной привлекательности и т.д.²

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» обязывает организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции (ч. 1 ст. 13.3). При этом внедрение и принятие антикоррупционных инициатив являются прямой обязанностью каждой компании³. В целях выявления состояния принимаемых мер по предупреждению коррупции осуществлен мониторинг содержания антикоррупционных локальных нормативных актов более 250 крупнейших российских компаний (например, ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ООО «Евраз», ПАО «ГМК «Норильский Никель» и др.), размещенных на их официальных сайтах в сети Интернет⁴.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что антикоррупционные положения в локальных нормативных актах закреплены у 42% организаций, в свою очередь, у 58% такие положения (акты) отсутствуют. Не исключено, что организации все же выполняют

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90028.

² Ботнев В. Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 5. С. 49.

³ Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях : криминологическая характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С.113.

⁴ 200 крупнейших компаний России // Официальный сайт Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes>

требования законодательства о противодействии коррупции и принимают меры по ее предупреждению, однако не размещают соответствующие данные в открытом доступе.

Одной из причин низкого уровня антикоррупционной активности организаций является дефицит мотивации руководства компаний к добропорядочному ведению бизнеса. Одним из способов мотивации должностных лиц бизнес-организаций к осуществлению антикоррупционной деятельности могло бы стать создание специальных стимулирующих мер поведения¹.

В целях поощрения добропорядочного ведения коммерческой деятельности, а также активного внедрения антикоррупционных практик, в локальных нормативных актах организаций следует предусмотреть материальные и нематериальные меры стимулирования (например, премия, награждение ценным подарком, единовременное денежное вознаграждение, объявление благодарности со стороны руководства, награждение почетной грамотой, благодарственным письмом). Кроме того, позитивный эффект могло бы иметь осуществление государственной поддержки, в том числе при реализации организациями закупочной деятельности в качестве стимулирующей меры за присоединение организаций к Антикоррупционной хартии российского бизнеса и последующее внедрение в своей деятельности успешной антикоррупционной практики (не менее 2 лет).

Д.С. Куклин

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Практика применения закона все чаще сталкивается с такими видами хищения, как мошенничество в сфере трудовых отношений. Типовой схемой мошенничества в сфере трудовых отношений является оформление фиктивного трудового договора, без цели фактического выполнения обусловленных трудовым договором работ, либо выполнение работ не тем лицом, которое оформлено на работу по

¹ Кабанов П.А. Реализация принципа поощрения антикоррупционной деятельности в Российской Федерации // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 425.

трудоу договору, но с целью получения заработной платы и иных выплат. Оформляется фиктивный трудовой договор, издается приказ, составляется табель, идет начисление заработной платы, идут отчисления в пенсионный фонд и подоходный налог. При этом фактически работа, обусловленная трудовым договором, не выполняется. В результате таких действий происходит незаконное завладение чужими денежными средствами, и работодатель несет имущественный ущерб. Данные деяния в большинстве случаев квалифицируются по ст. 159 и 160 УК РФ.

Общественная опасность мошенничества в сфере трудовых отношений обусловлена высокой латентностью. Данное деяние крайне сложно выявить. Само деяние и его последствия могут длиться во времени достаточно длительный срок, годами или десятилетиями, нанося тем самым еще больший ущерб собственнику и государству. Многие преступления остаются невыявленными, не говоря уже об привлечении виновных к ответственности. Что порождает проблему предупреждения и выявления преступлений в данной сфере. Лица, совершившие мошенничества в сфере трудовых отношений и не привлеченные к ответственности, чувствуют свою безнаказанность. В свою очередь это порождает развитие правового нигилизма и склонность у данных лиц к совершению повторных хищений или более тяжких преступлений. Высокая латентность мошенничества в сфере трудовых отношений вызвана незнанием о таком виде мошенничества в общей массе работодателей, а также некачественным контролем за начислением работнику заработной платы и выполнением обусловленной трудовым договором работы работником. Это порождает лазейки для совершения мошенничества в сфере трудовых отношений.

На наш взгляд, можно предложить следующие меры предупреждения и выявления мошенничества в сфере трудовых отношений, которые можно разделить на две группы: 1) информационного характера, 2) контрольно-организационного характера:

1. Меры информационного характера предусматривают отражение информации о специфике мошенничестве в сфере трудовых отношений в средствах массовой информации. Данная мера на данный момент имеет место, но в недостаточном объеме. Тем самым достигается предупреждения потенциального потерпевшего о самой возможности такого мошенничества в сфере трудовых отношений.

2. Меры контрольно-организационного характера непосредственно направлены на выявление хищений путем совершения мошеннических действий в сфере трудовых отношений. Для выявления и предупреждения мошенничества в сфере трудовых отношений работодателю необходим более тщательный контроль за тем, как начисляется зарплата и как выполняется работа работником. Если небольшая организация или у индивидуального предпринимателя численность работников до 100 человек, то сам работодатель или начальник отдела кадров непосредственно может проконтролировать, имеет ли место хищение путем мошенничества или нет. Если организация большая с большим числом структурных подразделений и большим числом работников, то тут можно порекомендовать создать специальный отдел контроля – отдел внутренней, собственной или экономической безопасности. Формироваться такой отдел, на наш взгляд, должен из юристов, экономистов, бухгалтеров, специалистов по экономической и информационной безопасности, а также специалиста по кадрам. Задачами такого отдела будет выявление хищений путем мошенничества в сфере трудовых отношений.

Е.А. Мамай

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ ОПИЙНОЙ ГРУППЫ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ

В настоящее время, несмотря на усилия правоохранительных органов, незаконный оборот наркотиков продолжает оставаться значительной социальной проблемой, что создает угрозу национальной безопасности России. Соответственно, вопросы общественной опасности незаконного оборота наркотиков в целом и особенно незаконного оборота наркотиков опийной группы являются актуальными и требуют детального изучения.

Исследования, проведенные в Сибирском юридическом институте МВД России, свидетельствуют, что «наибольшее число лиц, зарегистрированных с диагнозом наркомания, – это прежде всего лица, употребляющие опиоиды, – до 50% всех фактов регистрации, обра-

тившихся за помощью. Вместе с тем количество лиц с синдромом зависимости от наркотиков ежегодно снижается. По данным официальной статистики, в большинстве регионов РФ преобладают больные с опийной зависимостью. На начало 2020 г. наибольшее количество лиц, злоупотребляющих опийными наркотиками, отмечается в Центральном (40 685 человек), Приволжском (24 630) и Сибирском (20 607) федеральных округах. По субъектам Российской Федерации с учетом всех округов – Москва (12 880), Московская область (11 455), Санкт-Петербург (7 569), Ростовская область (5 458), Кемеровская область (5 096), Республика Татарстан (5 078)»¹.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, относятся к посягательствам против здоровья населения и общественной нравственности, в связи с тем, что их общественная опасность заключается в причинении вреда здоровью не отдельному лицу, а населению в целом или его отдельной части. На наш взгляд, наркопреступления по масштабности причиняемого обществу вреда превосходят все остальные негативные социальные явления.

В настоящее время обстановка в Российской Федерации по распространению незаконного оборота наркотиков опийного происхождения напрямую связана с масштабным наркопроизводством в Исламской Республике Афганистан, которая по-прежнему остается ведущим мировым производителем опиатов. Как отмечают исследователи, «стабильно сложная обстановка в Исламской Республике Афганистан признается одной из наиболее серьезных угроз безопасности для соседних государств»², к числу которых относится и Россия. Нестабильная на протяжении многих лет социально-экономическая и военно-политическая обстановка в этой стране создала идеальные условия для процветания наркобизнеса. По оценкам экспертов, в 2017 г. на Афганистан приходилось до 80% мирового

¹ Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты : отчет о НИР (заключ.) / СибЮИ МВД России; науч. рук. В.Е. Шинкевич, исп.: П.В. Тепляшин, Е.Н. Бен [и др.]. Красноярск, 2020. № ГР 07194480. Инв. № 08204639. С. 35.

² Наркоситуация в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности в 2019 г. : аналитические материалы. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. С. 60.

производства героина¹ (хотя в 2018 г. объем производства опиума упал на 29% и составил 6,4 тыс. т²).

Таким образом, общественная опасность незаконного оборота наркотиков опийной группы обуславливает важность оптимизации работы по противодействию наркорынкам опиатов и выбор наиболее эффективных мер пресечения распространения наркотиков опийной группы на территории Российской Федерации, к которым относятся: своевременное выявление существующего наркотрафика различных видов наркотических средств и возможных направлений его дальнейшего развития; установление наиболее проблемных регионов в части их пораженности опийному нарковоздействию; оценка динамики наркоситуации и иных показателей, определяющих ее фактический уровень и распространенность.

В.В. Молоков

МЕТОДИКА АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УРОВНЕЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

Исторически сложившаяся неоднородность регионов Российской Федерации обуславливает территориальные особенности развития преступности, которые отражаются разной степенью криминализации населения и различиями факторов, ее продуцирующих. Для противодействия преступности необходимо изучение ее географических особенностей, разработка методик сравнения, анализа причин и различий³. Одной из задач комплексного исследования криминологических характеристик регионов является их ранжирование по уровню преступности, что предполагает многомерную дифференциальную оценку показателей криминальной активности и эффективности дея-

¹ Информационно-справочные материалы о незаконном обороте опийных наркотиков. М. : ГУНК МВД России, 2019. С. 5.

² Тепляшин П.В. Криминологический анализ корреляции между динамикой афганской опийной экспансии и героиновой наркоситуацией в России // Нарко-контроль. 2020. № 4. С. 29–30.

³ Миняйло А.С., Балац Я.Е. Многомерный статистический анализ уровня преступности в субъектах РФ // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2017. № 1 (7). С. 125–129.

тельности правоохранительной системы. Для снижения исходной размерности признаков, как правило, прибегают к использованию факторного анализа, например методу главных компонент¹. Наиболее вычислительно удобным видится использование методов кластерного анализа, включенных в большинство современных статистических пакетов анализа данных. Подобный подход ранее рассматривался в исследовании уровня распространения наркомании в Российской Федерации².

В работе предлагается алгоритм оценки уровня криминализации регионов Российской Федерации на основе автоматической классификации в динамическом пространстве исследуемых признаков. Априорные сведения о количестве зарегистрированных преступлений в субъектах Российской Федерации по различным видам и результаты деятельности правоохранительных органов представлены выборкой наблюдений за некоторый период времени.

Идея классификации регионов по степени криминализации состоит в том, что в некотором многомерном пространстве исходных признаков, характеризующих криминальную активность, можно выделить компактные группы точек (субъектов), обладающих близкими характеристиками.

Исходя из представленной гипотезы, алгоритм ранжирования регионов по степени криминализации состоит из трех этапов.

На первом этапе формируется выборка абсолютных значений наблюдений по годам, которые затем нормируются относительно населения.

На втором этапе с использованием методов автоматической классификации выделяют фиксированные кластеры объектов, образованные вошедшими в них регионами. Кластеризация субъектов проводится для каждого года. Оптимальное количество классов опреде-

¹ Приказчикова А.С. [и др.] Многомерный статистический анализ показателей преступности в субъектах Российской Федерации в задаче синтеза оценки уровня криминогенности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 18–29.

² Молоков В.В. Статистическая методика оценки уровня распространения наркомании в Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 117. С. 1001–1011.

ляется равным трем, что дает возможность характеризовать их по уровню криминализации – «низкий», «средний», «высокий».

На третьем этапе группы регионов, попадающие в определенный класс, могут быть визуализированы на карте.

Дополнительно могут быть вычислены вероятностные характеристики переходов из класса в класс. Полученные результаты интерпретируются как прогнозные значения уровня криминализации регионов в будущем.

Таким образом, предлагаемый подход использует стандартные возможности статистических пакетов интеллектуального анализа данных, масштабируемых на различное количество объектов (территорий) и объем исследуемых признаков.

Е.А. Писаревская

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИНСПЕКЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Согласно ст. 4 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» уголовно-исполнительные инспекции включены в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних¹. Согласно ч. 3 ст. 23.1 Федерального закона № 120-ФЗ уголовно-исполнительные инспекции в пределах своей компетенции проводят воспитательную работу с несовершеннолетними осужденными, оказывают им помощь в трудоустройстве, а также осуществляют иные мероприятия по предупреждению правонарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, вышеуказанным законом предусмотрено, что уголовно-исполнительные инспекции осуществляют следующее.

Во-первых, проведение воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в рамках деятельности по исполнению уго-

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2021).

ловных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. При этом действующим законодательством не установлены порядок, формы и методы проведения данной воспитательной работы. Многое зависит от профессиональных умений и навыков сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Особое значение приобретает вопрос о привлечении общественности к исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества¹. Работавший в советский период институт общественных помощников (инспекторов) прекратил свое существование, и достойного аналога данному институту до сих пор не создано.

Во-вторых, оказание помощи несовершеннолетним осужденным в трудоустройстве. Это предполагает вовлечение подучетных несовершеннолетних в трудовую деятельность, содействие их профессиональной ориентации. Однако данная профилактическая обязанность в большей степени заключается в информировании и контроле за исполнением обращения. При этом большинство несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, не желают трудоустроиваться, и эта обязанность является в большей степени декларативной. Кроме того, не желают принимать на работу несовершеннолетних осужденных сами работодатели из-за их особой трудовой правосубъектности.

В-третьих, осуществление иных мероприятий по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Данная обязанность законодателем не конкретизирована и сформулирована достаточно широко. Представляется, что отсутствие на законодательном уровне конкретизации профилактических обязанностей уголовно-исполнительных инспекций не способствует эффективности их профилактической деятельности.

Кроме того, основной проблемой недостаточной эффективности деятельности данного субъекта профилактики считаем дублирование профилактических полномочий между различными субъектами профилактики, в частности, осуществление профилактической функции в отношении подучетных несовершеннолетних подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и уголовно-исполнительными инспекциями.

¹ Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск, 2011. С. 115.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНЫМ СЕКТАНТСТВОМ В РОССИИ

Религиозные отношения всегда были и остаются одной из важных духовно-нравственных основ в жизнедеятельности человека. В настоящее время на территории нашей страны функционируют различные псевдорелигиозные объединения, которые на почве антицерковного и (или) социального протеста враждебно настроены в отношении традиционных мировых религий. Их лидеры стремятся к осуществлению контроля над сознанием своих последователей в корыстных и иных противоправных целях, что порождает большой общественный резонанс.

Общественная опасность деструктивных религиозных организаций заключается в том, что в процессе своей деятельности они могут допускать совершение преступлений. Например, на практике известны факты преступной деятельности сект «Бога Кузи», «Города Солнца», «Орден Пути» и др. И это не только мошенничества и иные хищения, но и факты физического, психического и даже сексуального насилия, в том числе в отношении малолетних лиц, пытки, издевательства, всевозможная эксплуатация своих же провинившихся последователей.

По нашему мнению, главными проблемами в борьбе с религиозным сектантством являются сохраняющаяся возможность их руководителями пропагандировать свои псевдорелигиозные учения и культы; вербовать новых последователей секты; осуществлять за ними жесткий контроль; налаживать каналы финансирования сектантской деятельности как с помощью своих адептов, так и иных заинтересованных организаций, в том числе криминальных структур.

Считаем, что для устранения этих проблем следует реализовать следующие направления борьбы с религиозным сектантством:

1) лишение возможности вербовки новых адептов. Нами предлагается разъяснять гражданам опасность таких контактов и их негативные последствия. В средствах массовой информации, интернет-ресурсах необходимо информировать население о выявленных преступных сектах и о негативных последствиях пребывания в них;

2) лишение или снижение возможностей у лидеров сект контроля над своими адептами, пресечение действий источника сектантского влияния;

3) перекрытие каналов финансирования религиозных сект;

4) оказание социальной, правовой, психологической и медицинской помощи лицам, пострадавшим от сектантского насилия;

5) организация взаимодействия на местном и региональном уровнях различных религиозных конфессий с сотрудниками правоохранительных органов, медиками, психологами и другими необходимыми специалистами в целях недопущения негативного влияния на граждан деструктивных, псевдорелигиозных, тоталитарных и иных противоправных культов и групп;

6) виктимологическая профилактика правонарушений, совершаемых членами религиозных сект, которая должна заключаться в выявлении лиц, склонных (в силу присущих им личностных качеств) к уходу от традиционных вероучений; информировании граждан о выявленных преступных сектах, об общественно опасных последствиях пребывания в них; духовной и психологической поддержки лиц, имеющих склонность к сектантству и уже ставших его жертвами; обеспечении личной безопасности, свободы слова и передвижения лиц, пострадавших от сектантства.

Таким образом, деятельность различных псевдорелигиозных сект несет угрозу общественной безопасности, правам и свободам граждан. При этом важна борьба не только с самим религиозным сектантством в целом, но и с противоправными деяниями, совершаемыми их членами.

Е.М. Стоун

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОСОБО ТЯЖКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В рамках исследования нами было изучено 321 уголовное дело в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО) за последние пять лет.

Мы обратили внимание на то, что во многом причины преступного поведения объясняются детерминантами преступности, действующими на индивидуальном уровне.

К психологическим детерминантам мы отнесли пол, возраст, образование, род занятий, место и условия проживания лиц, совершивших преступления особой тяжести. Перечисленные особенности тесно взаимосвязаны с психологическими свойствами личности, которые определенным образом детерминируют преступность особой тяжести.

В нашем исследовании пол имеет значение для характеристики психологических, а не биологических различий. Для женщины-преступницы характерно менее ответственное, а порой даже пренебрежительно-безразличное выполнение своих социальных ролей. У мужчин и женщин различается направленность преступных посягательств. У женщин преобладают корыстные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а у мужчин – насильственные преступления.

С увеличением возраста лиц, совершавших особо тяжкие преступления, меняется направленность преступности. В возрасте до 30 лет лица в основном совершают насильственные и корыстно-насильственные особо тяжкие преступления. Начиная с 30-летнего возраста удельный вес корыстных преступлений в структуре особо тяжкой преступности увеличивается.

Нашим исследованием установлено, что в ДФО уровень образования лиц, совершающих особо тяжкие преступления, ниже общероссийского. И чем выше уровень образования лиц, тем сильнее смещается акцент с насильственного характера преступлений к корыстному.

Для незанятых в трудовом процессе лиц, осужденных за совершение преступлений особой тяжести, более характерно совершение преступлений насильственного характера – больше половины зарегистрированных преступлений (53,2%). Тогда как у работающих лиц, совершивших преступления особой тяжести, доля насильственных преступлений вдвое меньше. Таким образом, занятость влияет не только на совершение особо тяжких преступлений, но и на их направленность.

Не последнюю роль в криминальной активности населения играет место и условия проживания граждан. Исследование показало,

что лицами из других государств и регионов в основном совершаются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств (54%), а лицами, приехавшими из поселков, преимущественно насильственные преступления (72%).

Нравственно-психологическая характеристика личности преступника базируется на основных мотивах, побудивших его к совершению преступления. Мотивационная сфера лиц, совершающих преступления особой тяжести, в половине случаев имеет корыстную направленность (50,7%). В основном это преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. При этом корыстный мотив может иметь различную окраску. Из мести и личной неприязни совершается 12% особо тяжких преступлений. Совершили преступление либо из-за желания поднять свой авторитет в глазах ближайшего окружения, либо чтобы помочь лицам, совершавшим преступления особой тяжести 10%. В качестве мотива особо тяжких преступлений корыстно-насильственной направленности нередко выступает удовлетворение сиюминутных потребностей в приобретении алкогольной продукции.

М.А. Сутурин

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Общеизвестным является факт того, что возраст наступления уголовной ответственности является обязательным признаком такого элемента состава преступления, как субъект преступления. Сложившийся в течение многих десятилетий законодательный подход к установлению «нижнего порога» возраста привлечения к уголовной ответственности (16 лет – ч. 1 ст. 20 УК РФ, 14 лет – ч. 2 ст. 20 УК РФ) нередко вызывает «конструктивную критику» и озвучивание требований о его снижении. Так, поддаваясь нередко поверхностному анализу общественно резонансных деяний, совершаемых подростками, некоторые политические деятели, представители научного сообщества, правоприменители выступают с предложениями о необходимости установления возраста наступления уголовной от-

ветственности на более низком возрастном пороге 12 или даже 10 лет. В связи со все более учащающимися фактами подобного рода «инициатив», возникает (актуализируется) потребность к более глубокому осмыслению категории «возраст уголовной ответственности», например в контексте соотношения с категорией «возраст привлечения к уголовной ответственности» или категорией «возраст наступления уголовной ответственности». В настоящей работе мы только обозначим проблемные вопросы данной тематики, поскольку более осмысленные ответы на них требуют проведения достаточно серьезных исследований не только в области криминологии, уголовно-правовой материи, но и в области социальной, возрастной психологии и т.д.

Мы согласны с позицией о том, что установление в уголовном законе нижнего порога наступления уголовной ответственности носит условный характер. Поскольку ни в уголовном законе, ни в актах официального его толкования, ни в «специальных» законах (см., например, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») абсолютно ничего не говорится о критериях установления нижнего порога рассматриваемого возраста. В Уголовном кодексе РФ только в ст. 19 указывается, что возраст устанавливается настоящим кодексом. На наш взгляд, не определение четких критериев, в том числе, возможно, и на законодательном уровне, установление возраста самой уголовной ответственности влечет за собой в целом дальнейшую деструктивную реализацию уголовной ответственности в отношении возрастной группы «несовершеннолетние». Об этом, в частности, свидетельствует и высокий уровень повторной преступности подростков, высокий уровень рецидива среди молодых преступников, неэффективность инструментов уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Наиболее приемлемым в решении данной проблемы, с точки зрения наук правового цикла, является проведение серьезных именно криминологических исследований, конечно же, на стыке с иными естественными и гуманитарными науками. Поскольку, по нашему глубокому убеждению, именно криминология как наука, имеющая в качестве одного из основных элементов предмета личность преступника, способна предложить обществу в целом и законодателю

в частности обоснование установления нормативно-правовых предписаний. Кроме того, основываясь на данных, криминологически выверенных обоснованиях, и будет складываться более успешная и эффективная деятельность по предупреждению преступности в целом и преступности несовершеннолетних в частности.

А.Ф. Федоров

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Проблема рецидивной преступности в Алтайском крае продолжает оставаться одной из самых острых в силу того, что ее уровень на протяжении уже достаточно длительного периода времени остается крайне высоким и превышает как средний уровень в Сибирском Федеральном округе, так и уровень в среднем по стране.

Более того, наблюдение за показателями преступного рецидива в крае за последние шесть лет позволило выявить определенно устойчивую тенденцию к ее росту. Так доля лиц, ранее совершавших преступления, в общем количестве нарушителей уголовного закона в 2015 г. составила 63,7%, в 2016 г. – 65,7%, в 2017 и в 2018 гг. – 67,1%, в 2019 г. – 67,6% и в 2020 г. – 69,6%.

При этом лицами, ранее имевшими криминальный опыт, совершено 431 особо тяжкое уголовно наказуемое деяние, 2 214 тяжких, 123 умышленных убийства, в том числе 30 – на бытовой почве, 302 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 27 изнасилований или покушений на изнасилование, 4 347 краж, 360 грабежей, 61 разбойное нападение, 465 мошенничеств, 334 неправомерных завладения транспортными средствами.

При этом необходимо отметить, что за последний год в крае возросло количество особо тяжких преступлений, убийств на бытовой почве, грабежей и угонов транспортных средств, совершенных лицами с криминальным прошлым.

Тенденции к росту как указанных преступлений, так и уровня преступного рецидива в крае в целом обусловлены весьма широким комплексом причин, характерных для региона.

Важнейшими из них по-прежнему остаются серьезные социально-экономические причины. Так, например, размер средней заработной платы в Алтайском крае – один из самых низких в Российской Федерации. По этому показателю край находится на 73-м месте в стране. Кроме того, в крае постоянно наблюдается значительный уровень безработицы.

Вполне логично, что такое положение дел самым негативным образом влияет на количество совершаемых противоправных действий, так как большая часть преступлений совершается лицами с низким уровнем дохода либо не имеющими постоянного источника заработка. В 2020 г. удельный вес граждан, не имеющих постоянного источника дохода, в общей массе лиц, совершивших преступления, составил 66,4%, что выше прошлогоднего показателя на 0,9%.

Продолжает увеличиваться доля лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения. В 2020 г. их было уже 44% (2019 – 42%) при среднем показателе в стране 33,8%.

Не теряет остроты и проблема отсутствия ресоциализации бывших осужденных, а также еще целый ряд других острых проблем, в том числе касающихся профилактической работы правоохранительных органов и других органов власти.

В сложившейся ситуации, по нашему мнению, необходимо, опираясь на выводы и рекомендации ведущих ученых¹, решать проблему комплексно и на основе разработки и принятия в самое ближайшее время региональной целевой программы по предупреждению рецидивной преступности.

Подобная программа, к сожалению, до сих пор времени отсутствует на федеральном уровне, однако в нашем крае она уже остро необходима, так как позволит консолидировать все имеющиеся силы и средства, конкретизировать задачи различных органов и более эффективно проводить работу, направленную на снижение рецидивной преступности.

¹ Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 234.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Криминологический анализ преступности, ее сравнительная характеристика по России в целом и в отдельных субъектах свидетельствует о неравномерном распределении преступности и отдельных ее видов в разных регионах страны. В частности, в субъектах Сибирского и Дальневосточного федерального округов (далее – СФО и ДФО соответственно) регистрируется повышенный уровень рецидивной преступности – 637,9 и 660,4 на 100 тыс. человек соответственно (по данным 2019 г.), что в 1,5 раза выше среднего по стране. Удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в структуре расследованных составляет: в СФО – 67,6%, ДФО – 64,7%, в среднем по стране – 58,7%.

Среди субъектов РФ наиболее высокие показатели рецидива регистрируются в республиках Алтай, Хакасия, Тыва, Бурятия, Забайкальском, Алтайском, Камчатском краях, Курганской, Магаданской, Кемеровской областях, Ненецком автономном округе. Заметим, что эти же субъекты характеризуются худшими показателями экономической, бюджетной и социальной сферы согласно рейтингу социально-экономического положения регионов¹.

Анализ структуры лиц, ранее совершавших преступления, показал, что численность ранее судимых в субъектах РФ занимают разную долю: от 47,6% в СФО до 56,4% – в Центральном федеральном округе (ЦФО). Поэтому можно сказать, что в ЦФО повторное совершение преступлений в большей степени характерно для тех, кому за предыдущее преступление было назначено реальное наказание.

Среди лиц, ранее совершавших преступления, доля тех, кто допустил рецидив в течение года после освобождения из исправительного учреждения, составляет примерно такую же величину, что и те, кто совершил преступление в период испытательного срока при условном осуждении (первых – 7,9%, вторых – 7,2%). В ЦФО, Севе-

¹ URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 10.01.2021).

ро-Западном, Приволжском и Уральском округах доля первых выше, чем вторых (9,7 и 6,4; 9,1 и 6,9; 9,4 и 7,7 соответственно). В СФО и ДФО, напротив, более заметный удельный вес составляют те, кто совершил новое преступление в период испытательного срока при условном осуждении (7,6 и 10,9; 5,4 и 8,7). Такие данные могут свидетельствовать о том, что рецидивисты в СФО и ДФО в большей степени представлены условно осужденными, обнаруживая тем самым проблемы в практике назначения и отбывания условного осуждения в данных округах.

В целом отмечая высокий уровень рецидива в СФО и ДФО, криминологи помимо социально-экономических причин объясняют данное положение такими обстоятельствами, как:

– историческое прошлое – Сибирь и Дальний Восток исторически являлись местом ссылки заключенных, что обусловило наличие среди населения более высокого удельного веса лиц с антиобщественной установкой, преступными взглядами. Такой специфический контингент способствовал широкому распространению тюремной субкультуры среди свободного населения. Поэтому у людей, проживающих на данных территориях, готовность к асоциальным и противоправным формам поведения выше по сравнению с населением центральной части России;

– пенитенциарная нагруженность – на территории Сибири и Дальнего Востока сложилась более плотная концентрация мест лишения свободы. Так, количество находящихся в местах лишения свободы лиц в расчете на 1 000 жителей составляет: в среднем по России – 6,0; в ДФО – 8,6. Уровень концентрации лиц, лишенных свободы за совершение преступлений, на Дальнем Востоке в 1,5 раза выше, чем в других регионах России¹.

¹ О влиянии криминальной субкультуры на состояние преступности (на примере Дальневосточного федерального округа)// Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы противодействия криминальной субкультуре»: сб, ст. / науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. Улан-Удэ, 2018. С. 59.

В.Ф. Щепельков, В.Н. Бурлаков

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ ПУТЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Согласно данным опроса населения, проведенного ВЦИОМ в 2017 г., самой коррумпированной сферой в стране, по мнению 27% опрошенных, являлась медицина.

В процессе всероссийского социологического опроса 1 600 россиян в возрасте старше 18 лет (апрель–май 2020 г.) было установлено, что коррупционные проявления в профилактической медицине связаны с приписками, торговлей документами, подтверждающими прохождение медицинского осмотра, а также с лоббизмом при формировании подзаконных нормативных актов об обязательных медосмотрах.

Уровень приписок при вакцинации населения от гриппа можно продемонстрировать путем сравнения данных официальной статистики и данных социологического опроса. Так, по данным проведенного опроса, в сезоне 2019/2020 г. прививку от гриппа сделали только 21,1% опрошенных, 0,4% затруднились ответить, 78,6% сказали, что прививку не делали. В то же время, по официальным данным, уровень вакцинации населения от гриппа в прошедшем сезоне составил более 50%. Например, в Санкт-Петербурге – 54%¹, в Москве – 59,2%². Официальная статистика в 2,5 раза превышает уровень фактической вакцинации.

Приписки при диспансеризации – явление настолько широко распространенное, что медработники написали президенту России обращение с просьбой прекратить уголовно преследовать врачей за приписки, на которые они вынуждены идти из-за невыполнимых задач диспансеризации и давления руководства³.

¹ URL: <http://zdrav.spb.ru/ru/news/1004/> (дата обращения: 23.05.2020).

² URL: <http://77.rosпотреbnadzor.ru/index.php/napravlenie/profinfzab/7832-ob-epidemiologicheskoy-situatsii-po-grippu-i-orvi-v-gorode-moskve-za-51-nedelyu-2019-goda-s-16-po-22-dekabrya-i-khode-privivochnoj-kampanii-protiv-grippa> (дата обращения: 23.05.2020).

³ URL: <https://doctorpiter.ru/articles/19991/> (дата обращения: 25.06.2020).

Главная причина приписок при вакцинации и диспансеризации – сложившаяся система оценки деятельности медучреждений, при которых выполнение плана вакцинации и диспансеризации является одним из основных показателей, стремясь повысить который, врачи идут на подлоги.

С подлогом и продажей справок о прохождении медосмотра все выглядит по-иному. Во-первых, многие граждане готовы не проходить медосмотр и платить за него деньги. И основная причина здесь не в том, что люди страдают заболеваниями, которые будут выявлены при медосмотре и это грозит потерей работы. Опрос, проводившийся 2,5 года назад среди так называемого декретированного контингента (работники общепита, продавцы продуктов питания, парикмахеры), показал, что основная причина отказа от медосмотра и покупки справок для допуска к работе – «унизительные» принудительные процедуры, которые надо проходить на медосмотре, большие временные затраты.

Требуется исключить обязательность «унизительных» процедур (речь идет об обследованиях, предполагающих обнажение закрытых зон тела человека). 50,4% опрошенных высказались за то, чтобы отказ от медицинского осмотра интимных зон тела человека не порождал отстранения работника от работы и его увольнения.

Еще одно обстоятельство, которое вызывает нарекания у интересантов и создает серьезные коррупционные риски, – это избыточность обязательных исследований на медосмотре. Медицинские организации, надо об этом прямо сказать, заинтересованы в увеличении платных услуг. И в связи с этим с их стороны поступают предложения и лоббируется максимальное увеличение программ платных медицинских осмотров. Яркий пример тому – последний случай, связанный с попыткой Минздрава РФ включить в программу медицинского осмотра, который проходят кандидаты на получение или продление водительских прав, в обязательном порядке дорогостоящего химикотоксикологического исследования¹. После острой реакции населения и Президента РФ Минздрав РФ «отыграл обратно».

¹ Приказ Минздрава России от 10.09.2019 № 731н «О внесении изменений в порядок проведения обязательного медицинского освидетельствования водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств), утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 июня 2015 г. № 344н».

Опросы руководителей отдельных организаций, чьи работники проходят обязательные медосмотры за счет работодателей, показывают, что еще одной причиной приобретения справок без прохождения медосмотра – это нежелание работодателей мириться с большими материальными затратами на медосмотры и отсутствием работника на рабочем месте длительное время. Это подтверждает и анализ отзывов на проекты Минздрава РФ, в которых часто говорится об избыточности программы медосмотров, о необходимости исключения тех вмешательств, которые входят в программу диспансеризации населения. Данный конфликт интересов можно сгладить за счет исключения из программы медосмотра избыточных, не связанных с достижением цели безопасности выполнения работ медицинских вмешательств, а также за счет установления лимита по времени, который отводится медорганизации для проведения медосмотра работников.

Имеются основания считать, что при формировании подзаконных нормативных актов об обязательных медосмотрах реализуется особая форма коррупционного лоббизма, выражающаяся в навязывании работодателям и работникам платных медицинских услуг.

В перспективе целесообразно индивидуально формировать программу диспансеризации с учетом потребностей конкретного человека, чтобы на основании прохождения диспансеризации пациент из своего личного кабинета мог направлять заинтересованным организациям сведения о врачебном допуске к работам посредством информационно-телекоммуникационного оборудования.

Проблема заключается, во-первых, в деньгах, – медорганизации теряют серьезный доход от платных медосмотров (сегодня это бизнес, который, по скромным оценкам, обеспечивает медорганизациям миллиарды рублей в год дохода) и, во-вторых, это нежелание системы здравоохранения ориентироваться на клиента. Анализ Приказа Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 № 302н и проектов приказов по его изменению показывает, что для работников и работодателей устанавливаются избыточные требования (сроки, поголовные списки, печати), которые порождают коррупционные риски, вызывают недовольство участников отношений. Иногда складывается впечатление, что Минздрав РФ планирует проводить ветеринарные осмотры, а не осмотры людей.

Коррупционные риски в сфере профилактической медицины целесообразно взять под контроль, в том числе посредством мониторинга противодействия коррупции, который входит в антикоррупционные программы в каждом субъекте Российской Федерации. Также целесообразно сформировать специальное направление надзорной деятельности органов прокуратуры в отношении системы профилактической медицины с обязательным освещением ее результатов в СМИ, которые бы побуждали граждан-потребителей профилактических мероприятий к массовому общественному контролю за этой деятельностью.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Л.Л. Абрамова

СУЩНОСТЬ ФАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ НАЧАЛА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

С первого взгляда формулировка «фактические основания для начала предварительного расследования» представляется абстрактной, теоретизированной. Однако подробный структурный анализ указывает на ее преимущественно прикладной характер. Об этом свидетельствует и значительное количество разногласий в части, касающейся обоснованности принятия решений о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела. В ряде случаев они имеют патовый характер, когда решение неоднократно отменяется прокурором. Полагаем, что краеугольным камнем обозначенных проблем является неопределенность в вопросах оценки фактических оснований для начала предварительного расследования. В частности, объектом внимания является норма, предусмотренная ч. 2 ст. 140 УПК РФ, которая оставалась практически неизменной во всех четырех отечественных Уголовно-процессуальных кодексах. Содержащаяся в ней формулировка, по сути своей, обозначает фактические основания для возбуждения уголовного дела как достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Попытаемся уяснить, насколько оправдана такая юридическая техника.

Достигая понимания сущности фактических оснований для начала предварительного расследования, уместно вспомнить, что споры ведутся в большинстве своем относительно структурных элементов оценочной категории «достаточность данных», неоднозначного, широкого толкования «признаков преступления». Самые ключевые сложности возникают в связи с оценкой достаточности фактических обстоятельств. Безусловно, фактические основания для начала предварительного расследования должны предполагать учет совокупности данных, да-

ющих возможность следователю, дознавателю для обоснованного предположения, что деяние имело место в действительности. Но информация, не подвергнутая обобщению, проверке и оценке, не может служить основанием принятия решения. Данные должны позволять говорить о наличии или отсутствии обстоятельства, требуемого для принятия решения о возбуждении уголовного производства, т.е. позволять судить о том, соответствует ли произошедшее событие тем обстоятельствам, которые предусмотрены законом.

Таким образом, представляется, что не сами данные, а *обстоятельства, установленные в результате проверки и оценки данных о криминальном событии будут являться содержанием фактического основания для начала производства по делу*. При этом фактические основания для начала предварительного расследования мы предлагаем воспринимать в объективном и субъективном смысле. В объективном смысле они представляют собой знание о произошедших за пределами уголовного процесса событиях действительности, установление которых имеет значение для правильного решения вопроса о начале уголовного производства. Субъективная составляющая фактических оснований для начала предварительного расследования представляет собой выраженную в законе формулировку (композицию), работающую «рычагом запуска» уголовного предварительного расследования. Посредством этой формулировки требуемый объем фактических оснований заранее известен субъекту принятия решения.

Ориентируясь на данные рамки и пределы, органы судопроизводства оценивают установленные объективные данные. Учитывая многообразие уголовно-наказуемых деяний, объективно могут возникать сложности, когда при наличии сведений об общественной опасности деяний имеются определенные препятствия для возбуждения уголовного дела, которые как раз и приводят к патовым ситуациям, о которых упоминалось выше. С целью их преодоления требуется ряд преобразований, связанных с пересмотром правовой природы первоначальной стадии в целом, так и касающихся института фактических оснований для начала предварительного расследования в частности.

Назовем ряд наиболее ключевых моментов, на которые следует опираться. Институт фактических оснований для начала предварительного расследования должен получить развитие путем расширения формулировки ч. 2 ст. 140 УПК РФ «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». В содержание фак-

тических оснований для начала предварительного расследования необходимо заложить следующие элементы: а) обстоятельства, установленные в результате проверки и оценки данных о криминальном событии, указывающие на наличие объекта, объективной стороны состава преступления; б) отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу. Говоря о комплексном характере преобразований, не должны быть оставлены без внимания последствия неустановления фактических оснований для начала предварительного расследования. Ныне действующая редакция УПК РФ предполагает одновременно и основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), и основания для отказа в его возбуждении (ч. 1 ст. 24 УПК РФ), и ситуации, когда отсутствует основание для возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ). Однако такая регламентация нам представляется несовершенной, поскольку не позволяет разрешить проблем, характеризующихся отсутствием основания для возбуждения уголовного дела. Требуется скорректировать упомянутые нормы наиболее удачными и удовлетворяющими потребности практической деятельности.

Ю.А. Андриенко

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Важность оперативно-розыскной деятельности (ОРД) для установления и исследования обстоятельств преступления трудно переоценить, поскольку в настоящее время в связи с достижениями научно-технического прогресса, внедрением информационных технологий во все без исключения аспекты жизнедеятельности человека, в том числе ее криминальную составляющую, без использования результатов ОРД не обходится расследование практически ни одного сложного уголовного дела вне зависимости от направленности и категории совершенного преступления.

Взаимодействие оперативно-розыскного и следственного аппарата в процессе расследования осуществляется в рамках *оперативно-розыскного обеспечения*, суть которого, по мнению В.К. Зникина, «заключается в комплексном и максимальном использовании сил,

средств и методов оперативно-розыскной деятельности для получения полной и достоверной информации, обеспечивающей принятие оптимальных и своевременных мер по выявлению и изобличению преступников, нейтрализации их криминального противодействия уголовному судопроизводству»¹.

В связи с вышесказанным полагаем, что в настоящее время одним из главных векторов развития отечественного досудебного производства, имеющим значительный потенциал для решения задачи по осуществлению быстрого и полного исследования обстоятельств преступления, является именно совершенствование оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования.

Актуальным вопросом оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования является возможность ознакомления следователя с материалами оперативно-розыскной деятельности, находящимися в делах оперативного учета. Несмотря на очевидную практическую пользу, в настоящее время данное средство получения значимой для уголовного дела информации используется органами предварительного следствия довольно редко. Далеко не все следователи хотя бы задумываются о такой возможности, а также о значительном познавательном потенциале этого мероприятия, в связи с чем материалы ОРД, как и вся непроцессуальная деятельность оперативных подразделений, воспринимается ими в некоем ореоле таинственности. Полагаем, прежде всего это связано с тем, что в правоохранительных органах данная процедура регламентируется ведомственными нормативными актами, содержащими служебную информацию ограниченного распространения.

Оперативно-розыскная деятельность в процессе осуществления расследования носит вспомогательный характер и служит источником получения сведений, имеющих значение для уголовного дела. Право оценки таких сведений, в том числе на предмет их относимости к предмету доказывания, а также достаточности для принятия тех или иных процессуальных решений, в том числе для разрешения уголовного дела, также входит в компетенцию следователя. Именно поэтому полагаем, что в случае, если следователь приходит к выводу о недоста-

¹ Знанин В.К. Теоретические и прикладные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений : учеб.-метод. пособие для магистратуры. Томск, 2018. С. 53.

точной полноте сведений, представленных в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности, ему необходимо иметь возможность обращаться к дополнительным оперативным материалам.

Учитывая изложенное, полагаем, что в целях оптимизации оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, повышения эффективности использования оперативной информации и результатов оперативно-розыскной деятельности, необходимо закрепить в статье 38 УПК РФ среди полномочий следователя право знакомиться с учетом требований законодательства РФ о государственной тайне с материалами оперативно-розыскной деятельности, касающимися обстоятельств расследуемого им уголовного дела, и давать органу дознания обязательное к исполнению письменное поручение о представлении для использования в доказывании материалов оперативно-розыскной деятельности, имеющих значение для уголовного дела.

Р.Г. Ардашев

ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО СУИЦИДА УБИЙЦ

Суицид (самоубийство) не является преступлением, поэтому по большинству таких случаев следственные органы не возбуждают уголовные дела, ограничиваясь сбором минимального объема материалов, по которым выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела¹. П.И. Ивахов даже утверждает, что самоубийство «не подлежит криминалистической и уголовно-правовой оценке, поскольку не является преступлением»².

Разумеется, с такой точкой зрения согласиться нельзя, ибо смерть при суициде носит насильственный характер, а для выявления об-

¹ Ардашев Р.Г. Посткриминальный суицид убийц в России: недостатки предварительного следствия и прокурорского надзора // Закон и жизнь. 2012. № 9. С. 43–44.

² Ивахов П.И. Криминалистические проблемы расследования и предупреждения убийств в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003. С. 11.

стоятельств случившегося работники правоохранительных органов проводят доследственную проверку или предварительное расследование, после чего дают правовую и криминалистическую оценку смерти человека.

Каждый год в России совершаются сотни убийств, сопряженных с последующим суицидом подозреваемых¹, но статистика таких комбинированных деяний отсутствует². Наше изучение практики правоохранительных органов показало, что далеко не всегда уголовные дела возбуждались в ситуациях посткриминального суицида убийц³. Так, Виктор Ф., находясь в состоянии алкогольного опьянения, застрелил из охотничьего ружья двух своих близких родственников, после чего покончил с собой. Следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «в связи со смертью подозреваемого», с чем согласился районный прокурор⁴. В другом случае следователь аналогично отказал в возбуждении уголовного дела в отношении Сергея М. Последний совершил убийство своего собутыльника З., труп которого расчленил и хранил у себя на квартире, а сам М. повесился через неделю после совершения данного преступления⁵. В подобных случаях факты убийств не отражаются в соответствующих разделах уголовной статистики, поскольку никаких расследований по ним не проводится.

Посткриминальный суицид убийц влечет возбуждение уголовного дела, как правило, в ситуациях большой огласки преступного деяния и статусного положения его фигурантов⁶. Так было, например, когда оперуполномоченный криминальной милиции А. Мец на почве ревности убил из табельного оружия в г. Омске двух человек и

¹ Фалалеев М. Стрелялись // Российская газета. 2011. 12 октября.

² Лазарев П.В. Суицидальные тенденции в криминальной среде // Правовые проблемы Восточно-Сибирского региона конца второго тысячелетия. Иркутск, 1999. С. 38–39.

³ Ардашев Р.Г. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом лица, совершившего преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2017. 232 с.

⁴ Архив прокуратуры Осинского района Иркутской области, июль 2002 г.

⁵ Архив прокуратуры Нижнеилимского района Иркутской области, февраль 2006 г.

⁶ Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. 188 с.

покончил с собой¹. Уголовное дело возбуждалось и в отношении работника милиции г. Самары С. Аткина, причинившего тяжкие телесные повреждения своей жене и прибегнувшего к суициду². Весьма тщательно расследовалось дело бывшего сотрудника прокуратуры А. Власова, который пришел в прокуратуру, вооруженный пистолетами «ГТ» и «Макаров», убил заместителя прокурора Ленинского района и двух помощников прокурора, а затем покончил с собой³. Однако процессуальный закон однозначно требует, чтобы все случаи посткриминального суицида влекли возбуждение уголовного дела и проведение качественного расследования, которое может выявить совершенно иную картину случившегося (например, инсценировку суицида)⁴.

А.А. Бондаренко

ПРЕДЕЛЫ ФИКСАЦИИ СВЕДЕНИЙ О НОВОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Рядом ученых-процессуалистов последовательно проводится мысль о том, что досудебное производство по уголовному делу должно осуществляться в строго обозначенных пределах по кругу преступных событий, отраженных в акте возбуждения уголовного дела⁵. Однако с этим классическим правилом не совсем сочетаются отдельные положения УПК РФ.

¹ Граф Н. Удостоверение двуличности // Российская газета. 2009. 14 октября.

² Архив следственного отдела по г. Самаре СУ СК РФ, 2009. Уголовное дело № 200962079.

³ Сиротина Е., Сим С. Убийца прокуроров искал на них компромат? // Комсомольская правда. 2005. 9 февраля.

⁴ Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 18–22.

⁵ См., например: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 94–95; Калиновский К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Российский следователь. 2009. № 6. С. 5–6.

Одним из таких положений является норма ч. 4 ст. 141 УПК РФ, которая предписывает правоприменителю фиксировать в соответствующем протоколе сообщение о преступлении, поступившее при производстве следственного действия или в ходе судебного разбирательства. Посыл законодателя понятен – реагировать на преступление там и тогда, где и когда сведения о нем поступили должностному лицу. Вместе с тем лаконичность нормы порождает и ряд вопросов, требующих разъяснения.

1. УПК РФ не конкретизирует вид следственного действия, в протоколе которого может быть зафиксировано сообщение о преступлении. На наш взгляд, пригодно любое. Вместе с тем от вида следственного действия зависит форма фиксации. При допросе процедуру следует дополнить лишь предупреждением об ответственности по ст. 306 УК РФ. Если же проводится следственное действие не направленное на закрепление устных сведений, то потребуется разъяснение и иных законодательных положения, например доведение содержания ст. 51 Конституции РФ.

2. Полнота фиксации поступившего сообщения о преступлении. Представляется, следователь не выступает лишь регистратором нового факта, а имеет возможность выяснить все юридически значимые нюансы, задать уточняющие вопросы. Считаем, нельзя признать нарушением и проведение допроса специально для этих целей, однако фактически начнется проверка поступившего сообщения о преступлении внутри другого уголовного производства. В литературе отмечается, что во французском уголовно-процессуальном порядке следственный судья имеет право провести *общую проверку* новых фактов, выявленных в ходе предварительного расследования. В то же время нельзя исследовать эти обстоятельства принудительными средствами, например осуществлять производство обыска или задержание¹. Такой подход разумен и позволяет применить его у нас.

3. Существует ли возможность у отечественного следователя провести предварительную проверку поступившего сообщения о преступлении теми средствами, которые предусмотрены в ст. 144 УПК РФ внутри ведущегося расследования. Представляется, что если есть к этому условия, возникла необходимость зафиксировать

¹ Жидкова Е.И. Формирование пределов производства по уголовному делу в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2014. С. 89.

обстановку, изъять обнаруженные предметы, принять истребованное, то следователь вправе провести как следственные действия, так и иные процессуальные действия, направленные на установление нового факта. То есть выйти за границы того следственного действия, в ходе которого получены сведения о новом преступлении.

4. Доказательственное значение полученных сведений. Даже само сообщение о преступлении может быть разным по объему, при этом не сложно смоделировать ситуации, когда такие сведения будут противоречить другим доказательствам, полученным уже по вновь возбужденному головному делу. Несмотря на формирование в «чужом» для себя уголовном деле, материалы, содержащие сведения о новом преступлении и выделенные в отдельное производство, по нашему мнению, допускаются в качестве доказательств по новому уголовному делу.

А.В. Боярская

СИСТЕМА УПРОЩЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Реформирование системы упрощенных уголовно-процессуальных форм осуществляется законодателями достаточно часто. В настоящее время можно ожидать ее очередного преобразования в связи с принятием 13.10.2020 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 24, содержащего проект федерального закона, вносящего изменения в УК РФ и УПК РФ, и направленного на введение категории уголовного проступка, а также предполагающего расширение сферы применения процедуры, предусмотренной гл. 51.1 УПК РФ¹.

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24. URL: <https://www.vsrfg.ru/files/29300/> (дата обращения: 28.02.2021).

Сказанное актуализирует вопрос о месте в системе упрощенных производств процедуры, закрепленной ст. 446.2 УПК РФ.

В отношении данной процессуальной формы Т.В. Трубниковой была высказана точка зрения, поддержанная В.Н. Григорьевым, что перед нами чрезмерно упрощенная разновидность основного производства по уголовному делу, обладающая при этом свойствами альтернативы уголовному преследованию¹.

Отметим, что система упрощенных уголовно-процессуальных процедур в настоящее время качественно усложнилась. В ее рамках выделяются самостоятельные подсистемы. Характерные для нее производства сейчас можно подразделить на первичные и вторичные.

Первичные – это процессуальные формы, конструкция которых образована от общего порядка производства по уголовному делу. Вторичные – процедуры, конструкция которых сформирована на базе уже существующего дифференцированного производства.

Так, процедуры, предусмотренные Главой 40.1 и ст. 226.9 УПК РФ, можно отнести именно к вторичным по отношению к особому порядку судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением.

Далее ответим на вопрос, какая процессуальная форма была взята за основу при формировании производства, закрепленного ст. 446.2 УПК РФ.

Исходя из п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, рассмотрение ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа осуществляется в по-

¹ Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 367–368; Григорьев В.Н. Изменения УПК без отступлений от Конституции Российской Федерации // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.). М. : РГУП, 2018. С. 40.

рядке ч. 6 ст. 108 УПК РФ¹. Но соответствующая процедура, если обращаться к классификации уголовно-процессуальных производств по их направленности, относится к числу не основных, а особых. При этом упрощенное производство, предусмотренное ст. 446.2 УПК РФ, сходно с особым порядком судебного разбирательства, содержащимся в Главе 40 УПК РФ.

На основании изложенного можно заключить, что анализируемая процедура является вторичной по отношению как к особому производству, предусмотренному ч. 6 ст. 108 УПК РФ, так и к основному производству в виде особого порядка судебного разбирательства. Она представляет собой процессуальную форму «гибридного характера», сочетающую в себе свойства как основного, так и особого производства.

Н.П. Бухарина

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Коррупция в той или иной степени поразила значительную часть сфер жизни российского общества. Сфера образования не стала исключением. В науке вопросы объема и содержания понятия коррупционного преступления, в том числе в сфере образования, являются дискуссионными. Не углубляясь в суть научной полемики, поддержим авторов², которые к наиболее распространенным видам коррупционных преступлений в образовании относят ст. 159, 160, 201, 204, 285, 286, 290, 291, 291.1, 292 УК РФ.

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56) // Российская газета. 2013. 5 июля.

² См.: Букалерова Л.А., Стребков Ю.П. Коррупционные преступления в сфере образования. М., 2012. С. 26; Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 60–91; Гулина Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2019. С. 67–68.

Указанные составы преступлений неоднородны по своим уголовно-правовым характеристикам, что накладывает отпечаток на предмет доказывания. Одним из общих требований для данных составов преступлений является необходимость установления признаков специального субъекта. Как отмечается в литературе, это может быть указание на занимаемую должность или служебное положение, функциональные обязанности, в связи с исполнением (неисполнением) которых совершено преступление¹. Раскрывая признаки специального субъекта, особое внимание необходимо уделить категории соответствующих работников: педагогические и руководящие, иные работники, осуществляющие вспомогательные функции. Включение тех или иных работников в состав специальных субъектов указанных преступлений обусловлено, прежде всего, характером полномочий, которыми они наделены и которые могут быть использованы для извлечения различных выгод и преимуществ. Данные особенности, на наш взгляд, целесообразно учитывать при доказывании виновности лица, так как нередко их игнорирование приводит к возникновению следственных ошибок, связанных с пробелами предварительного расследования².

*Так, постановлением Советского районного суда Ставропольского края уголовное дело в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, возвращено прокурору так как, в числе прочего, Ф. признан должностным лицом по признаку осуществления организационно-распорядительных функций со ссылкой только на два обстоятельства: должностную инструкцию мастера производственного обучения и на то, что Ф. **будет** являться членом итоговой квалификационной комиссии по принятию экзаменов после прохождения курса обучения. Судом справедливо отмечено, что не представлено доказательств наличия у Ф. организационно-распорядительных функций на момент инкриминируемых ему преступлений либо доказа-*

¹ Логинова Н.Г., Федорова Е.А. Установление состава преступления как необходимое условие постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 124.

² См.: Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. С. 62–66.

тельств, что Ф. обязательно в будущем будет включен в состав указанной комиссии¹. Необходимо отметить, что впоследствии действия Ф. были переквалифицированы на ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Таким образом, отнесение педагогического работника к категории специальных субъектов коррупционных преступлений, на наш взгляд, возможно при условии, что он наделен в установленном законом порядке (подзаконным актом, локальным нормативным актом, трудовым договором) правами и обязанностями по совершению определенной совокупности нормативно регламентированных действий, главным результатом которых является принятие решения в виде издания акта, выдачи документа, внесения записи в официальный документ и др., с необходимостью порождающего, изменяющего либо прекращающего права и обязанности субъектов образовательных правоотношений.

О.В. Воронин

О НАДЕЛЕНИИ ПРОКУРОРА ПРАВОМ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) в Главе 4, регулирующей осуществление прокурорского надзора в местах принудительной изоляции, специально не предусматривает право прокурора направлять материалы в органы уголовного преследования для решения вопроса о возбуждении уголовных дел. Такие полномочия содержатся в п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, ст. 22, ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре, устанавливающих, что прокурор вправе направлять материалы в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании путем вынесения соответствующего постановления. При этом закон не устанавливает, каким образом эти материалы могут

¹ Постановление Советского районного суда Ставропольского края от 06.08.2014 по обвинению Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ // Советский районный суд Ставропольского края. URL: https://sovetsky--stv.sudrf.ru/modules/php?name=sud_delo (дата обращения: 06.02.2021).

быть получены прокурором. Как правило, признаки преступления выявляются по результатам прокурорских проверок. В этой связи с учетом предмета и пределов надзора прокурора¹ применительно к сфере принудительной изоляции от общества происходит объективное сужение круга субъектов, в отношении которых прокурор вправе направить такое постановление, до сотрудников и должностных лиц администраций мест принудительной изоляции. В случае выявления признаков преступления в поведении иных лиц, в отношении которых прокурор не вправе провести проверку в силу ограничения предмета и пределов надзора, он полномочен внести в орган уголовного преследования лишь рапорт.

В литературе решение этой проблемы видится в возвращении прокурору права возбуждения уголовных дел. На сегодняшний день в науке сложились три основных подхода по этому вопросу. Сторонники первого подхода считают необходимым сохранить сложившуюся ситуацию²; второго – вернуть прокурору право безусловного возбуждения уголовных дел³. Третьи выступают за предоставления такого права прокурору при определенных условиях (например, возбуждать уголовные дела при очевидных признаках преступления⁴; исключительно в отношении специальных субъектов⁵; в случае уголовного преследования конкретного лица и т.п.). Не вдаваясь в по-

¹ О предмете и пределах прокурорского надзора в местах принудительной изоляции подробнее см.: Воронин О.В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 89–98.

² Багмет А.М. Процессуальная самостоятельность следователя в ходе уголовного процесса как гарантия соблюдения конституционных прав граждан // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.): в 3 ч. / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2013. Ч. 1. С. 22.

³ Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 102.

⁴ Морозова О.С. Участие прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Правовестник. 2018. № 4 (6). С. 23–25.

⁵ Тафинцева И.С. О порядке возбуждения уголовного дела в отношении следователя как специального субъекта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 545–548; Лысков А. От кого не зависит прокурор. Пересечь телефонное право может институт независимого прокурора // Российская газета [Федеральный выпуск]. 2011. № 104 (5480).

лемику, отметим, что наиболее приемлемый вариант с учетом сложившихся реалий правового регулирования процессуальной и надзорной деятельности прокурора – последний: предоставление ему права возбуждения уголовных дел при определенных условиях. В нашем случае оптимальным вариантом было бы наделение прокурора правом возбуждать уголовные дела только по результатам проведенных прокурорских проверок в целом, а применительно к сфере принудительной изоляции – предоставление ему исключительного права возбуждения уголовных дел как по фактам совершения преступлений в местах принудительной изоляции, так и в отношении любых субъектов (сотрудников, должностных лиц, осужденных, заключенных и т.п.), находящихся в указанных местах в силу решения судов или по служебной необходимости и совершивших преступления.

Наделение прокурора правом возбуждения уголовных дел в таком формате позволило бы при сохранении сложившегося правового положения в уголовном процессе снять проблему реализации функции уголовного преследования органами и учреждениями, исполняющими принудительную изоляцию, нивелировало бы объективные организационные трудности, возникающие при возбуждении уголовных дел в местах принудительной изоляции органами предварительного расследования, создало бы дополнительные гарантии правовой объективности принимаемых решений и способствовало бы профилактике укрытия преступлений.

Н.Н. Гаас

К ВОПРОСУ О «ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ» ДОЗНАТЕЛЯ ОТ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО И ОБВИНЯЕМОГО ПРИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Эффективность расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания с момента ее введения в УПК РФ вызывает бурные дискуссии среди ученых процессуалистов, а также все чаще ставится под сомнение практическими работниками. Несмотря на это, данная форма предварительного расследования пользуется популярностью

среди дознавателей, будучи небезосновательно возведенной в ранг положительного показателя деятельности.

Отметим, что решение о производстве дознания в сокращенной форме не может быть принято дознавателем по собственной инициативе и вопреки воле потерпевшего (ст. 226.1, 226.2 УПК РФ). Данная прерогатива свидетельствует о равноправии сторон при наличии своеобразных «властных» полномочий. Думается, что предоставленная возможность сторонам защиты и обвинения (в лице потерпевшего и виновного) в любое время заявить возражение на сокращенное расследование может привести к такому негативному проявлению, как «злоупотребление правом». Причина этому может быть любая: от возникших личных неприязненных отношений до желания извлечь максимальную выгоду от сложившейся ситуации. Например, когда потерпевший взамен на согласие о производстве дознания в сокращенной форме требует от обвиняемого сумму возмещения ущерба, в разы превышающую фактически причиненный вред.

Казалось бы, если на стадии производства расследования произошла данная ситуация, то организационных и фактических сложностей проведения дальнейшего дознания в общем порядке не возникает. Но когда подобные заявления поступают от участников в стадии судебного разбирательства, в неудобное положение ставятся должностные лица, начиная от дознавателя и заканчивая судом. В этом случае видится, что возникает некая «процессуальная зависимость» последних от воли частного лица, действиями которого могут руководить эмоции, алчность и пр.

Всем известно, что возвращение уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ является крайне негативным показателем деятельности прокуратуры и органов внутренних дел. Несмотря на то, что сведения об уголовных делах, возвращенных судом прокурору в связи с поступившим ходатайством обвиняемого, потерпевшего или его представителя о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении дознания в общем порядке не относятся к фактам нарушения законности, данное проявление лишает всякого смысла старания законодателя оптимизировать деятельность органов расследования и сократить расходы бюджетных средств. Потому что в случае возвращения уголовного дела, расследованного в сокращенной форме, помимо составления об этом процессуальных документов судом и прокурором, а также затраченного времени на пересыл-

ку, в итоге больше всего трудозатрат потребуется от дознавателя. Возвращенное уголовное дело увеличит и без того высокую нагрузку, так как пока дело было в суде, ему уже поручили расследовать другие уголовные дела. Также этот факт потребует от дознавателя проведения большего количества следственных действий и составления новых процессуальных документов, в том числе обвинительного акта, по своей сути являющегося прототипом обвинительного постановления, и, главное, утрате самого ценного – времени. Таким образом, теряется смысл работы, проведенной на этапе сокращенного дознания, а в целом утрачивается основная цель, ради которой создавалась сокращенная форма.

Подводя итог сказанному, приходим к выводу, что назрела необходимость рассмотрения целесообразности ограничения виновного лица и потерпевшего в сроках подачи возражения против производства дознания в сокращенной форме. Считаем целесообразным установить его до окончания выполнения требований ст. 216, 217 УПК РФ, о чем дополнить ст. 229.9 УПК РФ.

М.А. Галимова

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Основной формой выражения примирительных процедур в уголовном судопроизводстве является комплексный межотраслевой институт примирения сторон. Этот институт существует в плоскости как материального (ст. 76 УК РФ), так и процессуального права (ст. 25, 212, 213, 214, 318, 319 УПК РФ). Он представлен двумя самостоятельными видами примирительных процедур: производством по делам частного обвинения и прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон, которые сходны по своей правовой природе, но занимают обособленное положение и обладают рядом различий.

Вопросы повышения эффективности института примирения сторон как способа разрешения уголовно-правовых конфликтов, развитие и совершенствование примирительных процедур, направленных на его реализацию и широкое применение, в том числе с участием

посредников, сегодня активно обсуждаются в юридической науке и практически получили статус государственного задания.

Применение медиации в уголовном процессе имеет как своих сторонников, так и противников. Разрабатываются, активно обсуждаются и апробируются различные проекты нормативных актов, предусматривающих включение медиативных примирительных процедур в систему уголовного судопроизводства. Однако до настоящего времени на законодательном уровне этот вопрос не решен.

Не рассматривая подробно положительные и отрицательные стороны различных законопроектов, обратим внимание на два момента.

Во-первых, остается открытым вопрос относительно синхронизации предлагаемого института медиации и действующего института примирения сторон. Высказываются различные идеи, порой кардинально противоположные по своему смыслу: от расширения действия ст. 25 УПК РФ до ее полного упразднения.

С последней точкой зрения категорически нельзя согласиться, поскольку прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) исторически обусловлено для российского уголовного процесса. Эта форма института уголовно-процессуального примирения выступает проявлением гуманизации уголовного судопроизводства, является уже действующим элементом восстановительного правосудия и достаточно эффективно действует на практике. Кроме того, в настоящий момент это единственный институт уголовного судопроизводства, при использовании которого потерпевший в полной мере может реализовать свои процессуальные права относительно хода расследования и разрешения уголовного дела.

В новейшей истории российского права достаточно много примеров, когда отменяемый по различным причинам какой-либо правовой институт через некоторое время вновь возвращался законодателем в сферу правового регулирования.

Второй момент касается сферы распространения вновь вводимых примирительных процедур в части категории совершенных преступлений. Вряд ли следует согласиться с точкой зрения, согласно которой возможности медиации в уголовном процессе ограничены действующим институтом примирения.

В связи с этим необходимо четко продумать синхронизацию исключаемых примирительных процедур и существующего основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с

примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) с тем, чтобы потенциал этих правовых средств действовал в полной мере, согласованно, дополняя друг друга.

П.О. Герцен

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ И ПЕРЕСМОТР ПРОМЕЖУТОЧНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА¹

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту – Конвенция) не содержит отдельной статьи, которая бы закрепляла право на обжалование решений должностных лиц и судебных органов в целом и обжалование промежуточных судебных решений в частности. Однако изучение положений Конвенции и практики Европейского суда по права человека (далее – ЕСПЧ, Суд), позволяет выделить ряд норм, применимых к вопросам обжалования промежуточных решений: общие нормы: п. 1 ст. 6, ст. 13 Конвенции и специальную норму – п. 4 ст. 5 Конвенции. Отметим, что сфера применения общих норм ограничена по субъектному составу. Так, п. 1 ст. 6 Конвенции закрепляет право на обжалование как элемент права на справедливое судебное разбирательство² или права на доступ к правосудию³ и распространяется только на «лицо, которо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90018.

² Валеев А.Т. Обжалование судебных решений по уголовным делам в практике Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 3. С. 156; Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 16.

³ Трубникова Т.В. Место права на судебную защиту в уголовном процессе // *Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика* : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (20–22 сентября 2007 г.) /под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 15.

му предъявлено обвинение по уголовному делу», в то время как ст. 13 Конвенции устанавливает право на эффективное средство правовой защиты и действует в отношении иных участников уголовного процесса, при этом «может рассматриваться только в комбинации с теми статьями Конвенции, о нарушении которых заявлено в жалобе»¹.

Представляется, что отсутствие в Конвенции самостоятельной категории «промежуточное судебное решение» не позволяет говорить о формировании ЕСПЧ единых стандартов реализации права на их обжалование и пересмотр. Тем не менее, исходя из анализа решений ЕСПЧ, можно выделить ряд требований к реализации права на обжалование и пересмотр промежуточных решений, которые можно условно разделить на две категории.

Стандарты реализации обвиняемым права на обжалование и пересмотр промежуточного решения:

1. Процедура апелляционного обжалования и пересмотра промежуточного решения должна отвечать основным требованиям справедливого судебного разбирательства². Конвенция не указывает на необходимость установления системы судебных инстанций для обжалования, однако в том случае, если государством предусмотрен порядок апелляционного обжалования промежуточного решения, он должен соответствовать требованиям ст. 6 Конвенции³, в частности, рассмотрение жалобы должно осуществляться в разумные сроки независимым и беспристрастным судом, обвиняемый должен иметь возможность присутствовать в судебном заседании.

2. Применительно к обжалованию содержания под стражей Конвенция устанавливает повышенные стандарты, в частности, требование «безотлагательности рассмотрения жалобы о правомерности

¹ Guide on Article 13 of the European Convention on Human rights. Right to an effective remedy. 7 p. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_13_ENG.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

² Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 октября 2007 г. (жалоба № 4493/04). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2466478/> (дата обращения: 21.12.2020).

³ Дело «Митянин и Леонов против России»: Постановление Европейского суда по правам человека от 7 мая 2019 г. (жалобы № 11436/06 и 22912/06). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192900> (дата обращения: 09.01.2021).

содержания под стражей»¹, а также требование «достаточной определенности процедуры не только в теории, но и на практике»².

Стандарты реализации другими участниками процесса права на обжалование и пересмотр промежуточного решения, которые подразделяются на общие и частные. Общие стандарты устанавливают требования к эффективному средству правовой защиты в целом:

1. «Средство правовой защиты будет считаться эффективным только в том случае, если в результате его применения возможна отмена обжалуемого решения и «исправление оспариваемой ситуации»³.

2. Средство правовой защиты должно быть «доступным, достаточным и оперативным и предполагать возможность подать в компетентный орган жалобу на решение, нарушающее охраняемое Конвенцией право»⁴.

В качестве частных стандартов следует указать такие, которые распространяются на реализацию права на обжалование отдельных промежуточных решений. Так, момент возникновения права на обжалование промежуточных решений о проведении следственных действий с использованием скрытого наблюдения связывается Судом с моментом, когда лицу становится известно (лицо было уведомлено) о проводившихся действиях⁵. При этом ЕСПЧ отмечает, что в ряде случаев (например, при производстве контроля и записи

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.12.2020).

² Дело «Абдулхаков (Abdulkhakov) против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 2 октября 2012 г. (жалоба № 14743/11). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113287> (дата обращения: 21.12.2020).

³ Дело «M.N. и другие (M.N. and Others) против Сан-Марино»: Постановление Европейского суда по правам человека от 7 июля 2015 г. (жалоба № 28005/12). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155819> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴ Guide on Article 13 of the European Convention on Human rights. Right to an effective remedy. 14 p. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_13_ENG.pdf (дата обращения: 11.01.2020).

⁵ Дело «İrfan Guzel c. Turquie»: Постановление Европейского суда по правам человека от 07 февраля 2017 г. (жалоба № 35285/08). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170854> (дата обращения: 21.12.2020).

телефонных переговоров) такое уведомление возможно только после прекращения «прослушивания» или невозможно вообще (в связи с сохранением угрозы общественному порядку или по другим причинам).

А.В. Даньшин

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

Одной из основных особенностей уголовно-процессуального законодательства традиционного Китая является то, что оно не изменялось на протяжении многих столетий. В полной мере это относится и к институту судебно-медицинской экспертизы, начало которого можно отнести к III в. до н.э., что подтверждается многочисленными документами периода династии Цинь. Практика судебных экспертиз телесных повреждений достаточно широко применялась в период династии Тан (VII–X вв.), в уголовном кодексе которой «*Тан люй шу и*» была установлена ответственность судейских чиновников за фальсификацию их результатов вплоть до двух лет каторжных работ. А в Кодексе Сунской империи (X–XIII вв.) есть, например, указание на то, что «любой, кто был убит или ранен... или умер в тюрьме, должен быть [обязательно] осмотрен специальным служащим». К этому периоду относится написание одним из провинциальных судейских чиновников Сун Цы «Собрания отчетов о снятии несправедливостей» («*Си юань лу*»), ставшего первым в мировой истории сочинением по судебной медицине. Этот труд императорским указом объявлялся официальным руководством для всех судейских чиновников, оставаясь таким вплоть до последней китайской династии Цин (т.е. до начала XX в.). С XVIII в. различные версии этой книги стали регулярно публиковаться в качестве приложения к Уголовному кодексу и имели в уголовном процессе такую же юридическую силу, как и сам кодекс.

О широте вопросов, затронутых в этой книге, говорят названия некоторых из ее разделов: «Подготовка трупа для экспертизы», «Настоящие и ложные раны», «Экспертиза костей», «Убийства,

имитирующие самоубийство» и др.¹ Особый интерес представляют содержащиеся в «*Си юань лу*» шаблоны деревянных таблиц с указанием внутренних и внешних органов человека, так называемые шиту (*shitu*), на которых, при осмотре трупа, красной тушью нужно было отмечать обнаруженные повреждения. Лица, в обязанности которых входило непосредственное проведение судебно-медицинских экспертиз, так называемые уцзо (*wuzuo*) (досл. пер. с кит. – осматрщики трупов), не имели медицинского образования, но ежегодно сдавали экзамен на знание «*Си юань лу*». Особой необходимости в наличии у судейских служащих медицинского образования правительство традиционного Китая не видело, так как в процессе экспертизы никогда не применялась аутопсия, и все выводы о причинах смерти делались лишь на основе внешнего изучения тел. Исключением было только вскрытие сгнивших трупов, и то лишь для проведения исследования костей.

Таким образом, можно выделить две основные проблемы в развитии института судебно-медицинской экспертизы в традиционном Китае:

– во-первых, низкий уровень медицинской подготовки лиц, ее осуществляющих, а также полное отсутствие элементарных навыков проведения таких экспертиз у чиновников, которые контролировали этот процесс и отвечали за принятие решений на всех стадиях уголовного процесса;

– во-вторых, недопустимость любого отступления от категоричных утверждений справочников по судебно-медицинской экспертизе, даже если они уже давно не соответствовали уровню развития медицинских знаний как в самом Китае, так и в других странах.

В связи с этим судейским служащим приходилось проявлять немалую изобретательность, чтобы найти в материалах конкретного дела нужные аналогии с рекомендациями официальных изданий по проведению экспертиз, чтобы у властей не было никаких претензий к качеству их проведения, а значит к обоснованности и справедливости решений по уголовным делам.

¹ The “Hsi Yuan Lu” or “Instructions to Coroners”. Translated from the Chinese by Herbert A. Giles, LL.D. Aberd, D. Litt Oxon // Journal of the Royal Society of Medicine. 1924. № 17. P. 59–107.

Н.А. Дудина

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ, А ЕСТЬ ЛИ ОНИ?

Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ была введена новая статья 210.1 в Уголовный кодекс РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Согласно пояснительной записке к законопроекту¹ необходимость введения данной нормы обусловлена тем, что наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными группами, однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры таких групп, как правило, уходят от уголовной ответственности.

Вероятнее всего, появление ст. 210.1 в Уголовном кодексе РФ стало логическим завершением ч. 4 ст. 210 УК РФ, где предусматривается уголовная ответственность за организацию, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).

При этом Верховный Суд РФ, разъясняя о субъекте преступления ч. 4 ст. 210 УК РФ, ориентировал на то, что необходимо устанавливать, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или руководству преступным сообществом (преступной организацией), либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Нетрудно заметить, что речь идет о действиях, перечисленных в ч. 1 ст. 210 УК РФ, что касается «других преступных действий», об этом ни законодатель, ни Верховный Суд РФ ничего не пояснили.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности) : пояснительная записка к законопроекту от 14 фев. 2019. № Пр-206 // СПС «Консультант Плюс».

Как было отмечено А.В. Шеслером¹, мнения исследователей по поводу «особого статуса» субъекта рассматриваемой новеллы разделились. Так, часть ученых, критикуя позицию законодателя, ведет речь о том, что неизвестно, каких субъектов относить к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и скорее это понятие относится не к уголовно-правовому, а к криминологическому.

Другие же исследователи, в поддержку законодателя, утверждают, что основанием уголовной ответственности является занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Такая позиция вряд ли согласуется с традиционным пониманием оснований уголовной ответственности в соответствии со ст. 8 УК РФ.

В связи с «неопределенной» законодательной конструкцией состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, возникает вопрос с определением предмета доказывания. Что именно необходимо доказать и как? Весьма затруднительно ответить на данный вопрос, поскольку «главный факт» в структуре предмета доказывания необходимый для решения основного вопроса дела – вопроса об уголовной ответственности не определен законодателем надлежащим образом. Кроме того, основными доказательствами по рассматриваемым уголовным делам являются результаты оперативно-розыскной деятельности (при соответствующей легализации для материалов уголовного дела), которые не могут рассматриваться достаточным основанием для предъявления обвинения по ст. 210.1 УК РФ. Еще одна группа доказательств, которая вызывает определенные беспокойства, – показания самого лица и показания свидетелей. У всех перечисленных лиц присутствует определенная заинтересованность в тех или иных показаниях, поскольку они так или иначе взаимосвязаны с друг другом.

Кроме того, малочисленная правоприменительная и судебная практика в Российской Федерации по рассматриваемой категории уголовных дел² пока не дает возможности оценить систему доказательств.

¹ Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–123.

² По данным государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие», производство по уголовному делу ведется в отношении обвиняемых по ст. 210.1 УК РФ в следующих регионах: Краснодарский край, Томская область, Брянская область, Липецкая область, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Карелия, Саратовская область, Ставропольский край.

Поэтому о каких-либо особенностях доказывания по такой категории дел не приходится говорить.

Н.А. Дудко

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА СУД ПРИСЯЖНЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

Содружество Независимых Государств (СНГ) создано 8 декабря 1991 г.¹ В настоящее время из государств – участников СНГ суд присяжных функционирует в Российской Федерации (с 1 ноября 1993 г.)², в Республике Казахстан (с 1 января 2007 г.)³, в Украине (с 19 ноября 2012 г.)⁴. В Кыргызской Республике суд присяжных был учрежден в 2007 г.⁵, но его введение в очередной раз отложено до 1 января 2025 г.⁶ В Азербайджанской Республике в 2015 г. законодательно отказались от введения суда присяжных⁷.

¹ Соглашение «О создании Содружества Независимых Государств», подписанное в Минске 08.12.1991. URL: <http://www.consultant.ru>

² Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона РФ „О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях“» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

³ Закон Республики Казахстан «О присяжных заседателях» от 16 января 2006 г. № 121-III ЗРК // ИС параграф: URL: <http://online.zakon.kz>; Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей» от 16 января 2006 г. № 122-III ЗРК // ИС параграф: URL: <http://online.zakon.kz>.

⁴ УПК Украины от 13 апреля 2012 г. ИС параграф: Электронный ресурс: URL: <http://online.zakon.kz>.

⁵ Закон Кыргызской Республики от 25.06.2007 № 91. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202124/10?cl=ru-ru>.

⁶ Закон Кыргызской Республики «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики» от 15 июля 2009 г. № 215 (в редакции Закона КР от 26 декабря 2019 г. № 146). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202673/10?cl=ru-ru>.

⁷ Закон Азербайджанской Республики «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики» от 13 февраля 2015 г. № 1194-IVQD. URL: <https://www.base.spinform.ru>.

Законодательную основу для введения суда присяжных в странах СНГ образуют «Концепция модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ», разработанная в соответствии с постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 февраля 1995 г.¹, и Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств 1996 г.² В соответствии с Модельным УПК СНГ, всякий обвиняемый в совершении тяжкого, особо тяжкого и исключительной тяжести преступления, заявивший перед судом о своей невиновности, имеет право предстать перед судом с участием присяжных заседателей (ст. 64). Сравнительно-правовой анализ законодательства государств СНГ позволяет выделить общие положения о реализации права обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, закрепленные в УПК государств СНГ³ (ст. 325 УПК Российской Федерации, ст. 364 УПК Республики Казахстан, ст. 384 УПК Украины): 1) основанием производства в суде присяжных является ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей; 2) право выбора суда присяжных как формы уголовного судопроизводства предоставлено только обвиняемому, согласие других участников уголовного судопроизводства не требуется; 3) обвиняемый может выбрать суд присяжных или отказаться от этой формы судопроизводства до начала рассмотрения уголовного дела по существу.

¹ «Концепция модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ», разработанная в соответствии с постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 февраля 1995 года // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1995. № 8. С. 167–184.

² Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят 17.02.1996 г. Постановлением 7-6 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (с изм. от 3.12.2009, 29.11.2013) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. URL: <http://iacis.ru> (дата обращения: 25.11.2020).

³ УПК РФ от 18.12.2001 (в ред. от 08.12.2020). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>; УПК РК от 04.07.2014 (в ред. от 19.12.2020).

URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852; УПК Украины от 13.04.2012 (в ред. от 21.07.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178.

А.Б. Забиров

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В XXI в. новым этапом развития общества стало активное использование информационно-коммуникационных технологий. Повсеместное развитие и совершенствование компьютерных технологий, расширение производства технических устройств и сферы их применения, широкая доступность компьютерной техники, кроме упрощения различных технологических и бытовых процессов, способствуют появлению новых видов преступных посягательств, объектами которых являются информация, информационно-телекоммуникационные ресурсы, а также денежные средства, находящиеся в обращении глобальных и локальных компьютерных сетей. Современные возможности информационной сети Интернет позволяют пользователям получать, обрабатывать, накапливать, передавать информацию об этих процессах практически в любом объеме, по всем сферам общественных отношений. При этом информация и информационные технологии сами становятся объектами преступных посягательств, что создает угрозу обеспечения информационной безопасности, возникают предпосылки для причинения ущерба гражданам, обществу и государству.

В настоящее время преступления в сфере компьютерной информации имеют незначительный удельный вес в общей структуре преступности, однако из года в год наблюдается тенденция к ее росту.

По данным Генпрокуратуры России, в общем росте преступности в РФ активнее всего развивается киберпреступность – рост ее оказался двухкратным. Так, по данным МВД России, число киберпреступлений в России выросло в 2020 г. на 94,6%. По мнению представителей Генпрокуратуры, рост киберпреступности очень активен. Выступая на Третьей встрече руководителей прокурорских служб стран БРИКС в 2017 г., Ю.Я. Чайка указывал, что в России в первом полугодии 2017 г. количество противоправных деяний увеличилось почти на 30%, а всего с 2013 по 2016 г. количество киберпреступлений подскочило в 6 раз, с 11 до 66 тысяч.

При этом ущерб от таких деяний составил только за первое полугодие 2017 г. более 18 млн долл.¹

Жертвами преступных посягательств в данной сфере становятся обычные граждане, в отношении которых возможны угрозы нарушения неприкосновенности частной жизни, тайны сообщений, нарушения авторских и смежных, изобретательских и патентных прав, мошенничества, незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну, сокрытия информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья, и другие не менее значимые нарушения их прав. В подобной ситуации нельзя недооценивать роль прокурорского надзора за расследованием преступлений в сфере киберпреступности. Своевременное выявление нарушений уголовно-процессуального и уголовного законодательства и устранение данных нарушений мерами прокурорского реагирования позволяют избежать признания большинства собранных по уголовному делу доказательств недопустимыми и, как следствие, необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности.

Кроме того, самое серьезное внимание прокуратурой уделяется защите детей от противоправной информации. Прокуратура, согласно п. 3.2 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи»², ведет систематическую деятельность по защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, репутации, нравственному и духовному развитию, в деятельности средств массовой информации, органов и учреждений образования и культуры, где регулярно выявляется масса нарушений. Прокурорские работники осуществляют мониторинг запрещенной информации, а в случае обнаружения незамедлительно принимают меры по блокировке сайтов, содержащих такую информацию.

В целях осуществления прокурорского надзора Генеральной прокуратурой России в 2013 г. были разработаны Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation/news?item=6306934>.

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. 2008. № 2.

законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Данный документ дал уголовно-правовую характеристику преступлений в сфере компьютерной информации, определили порядок осуществления прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях в сфере компьютерной информации и надзора за расследованием преступлений в сфере компьютерной информации.

Вместе с тем принимаемые меры явно недостаточны. По нашему мнению, в настоящее время назрела необходимость создания в органах прокуратуры России специализированных подразделений (отделов, управлений) по борьбе с преступлениями и правонарушениями в информационной сфере, как это было сделано ранее в связи с созданием органов прокуратуры подразделений по борьбе с коррупцией.

Формирование специализированных подразделений позволит более точно и оперативно получать информацию о состоянии преступности в сфере информационных технологий, на основе которой выработать комплекс мер по противодействию и профилактике преступности, вплоть до внесения соответствующих предложений по изменению законодательства, осуществлять действенный надзор за расследование уголовных дел, связанных с киберпреступностью. При этом подразделения должны иметь в своем составе сотрудников не только с юридическим образованием, но и владеющих технологиями обеспечения информационной безопасности.

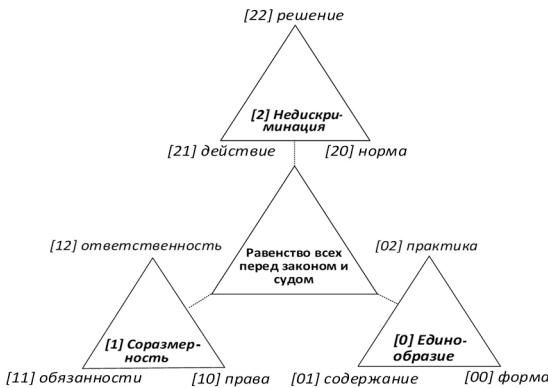
В.А. Задорожная

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Принцип равенства всех перед законом и судом закреплен в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, в силу чего подлежит реализации в уголовном судопроизводстве. Отсутствие отраслевой уголовно-процессуальной нормы о равенстве всех перед законом и судом одновременно с наличием особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (Глава 52 УПК РФ), предложения по законодательному закреплению особых производств в зависимости от рода деятельности лица, совершившего

преступление¹, а также острая реакция общества на неравенство перед законом и судом актуализируют задачу определения сущности, места и роли названного принципа в современном уголовном процессе. Это, в свою очередь, ставит вопрос о привлечении надежного научного инструментария для решения поставленных задач.

Если рассматривать равенство всех перед законом и судом как категорию, содержание и отдельные связанные между собой элементы которой могут быть описаны отдельным набором категорий, допустимо применение научных методов, разработанных категориально-системной методологией, в частности метода двухуровневой триадической дешифровки, предложенной В.И. Разумовым и В.П. Сизиковым². В ходе применения данного метода исследуемая категория дешифруется тремя категориями, наиболее полно отражающими ее сущность (дешифрующие категории первого уровня). Затем каждая из полученных категорий аналогично дешифруется тремя категориями второго уровня. В результате формируется категориальная модель, позволяющая выделить основные качественные характеристики исследуемого объекта. Двухуровневая триадическая дешифровка равенства всех перед законом и судом позволила сконструировать следующую категориальную модель:

¹ Сычев П.Г. Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 170–175.

² Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М. : ИНФРА-М, 2021. С. 173–174.

Ключевой категорией, раскрывающей содержание принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам, упоминаемой большинством исследователей, представляется «недискриминация». Участники производства по уголовному делу не должны иметь привилегий либо быть дискриминированы законом; со стороны правоприменителя к ним должно быть беспристрастное и объективное отношение, выраженное в соответствующих действиях и решениях. Другой категорией выступает «соразмерность» (прав и обязанностей и ответственности участников). Исходной категорией, вытекающей из первоначального смысла категории «равенство», выступает «единообразие», выражающееся в единообразии правоприменительной практики, единой процессуальной форме и содержании закона и акта правоприменения (ясность, непротиворечивость, согласованность, единая структура). Обоснование и раскрытие дешифрующих категорий как первого, так и второго уровня могут быть предметом дискуссий и дальнейших исследований.

Е.Ю. Замуруева

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Общие условия применения мер пресечения определяют обстоятельства, без которых невозможно принять решение об избрании данных средств воздействия. Они учитываются в ходе избрания любой меры процессуального принуждения и обеспечивают выбор одной из них. Нормативное обособление общих условий применения мер пресечения, их систематизация дадут возможность компетентным органам не только в каждом конкретном случае мотивировать необходимость применения принудительных мер к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступления, но и осуществить выбор наиболее справедливых средств воздействия в соответствии с обстоятельствами производства.

Первоначально для применения меры пресечения необходимо иметь достаточные данные, указывающие на совершение преступле-

ния. В рамках существующей модели российского судопроизводства до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела к лицу не могут применяться меры принудительного воздействия, а должна вестись иная деятельность, не связанная с ограничением прав и свобод человека. Кроме того, при применении мер процессуального принуждения следует проверять обоснованность подозрения в причастности лица к преступлению. Для избрания меры пресечения помимо наличия состава преступления нужно иметь достаточные основания, т.е. достоверные фактические сведения о возможном неправомерном поведении преследуемого лица при производстве по делу.

Также обязательно соблюдение требования «экономии процессуального принуждения» – более строгая мера пресечения должна избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры пресечения. Кроме того, по смыслу закрепленного в ст. 49 Конституции Российской Федерации принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его¹. Соразмерность принуждения в ходе производства по делу грозящему наказанию предполагает не только пропорциональность характера ограничений, но также и сроков оказания принудительного воздействия².

Таким образом, можно предположить, что для применения меры пресечения в целом и выбора конкретной меры воздействия в частности требуется установить соответствующие общие условия. К ним следует отнести: 1) достаточные данные, указывающие на совершение преступления; 2) обоснованные подозрения о причастности лица к совершению преступления; 3) достаточные основания полагать совершение деяний, препятствующих уголовному судопроизвод-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» от 06.12.2011 г. № 27-П (п. 4) // СПС «Консультант Плюс».

² Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 137.

ству; 4) экономия процессуального принуждения; 5) соразмерность принуждения грозящему наказанию.

Необходимо систематизировать общие условия применения мер пресечения, закрепить их перечень и содержание в гл. 13 ч. 1 («Общие положения») УПК РФ. Это позволит, на наш взгляд, обоснованно, законно и справедливо принимать решения об избрании или изменении мер пресечения, продлении их сроков.

С.В. Зув

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОМ И ЦИФРОВОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящее время государственный сектор в уголовном судопроизводстве представлен в виде процессуальной деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда. В некоторых случаях права потерпевшего и гражданского истца могут исходить из интересов государственных органов, которым причинен вред преступлением. Эксперт, специалист или иное лицо также может относиться к государственным структурам власти. Поэтому в данном случае становится возможным выделить своего рода линию в виде государственного сопровождения производства по уголовным делам. Ситуация дополнительно переплетена контролирующими и надзорными функциями. И вряд ли у кого-то вызывает сомнение, что уголовное судопроизводство – это один из инструментов государственного управления в социуме. Имеются различные правовые механизмы сдерживания или развития дела в ходе расследования преступлений, а также на судебных стадиях уголовного процесса.

Руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор, суд призваны лично принимать участие в регулировании движения уголовного дела. Следователь и дознаватель далеко не самостоятельны и во многом зависят от других должностных лиц. Система отлажена, и даже если возникают какие-то сбои, то включаются специальные средства и методы, позволяющие достичь ожидаемый результат. Статистика также по-своему стабильна и только подтверждает отлаженную систему государственного влияния на уголовный процесс.

На пути трансформации всех сфер государственного управления самое время задуматься над тем, насколько цифровые технологии позволят сохранить государственное участие в уголовном судопроизводстве, поскольку многие алгоритмы, программы и искусственный интеллект претендуют на большую автономность, чем могут ее позволить себе общество и государство.

Активно обсуждается вопрос о необходимости регулирования, интегрирования и управления блокчейн-операциями и их системой правовыми средствами воздействия¹.

Следует согласиться, что полное отделение блокчейн-системы от сферы правового регулирования может привести к тому, что они будут использоваться в антиправовых целях, окажутся бесполезными и даже опасными².

По мнению А.А. Соловьева, для каждой единицы техники должны быть четко определена и зафиксирована группа функций, для реализации которой она создана. Определенность в функциональной сфере позволит обеспечить как безопасность, так и правовую определенность в процессе использования. Кроме того, принципиальное значение может иметь «право на undo» – возможность отмены действия, которая должна стать обязательной функцией системы контроля³.

Интерес представляют те страны, где действующее законодательство предусматривает сегодня возможность отказаться от уголовного преследования исходя из целесообразности. В Англии, к примеру, действует принцип целесообразности уголовного преследования, который позволяет органу, уполномоченному на возбуждение преследования, в каждом отдельном случае решить, находит ли он удобным, уместным и целесообразным возбудить уголовное преследование или полагает более удобным от него воздержаться⁴.

¹ См.: Werbach K. Trust, But Verify: Why the Blockchain Needs The Law. DOI: 10.15779/Z38H41JM9N

² Вепрев В.С. Метод правового регулирования в сфере цифровизации // Smart Law for Smart Industry : сб. науч. ст. Южно-Уральский государственный университет. М., 2000. С. 25.

³ Соловьева А.А. Принципы Smart Law Doctrine // Smart Law for Smart Industry... С. 42.

⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 480–481.

В Германии «практически действует не принцип законности, а принцип целесообразности». Начало целесообразности все более вытесняет начало законности, становясь доминирующей моделью решения вопроса о том, имеет ли обвинительная власть право воздерживаться от уголовного преследования исходя из своего дискреционного усмотрения¹.

Представляется, что в цифровой форме уголовное судопроизводство должным образом может функционировать при соблюдении следующих требований:

- строго определены условия операций (действий, транзакций);
- система позволяет в «ручном режиме» изменять степень значимости установленных обстоятельств и их влияние на принятие процессуального решения;
- оператор (должностное лицо, следователь, прокурор или судья) всегда имеет возможность отказаться от программного рассмотрения вопроса по существу и перевести его в особый порядок или прекратить производство по делу.

Указанные требования позволят сохранить государственный контроль над системой уголовного судопроизводства, монопольное представление части государственных интересов в общем механизме обеспечения безопасности и правопорядка в обществе и государстве.

П.Л. Ишимов

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУД ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ЗАЩИТНИКОМ ПУТЕМ ОПРОСА ЛИЦ

Согласно положению ст. 86 УПК РФ одним из субъектов доказывания на стороне защиты выступает защитник (адвокат), который обладает профессиональными знаниями в области разрешения правовых вопросов.

Защитник вправе по уголовному делу собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного са-

¹ Филимонов Б.А. Основы уголовного процесса Германии. М., 1994. С. 12.

моуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Защитник по своему усмотрению может представить в качестве иных доказательств опрос лиц. Однако при отборе объяснений и в последующем предоставлении их в суд у защитника возникает ряд проблем.

Во-первых, в УПК РФ не закреплены требования к оформлению опроса лица защитником (нет единой процессуальной формы данного действия). Поэтому часто на практике защитники в произвольной форме оформляют объяснения, полученные ими в ходе опроса лиц. Это приводит к тому, что судьи отказывают защитнику в приобщении, полученных им письменных объяснений от лиц по основаниям неправильного оформления данного документа. Например, неполно указаны анкетные данные опрашиваемого или опрашиваемого лица, отсутствуют подписи на каждой странице документа, их расшифровка и другое.

Во-вторых, также возникает вопрос, должен ли защитник при проведении опроса лица разъяснять ему положение ст. 51 Конституции РФ и ответственность при даче заведомо ложных объяснений. Тем не менее лицо, дающее объяснение, не является участником уголовного процесса, и сам опрос в руках защитника не является доказательством, пока суд не приобщит его в качестве такового.

Поэтому поводу в суде возникает ряд проблем, связанных с подтверждением действительности (не оговора), изложенных в опросе объяснений лица. Одно дело, когда суд может по ходатайству одной сторон или по собственной инициативе допросить лицо в качестве свидетеля, другое – когда лицо не является по вызову в суд (например, место нахождения лица неизвестно или оно умерло).

Возникают вопросы: чем суд должен руководствоваться при решении вопроса о приобщении представленного защитником опроса лица в качестве доказательства? Или он безоговорочно должен приобщать указанный документ к материалам уголовного дела в качестве иного доказательства?

В-третьих, защитник обязан проводить опрос только с согласия лица. На практике часто в документ опроса лицом вносится запись о том, «что он добровольно, без какого-либо принуждения со стороны защитника или иных лиц дает данные объяснения». Соответственно,

после фразы ставится подпись лица с расшифровкой фамилии, имени и отчества.

При выполнении данного требования УПК РФ у защитника также возникают трудности при удовлетворении ходатайства о приобщении документа опроса к материалам уголовного дела, так как судья может усомниться в том, что лицо давало согласие на проведение защитником опроса, и в том, что в документе опроса фраза и подпись выполнены собственноручно опрашиваемым лицом. Также в суде могут возникнуть проблемы в удостоверении данного факта, например, как указано выше, опрашиваемое защитником лицо не является по вызову в суд (место нахождения лица неизвестно или оно умерло).

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что хотя в уголовно-процессуальном законодательстве и содержится такой способ собирания доказательства защитником, как опрос лиц с их согласия, но без закрепления порядка его проведения и оформления это делает его малоэффективным способом защиты по уголовному делу.

В связи с этим считаем, что необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ.

В.С. Калашиников

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Вопросы защиты бизнеса от необоснованного вмешательства контролирующих и правоохранительных органов не первый год определяются как одни из приоритетных, в связи с чем в Уголовный кодекс РФ введены привилегированные составы преступлений, ограничена возможность применения суровых мер пресечения в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

В процессе осуществления прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования возникают вопросы, связанные со статусом субъекта предпринимательской деятельности.

Как следует из ряда норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (ч. 3 ст. 20, ч. 1.1 ст. 108) под субъектом предпринимательской дея-

тельности понимается индивидуальный предприниматель либо член органа управления коммерческой организации (член совета директоров или наблюдательного совета, член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации, лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа). Таким образом, законодатель оставил без защиты лицо, фактически занимающееся предпринимательской деятельностью, без государственной регистрации какой-либо организационно-правовой формы, но распространил меры правовой охраны на наемных работников в сфере управления юридическими лицами. И если для первых – это последствия их не соответствующей закону деятельности, то для вторых – нередко необоснованные преференции, обусловленные фактом наличия записи в соответствующем реестре.

Законодатель устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в зависимости от квалификации деяния или совершения его субъектом предпринимательства при осуществлении им предпринимательской деятельности.

При этом, например, реализация фальсифицированной алкогольной продукции без акцизных марок лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, будет относиться к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, а незаконная рубка лесных насаждений владельцем лесопилки в целях дальнейшей переработки незаконно заготовленной древесины, ее реализации и получения прибыли – нет.

Проблемным вопросом являются случаи совершения действий против интересов юридического лица одним из субъектов управления этого лица, например соучредителем, когда законная деятельность юридического лица используется для совершения действий, причиняющих ущерб другим учредителям, в том числе в виде упущенной выгоды.

Оценивая законность уголовного преследования предпринимателей, прокурорам необходимо разграничивать отношения, урегулированные гражданским правом, и преступления, определять правильную квалификацию и связь с предпринимательской деятельностью, несмотря на явную причастность лица к преступлению, возражать против заключения под стражу и мерами прокурорского реагирования обеспечивать возможность дальнейшего ведения бизнеса подозреваемым (обвиняемым).

В итоге существующие в настоящее время нормы закона, направленные на защиту бизнеса от необоснованного уголовного преследования, создают необоснованные преференции для недобросовестных участников предпринимательской деятельности и возможность оказания последними влияния на своих контрагентов путем перевода договорных отношений в уголовно-правовую плоскость.

А.Л. Карлов

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПРИМЕНЕНИЯ СМЯГЧАЮЩЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. «И» Ч. 1 СТ. 61 УК РФ

Однозначно определить природу и сущность досудебного соглашения о сотрудничестве – довольно сложная задача, поскольку этот правовой институт состоит из нескольких самостоятельных элементов, обладающих разными характеристиками. Такими элементами, по нашему мнению, являются:

– крипто-конвенциональная форма (предварительное письменное согласование использованных законодателем оценочных понятий);

– расширенный вариант смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления);

– особый порядок судебного разбирательства (в порядке Главы 40 УПК РФ, с учетом особенностей, связанных с заключением соглашения).

Возникает резонный вопрос: какой из приведенных элементов является базовым, ключевым по отношению к остальным? На наш взгляд, ответ очевиден – содержанием досудебного соглашения о сотрудничестве является активное содействие раскрытию и расследованию преступления (как смягчающее обстоятельство), то-

гда как форма заключения соглашения и порядок рассмотрения уголовного дела судом выступают процессуальными формами его применения и реализации.

Основными аргументами в пользу обозначенного тезиса являются:

– во-первых, полностью совпадающие формулировки положений п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ и ст. 317.1, 317.5–317.7 УПК РФ в части содействия (активного содействия) следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (термины «содействие» и «содействие» в контексте приведенных норм мы считаем синонимами);

– во-вторых, формулировка наименования ст. 62 УК РФ – «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств», в тексте которой содержатся в том числе правила назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

– в-третьих, прямое указание ч. 2 ст. 62 УК РФ, что при заключении досудебного соглашения снижение верхней границы санкции будет применено только при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Как нами было указано, содействие в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве является именно «расширенным» вариантом смягчающего обстоятельства (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Данный подход обусловлен двумя основными доводами: во-первых, содействие раскрытию и расследованию преступления в рамках смягчающего обстоятельства реализуется исключительно на стадии предварительного расследования, тогда как досудебное соглашение предполагает действия в том числе за рамками данной стадии, в частности при допросе в суде лица, заключившего соглашение, по уголовному делу в отношении его соучастников; во-вторых, следственная и судебная практика показывает, что текст досудебного соглашения часто включают обязательства, выходящие за рамки п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, однако по отношению к законодательной конструкции рассматриваемого института они являются скорее «факультативными», не обязательными.

Таким образом, конструкция досудебного соглашения о сотрудничестве предполагает применение уже известного смягчающего обстоятельства посредством нового процессуального механизма (скрипто-конвенциональной формы).

И.В. Килина

О ПОСЛЕДСТВИЯХ БЕССИСТЕМНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Чтобы понять настоящее и спрогнозировать будущее, необходимо заглянуть в прошлое. Поэтому о направлениях уголовно-процессуальной политики сегодня можно судить на основе анализа того, что было сделано в последние десятилетия в законодательной и правоприменительной сфере.

Так, с момента поступления политического запроса о необходимости защиты бизнеса от давления со стороны правоохранительных органов было принято порядка двух десятков федеральных законов, изменяющих и дополняющих текст УПК РФ. В этой связи хотелось бы затронуть вопрос разумности реформирования процедуры производства по уголовным делам в сфере экономики.

В 2011 г. законодатель разбавил содержание универсальной правовой нормы о поводах для возбуждения уголовного дела, закрепив специальный повод для возбуждения уголовных дел, связанных с уклонением от уплаты налогов¹. Новая правовая конструкция оказалась нежизнеспособной и спустя три года была исключена из текста закона. Однако непродуманные правки УПК РФ нередко имеют весьма негативные и часто сложно поправимые последствия. Действовавшая до 2014 г. ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ крайне негативно отразилась на раскрываемости налоговых преступлений (при неизменности их общественной опасности). Цифры статистики иллюстрируют это как нельзя лучше (2 114 осужденных по ст. 198, 199 УК РФ в 2009 г. против 414 осужденных в 2019 г.)².

Не до конца обоснованным видится запрет на избрание в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ). Представляется, нет достаточных

¹ Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета [Федеральный выпуск]. 2011. 9 декабря. № 278 (5654).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.02.2021).

предпосылок лишать суд возможности принимать решение в зависимости от наличия оснований и исходя из анализа обстоятельств в каждом конкретном случае поступления к нему ходатайства об избрании меры пресечения.

Думается, в процессе совершенствования закона приоритет должен отдаваться формулированию универсальных норм, указывающих, например, что применение мер принуждения не должно препятствовать законной предпринимательской деятельности. Такое правило выступило бы дополнительной гарантией и решило бы проблему утяжеления, сложности восприятия и применения норм УПК РФ, связанных с определением перечня конкретных составов преступлений, относящихся к осуществлению предпринимательской и иной экономической деятельности.

Закрепление в ст. 28.1 УПК РФ нового основания для освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью, в целом видится положительным нововведением. Расширение альтернативных вариантов разрешения уголовно-правового конфликта способствует разумной процессуальной экономии, повышению индивидуализации ответственности.

Однако непродуманность регламентации института предопределила его неэффективность, об этом вновь свидетельствуют цифры статистики. Исходя из данных Судебного департамента РФ за 6 месяцев 2020 г., судами общей юрисдикции прекращено дел в отношении лица в связи с возмещением ущерба в отношении 18 лиц, за 2019 г. в отношении 13 лиц.

Анализа на предмет противоречия принципу равенства всех перед законом требует закрепленное в ст. 81.1 УПК РФ правило сокращенных сроков для признания вещественными доказательствами предметов и документов по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Думается, разумный срок для принятия такого решения априори предполагается по всем категориям уголовных дел.

Изложенное позволяет сделать вывод о вредности и неэффективности несистемного, точечного реформирования норм и институтов уголовного процесса; о необходимости расставления приоритетов развития уголовного процесса на основе анализа накопленного правоприменительного опыта и с учетом классических фундаментальных принципов и правовых аксиом.

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ДОКАЗЫВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА

При совершении преступлений, посягающих на общественные отношения экономического характера, причиняется имущественный вред, размеры которого определяются количественными и стоимостными критериями. Помимо того, что установление точного размера имущественного вреда влияет на определение деяния как преступного и на наказание, иногда позволяет отнести деяние к мало-значительному. В некоторых случаях размер ущерба влияет на квалификацию, а ряд норм, содержащихся в Главе 22 УК РФ, предусматривает размер имущественного ущерба в качестве квалифицирующего признака. Устанавливая уголовную ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, законодатель называет различные виды последствий, а в примечаниях к статьям Главы 22 содержится указание на их суммарное определение. При такой законодательной конструкции указанных правовых норм точное установление размера вреда входит в предмет доказывания по уголовному делу.

Для установления последствий при расследовании уголовных дел по анализируемым видам преступлений, как правило, назначается судебная экономическая экспертиза определенного рода (вида). Задачи, решаемые при производстве судебных экономических экспертиз по конкретным уголовным делам, и полученные при этом выводы позволяют обосновать конкретный факт совершения преступления, установить способ (механизм) его совершения и количественные параметры, которыми характеризуется само деяние.

Имущественный вред при совершении преступлений в сфере экономической деятельности может быть выражен различными видами. В связи с этим задачи, которые необходимо решить при производстве по уголовному делу, будут носить динамичный характер и меняться в зависимости от квалификации и конкретных обстоятельств совершенного преступления.

К числу таких видов имущественного вреда (характеризуемого законодателем через стоимостные критерии – крупный размер, особо крупный размер), стоимостная величина которого устанавливает-

ся посредством судебных экономических экспертиз, можно отнести следующие:

– размер дохода, полученного в результате совершения преступления (ст. 171, 171.2, 172, 178 УК РФ);

– размер неисполненных финансовых обязательств – неуплаченных таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), неуплаченных налогов и (или) сборов (ст. 198, 199, 199.1 УК РФ);

– размер финансовых операций и других сделок с денежными средствами и имуществом (ст. 174, 174.1, 175 УК РФ); объем приобретения, хранения, перевозки, переработки, сбыта древесины (ст. 191.1 УК РФ); стоимость сырья, содержащего драгоценные металлы, не переданного на аффинаж (ст. 192 УК РФ); размер невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ); размер сокрытия денежных средств или имущества, которые могли быть направлены на уплату налогов и иных обязательных платежей (ст. 199.2 УК РФ) и др.;

– размер ущерба, причиненного гражданам, организациям, государству, устанавливаемый в рамках судебной экономической экспертизы как материальный вред и размер убытков.

Вместе с тем материалы судебно-следственной практики позволяют сделать вывод о том, что нередко при установлении размера имущественного вреда допускаются ошибки, которые негативно сказываются на качестве предварительного расследования.

П.Н. Коновалов

К ВОПРОСУ О ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ БАНКОВСКУЮ ТАЙНУ, НА ДОСУДЕБНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Важнейшее доказательственное значение при расследовании преступлений, совершенных с использованием банковских платежей и электронных платежных систем, имеют сведения, составляющие банковскую тайну.

К таким сведениям в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» относятся: 1) сведения о банковском счете клиентов и корреспондентов

кредитной организации; 2) сведения о банковском вкладе клиентов и корреспондентов кредитной организации; 3) сведения об операциях по банковским счетам; 4) сведения о клиентах кредитной организации, устанавливаемые данной организацией¹.

Получение рассматриваемого вида сведений при производстве предварительного расследования возможно в ходе их выемки в порядке ч. 3 ст. 183 УПК РФ. Представляется необходимым выделить характерные черты данного следственного действия. По смыслу ч. 3 ст. 183 УПК РФ, возможно физическое изъятие предметов и документов (т.е. объектов материального мира), содержащих сведения, составляющие банковскую тайну, осуществляемое на основании судебного решения. Выемка подразумевает личное участие должностного лица правоохранительных органов, что создает организационные проблемы ее производства.

Важнейшим аспектом получения сведений, составляющих банковскую тайну в ходе предварительного расследования, является тот факт, что доказательственное значение имеют именно сведения, опосредованно от их носителя. Сама ч. 3 ст. 183 УПК РФ предусматривает выемку носителей сведений, составляющих в том числе банковскую тайну, а не самих сведений (информации).

Данное обстоятельство указывает на несоответствие правовой формы получения сведений, составляющих банковскую тайну, характеру производимых в ходе их выемки действий. По мнению автора, целесообразнее получать необходимые сведения в порядке истребования от субъектов, которым данные сведения доверены и для которых являются профессиональной тайной, т.е. от финансово-кредитных учреждений.

Касаемо сведений, составляющих банковскую тайну, ч. 2 и 4 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» допускают получение следователем, с согласия руководителя следственного органа, справок, содержанием которых являются сведения, составляющие банковскую тайну.

Данный способ напрямую не предусмотрен УПК РФ и заключается в истребовании необходимых сведений, а указанные нормы корреспондируют с нормой, предусмотренной ч. 4 ст. 21 УПК РФ,

¹ О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 27.12.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ст. 7825.

устанавливающей обязательность исполнения требований и запросов лица, осуществляющего предварительное расследование.

Существенными недостатками данного способа являются: ограничение круга субъектов, уполномоченных получать необходимые сведения исключительно до следователей; сужение судебного контроля при получении данных сведений.

Названные обстоятельства указывают на необходимость введения в УПК РФ нормы, регулирующей производство следственного действия, направленного на получение сведений, составляющих банковскую тайну путем их истребования лицом, осуществляющим предварительное расследование, на основании судебного решения. За основу может быть принят порядок получения сведений, предусмотренный ст. 186, 186.1 УПК РФ.

В.А. Константинова

РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Дифференцированные судебные процедуры оказывают влияние на принимаемые в их рамках решения, придавая им особенности. В частности, спецификой обладает итоговое решение о прекращении уголовного дела в предусмотренном Главой 40 УПК РФ особом порядке судебного разбирательства.

До недавних пор возможность вынесения данной разновидности решения не была предусмотрена законом и реализовывалась на основании разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в п. 12 постановления от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»¹, согласно которому в особом порядке уголовное дело может быть прекращено, если для этого не требуется исследования доказательств и фактические обстоятельства не изменяются. Аналогичную позицию можно было встретить и на страницах научной печати².

¹ Российская газета. 2006. 20 декабря.

² См., например: Плясунова А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. С. 17.

Так, в 2019 г. в России в особом порядке судами первой инстанции прекращено 71 549 уголовных дел, в 1-м полугодии 2020 г. – 28 627 (16–17% от рассмотренных по существу в особом порядке)¹. На основании сложившейся практики ст. 316 УПК РФ дополнена ч. 9.1, предусматривающей возможность в особом порядке вынести постановление о прекращении дела².

Данное решение относится к разновидностям итоговых и при рассмотрении вопроса о возможности постановления приговора судам надлежит устанавливать отсутствие оснований для прекращения дела, обратное влечет отмену приговора.

Основания для принятия названного решения предусмотрены ст. 239, 25.1 и 28.1 УПК РФ, большинство из них носит нереабилитирующий характер. Такое основание, как отказ государственного обвинителя от обвинения в связи с его недоказанностью, в рамках особого порядка в большинстве случаев неприменимо, поскольку обвинитель может принять такое решение только после всестороннего исследования доказательств³. Полагаем, что в связи с тем, что особый порядок не предполагает такого исследования, убеждение в необходимости отказа от обвинения должно характеризоваться невозможностью его опровержения в общем порядке.

При принятии решения о прекращении необходимо учитывать волеизъявление обвиняемого, которое, как обосновано отмечается исследователями, выступает одним из компонентов оснований процессуальных решений⁴. При этом ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке не тождественно согласию на его прекращение и приобретает содержательный характер при наличии нескольких нереабилитирующих оснований.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 г. и 1-е полугодие 2020 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.01.2021).

² Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 УПК РФ» // Российская газета. 2020. 24 июля.

³ Приказ Генерального Прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного процесса» (п. 7) // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 13, 15.

В системе требований к указанному решению наибольшего внимания заслуживает обоснованность. Очевидно, что норма ч. 7 ст. 316 УПК РФ в равной мере относится и к решению о прекращении, поскольку его принятию должен предшествовать не только анализ процессуальных условий, но и оценка доказанности обвинения. Как отмечают исследователи, законодатель открывает возможности проявления в судопроизводстве формальной истины¹. Вынесенное по результатам особого порядка решение о прекращении может быть основано на высокой степени вероятности вывода о причастности подсудимого к преступлению, поскольку подобная процедура содержит меньше процессуальных гарантий, способствующих достижению объективной истины.

В связи с изложенным, необходимо закрепить в УПК РФ право суда непосредственно исследовать отдельные доказательства (когда основания к этому возникли после назначения судебного заседания и нет возможности воспользоваться ресурсами предварительного слушания, проводимого на основании п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ), а также отражать результаты их исследования в постановлении о прекращении.

Ю.А. Коротаева

О ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Начальник органа дознания является тем руководителем, на котором «замыкается» круг начальников различных подразделений в соответствующем органе. В подразделениях дознания в органах

¹ Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. Экономика. Юридические науки. 2003. № 4. С. 14; Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск, 2002. С. 3.

внутренних дел РФ кроме начальника органа дознания руководителем в упомянутом подразделении считается и начальник подразделения дознания. В науке среди ученых имеются обсуждения, посвященные проблеме идентичности процессуальных полномочий упомянутых должностных лиц органа дознания в сфере уголовного судопроизводства.

Говоря о полномочиях начальника подразделения дознания, следует обратить внимание на их направленность на контроль деятельности подчиненных сотрудников – дознавателей. Начальник же органа дознания, который в большинстве случаев представляется как начальник полиции, кроме дознавателей вправе руководить и иными сотрудниками. Данный факт является проблемным аспектом в реализации его процессуальных полномочий по отношению к дознавателям.

Соответственно, считаем правильным согласиться с мнением И.Г. Хисматуллина, который полагает, что анализ отдельных норм уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 и 2 ст. 40.2 УПК РФ) показывает, что законодатель наделяет начальника органа дознания полномочиями, многие из которых на практике вряд ли могут быть реализованы либо носят формальный характер¹. К указанным полномочиям можно отнести: осуществление проверки материалов уголовных дел; право на реализацию письменных указаний о направлении расследования и (либо) на производство процессуальных действий; право на продление срока проверки сообщения о преступлении и др.

Каждое из перечисленных процессуальных полномочий начальника органа дознания требует от данного должностного лица подробного изучения как материалов уголовного дела, так и материалов проверки сообщений о преступлениях. Например, в случае продления срока указанной проверки, подчиненному сотруднику необходимо в постановлении о продлении указать объективные причины увеличения сроков и, как следствие, начальник органа дознания перед тем, как подписать постановление, обязан вникнуть в представленные материалы.

¹ Хисматуллин И.Г. Проблемные вопросы полномочий начальника органа дознания // Уголовное судопроизводство России: Проблемы и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 360–363.

Как показывает практика, в органах внутренних дел РФ один сотрудник полиции в своем производстве имеет значительное количество уголовных дел, кроме них также и имеются материалы проверки сообщений о преступлении. Учитывая, что штат сотрудников не ограничивается в одном либо в двух сотрудниках полиции, то, естественно, суммарный состав уголовных дел и материалов проверки является колоссальным.

Таким образом, можно говорить о невозможности осуществления начальником органа дознания вышеуказанных процессуальных полномочий, которые носят формальный характер. Аналогичной точки зрения придерживается и А.Н. Кузнецов, который высказывается о том, что необходимо исключить такой формальный подход к реализации осуществления указанным должностным лицом полномочий, а также необходимо пересмотреть их регламентацию в УПК РФ¹.

По нашему мнению, решением указанной проблематики в уголовном процессе может являться предоставление начальнику подразделения дознания некоторых процессуальных полномочий начальника органа дознания в органах внутренних дел России в сфере уголовного судопроизводства.

М.Ю. Кузнецов

СОБИРАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДВОКАТОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ИЗУЧЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изучая тему собирания и представления доказательств адвокатом, автор обратился к методам социологии права, которая исследует процессы формирования правосознания, правовой культуры общества, составляющих его социальных групп и индивидов как субъектов правовых отношений.

¹ Кузнецов А.Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 1 (92). С. 131–136.

К довольно узкой теме собирания и представления доказательств адвокатом в уголовном процессе видится необходимым подойти и с социолого-правовой точки зрения, дабы, прежде всего, с помощью эмпирических данных, полученных от непосредственных участников уголовного судопроизводства, выяснить, насколько единообразно видение среди адвокатов и дознавателей, следователей таких понятий, как «доказательства», «доказывание», «собирание и представление доказательств», и насколько правильно и единообразно они воспринимаются. Изучение реально практикуемого подхода к толкованию и применению норм УПК РФ о доказательствах и доказывании позволяет выявить проблемы системного и жизненно важного, без преувеличения сказать, масштаба.

В анонимном анкетном опросе приняли участие порядка 40 адвокатов и 25 дознавателей/следователей, все из которых осуществляют деятельность в Кемеровской области.

Около 90% и адвокатов, и дознавателей, и следователей считают, что сведения, которыми располагает адвокат, становятся доказательствами по уголовному делу с момента фиксации этих сведений посредством следственных действий, процессуальных решений, судебных действий.

Казалось бы, почти все из опрошенных понимают, что адвокат собирает именно сведения, которые приобретают статус доказательства после их проверки, оценки и придания им процессуальной формы дознавателем, следователем, судом. Но дальше наблюдаются заслуживающие внимания расхождения мнений.

17% следователей, дознавателей и 5% адвокатов дают хотя относительно и небольшой, но, тем не менее, заметный процент мнений в пользу тезиса о том, что собираемые доказательства адвоката – это результаты так называемого адвокатского расследования, что по смыслу УПК РФ не так. Собирание доказательств – это понятие комплексное, охватывающее обнаружение, получение, фиксацию, изъятие и сохранение доказательств¹.

¹ Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе : учеб. пособие / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : РИО ВЮЗИ, 1972. 130 с.; Криминалистика : учебник. Ч. 1 / Винберг А.И., Комаринец Б.М., Митричев С.П., Попов В.И. и др.; под ред. А.И. Винберг, С.П. Митричева М. : Госюриздат, 1950. 304 с.

70% следователей, дознавателей считают, что никакими другими, кроме как перечисленными в ч. 3 ст. 86 УПК РФ способами, защитник не вправе собирать доказательства. С 75% адвокатов соглашались лишь 50% следователей и дознавателей в ограниченности возможностей первых участия в процессе доказывания. Лишь 40% адвокатов и 30% дознавателей, следователей усматривают ограничение доказывания усмотрением правоприменителя. То, что оставшаяся, большая часть респондентов не видит волевого фактора следователя, дознавателя, сигнализирует о том, что опрошенные лица не видят в этом какой-то проблематики и принимают как данность. Полагаем, что качество предварительного расследования под угрозой.

Мы склонны верить, что посредством социолого-правового исследования нам удалось найти системный характер кризиса, т.е. с не только с позиций участников уголовного судопроизводства, но и абстрагировано с расстояния, как бы возвысившись. Широта методов социологии права и актуальность обсуждаемой проблематики ориентируют на дальнейшую более масштабную работу.

Т.В. Куряхова

ПРОЦЕДУРА УСТРАНЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНА, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ОБЛАДАЕТ ПРИЗНАКАМИ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

На доктринальном уровне имеются основания для постановки вопроса о зарождении в рамках процедуры досудебного производства самостоятельного особого производства органов расследования по устранению выявленных судом препятствий рассмотрения и разрешения уголовного дела¹.

¹ Наименование «производство» содержится в п. 6¹ ст. 162 УПК РФ – производство следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурором следователю (дознавателю) для устранения выявленных судом обстоятельств, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела.

Прежде чем говорить о специфике особого производства, нужно прояснить некоторые условия. Во-первых, следуя в русле правовых позиций Конституционного Суда РФ¹, мы исходим из того, что возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ нацелено исключительно на устранение нарушений закона, устранение которых не связано с восполнением неполноты расследования и несовместимо с дополнительным расследованием. Отдаем себе отчет, что судами данное условие не всегда выдерживается. Во-вторых, если возвращение уголовного дела прокурору не равнозначно возвращению дела для дополнительного расследования и представляет собой особый порядок движения уголовного дела², то порядок последующей деятельности по устранению нарушений закона также является особым, не тождественным нормам о дополнительном расследовании. Как правило, исполнение указаний суда требует производства следственных и иных процессуальных действий, производство которых к компетенции прокурора не относится. Признаками особого производства обладает деятельность органов расследования по уголовному делу, переданному прокурором для исполнения указаний суда.

В отличие от ординарного расследования, разновидностью которого является дополнительное расследование, здесь, в частности, **специфичны**: *цель* – не уголовное преследование, а устранение выявленных судом конкретных нарушений закона. Отсюда, несмотря на общее предназначение целям правосудия, *особый предмет производства* – обстоятельства, препятствующее рассмотрению и разрешению уголовного дела, нашедшие отражение в его материалах; *полномочия органов следствия и прокурора по ведению производства* – у прокурора и органов расследования не восстанавливается ранее имевшееся право распоряжаться обвинением и судьбой дела в

¹ Например: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // СПС «Консультант Плюс».

² Там же.

целом. С передачей уголовного дела в суд такое право возникает и сохраняется только у суда. Следователь и прокурор ограничены предметом и объемом ранее выдвинутого обвинения (по конкретному событию и в отношении того же лица) и правовой оценкой обвинения, сложившейся до возвращения уголовного дела судом.

Ограничена процессуальная самостоятельность следователя. Действуя в пределах указаний суда, следователь не вправе принять решение в соответствии с внутренним убеждением.

Недопустима активная деятельность органов преследования по отысканию новых и корректировке недопустимых доказательств; *взаимоотношения следователя и прокурора* – прокурор обладает распорядительными полномочиями при осуществлении надзора за законностью производства следователем следственных и иных процессуальных действий и вправе давать указания на любом этапе такого производства; *установление и продление срока предварительного следствия* – срок в один месяц, отведенный для устранения нарушений закона, установлен в силу предписаний закона. Вынесения специального постановления об его установлении не требуется¹.

Продление срока производства следственных и процессуальных действий должен осуществлять не руководитель следственного органа, как это предусмотрено законом (ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ), а прокурор, реализующий возложенную на него судом обязанность по устранению препятствий к рассмотрению уголовного дела; *итоговые решения* – единственным видом окончания рассматриваемого досудебного производства, выступает (должно выступать) повторное направление уголовного дела в суд.

Порядок производства следственных и процессуальных действий, в свою очередь, также предполагает дифференциацию, обусловленную различием правовой природы оснований возвращения уголовного дела прокурору. С учетом нашего понимания существа возвращения уголовного дела для усиления обвинения, после предъявления обвинения уголовное дело должно направляться в суд, без традиционной процедуры окончания производства, где после возобновления судебного заседания продолжается судебное следствие.

¹ В основе нашего вывода лежит грамматическое и систематическое толкование ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ.

Названные элементы процессуального порядка производства следственных и процессуальных действий по уголовному делу, осуществляемого в рамках института возвращения уголовного дела прокурору, принципиально отличают такое производство от ординарного расследования.

Л.Г. Лифанова

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Многочисленные изменения действующего уголовно-процессуального законодательства принимаются под эгидой совершенствования его положений в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения доступа к правосудию, оптимизирования правоприменительного процесса. Однако в некоторых случаях попытки демократизации отдельных норм и институтов уголовно-процессуальной деятельности к запланированному результату не приводят.

В частности, производство на стадии предварительного расследования следственных действий, требующих судебного решения, усложняется для следователя (дознавателя) необходимостью приобщения к постановлению о возбуждении ходатайства перед судом дополнительных документов: например, при обыске в жилище обязательно предоставление сведений из Росреестра о собственнике данного жилого помещения, сведений из избиркома, что субъект, у которого планируется проведение обыска, не наделен дополнительными правовыми гарантиями, характеризующего на данное лицо материала. Соблюдение данных требований направлено на обеспечение конституционных и иных прав лица, в отношении которого проводится процессуальное действие. В то же время на сбор указанных документов следователь тратит около месяца срока следствия, вследствие чего достичь ожидаемых результатов обысковых мероприятий удастся далеко не всегда. Реализация полномочий лица, проводящего расследование, существенным образом усложняется, а значит, и создаются препятствия для достижения задач уголовного судопроизводства. Сказанным объясняется распространенность практики проведения «неотложных» обысков, обоснованность которых спорная.

Решение обозначенной проблемы видится в расширении границ использования электронного документооборота при производстве расследования уголовных дел. Учетные сведения в государственных и иных учреждениях и организациях повсеместно формируются при помощи информационных технологий, поэтому применение электронных форм запросов и ответов значительно сократит время для получения необходимых данных при принятии решения о производстве следственных действий.

Более того, представляется правильным предоставление следователю (дознавателю) доступа к электронным базам данных, сведения в которых не являются секретными. Например, при необходимости производства того же обыска или контроля телефонных и иных переговоров и других следственных мероприятий, проводимых по решению суда, следователь смог бы сформировать необходимый пакет документов в течение часа-двух, тем самым обеспечив соблюдение прав лица, в отношении которого проводится данное действие, не допуская при этом вынужденную волокиту при расследовании дела.

Своевременное обладание информацией о субъекте, вовлеченном в сферу уголовно-процессуальных отношений (подозреваемом, обвиняемом, потерпевшем), позволяет правильно организовать расследование, выбрать верную тактику производства следственных действий, сократить срок производства по делу.

Помимо сказанного, необходимой представляется законодательная регламентация использования в процессе расследования возможностей видео-конференц-связи. Допросы, опознания, очные ставки могут быть проведены в режиме онлайн, если следователь сочтет это целесообразным. Каждое следственное подразделение должно иметь кабинет, предназначенный для видеосеансов.

Цифровые технологии в настоящее время активно используются практически во всех сферах жизни общества. Необходимость применения их в процессе предварительного расследования (после нормативного закрепления) очевидна.

Это еще одно направление демократизации уголовного процесса, так как итогом применения электронного документооборота, видео-конференц-связи и использования цифровых баз данных будет являться повышение качества предварительного расследования, сокращение его сроков, реализация прав участников уголовно-процессуальных отношений.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В уголовном судопроизводстве следует различать процессуальные условия отдельных стадий, избрания и применения мер принуждения, производства следственных действий, а также условия процессуальной формы в целом. Несмотря на то, что законодатель неоднократно использует термин «условия», в действующем УПК его понятие не сформулировано. Между тем процессуальную значимость условий в уголовном судопроизводстве нельзя недооценивать, поскольку говорить о его качестве становится возможным лишь при соблюдении всех требований.

Пренебрежение условиями, предъявляемыми уголовно-процессуальным законом к порядку принятия решений о производстве процессуальных действий, равно как и к самому производству, может повлечь за собой наступление неблагоприятных последствий, в том числе при формировании системы доказательств по уголовным делам.

Уяснение смысловой нагрузки анализируемого понятия потребовало обращения к семантике слова «условие», философии, точкам зрения ученых. Это позволило выделить критерии (признаки), которым они должны соответствовать.

В русском языке слово «условие» употребляется в нескольких значениях, но, обобщая, можно сказать, что это требования, из которых следует исходить. С точки зрения философии условие определяется как то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие вещи, состояния, процесса, в отличие от *причины*, которая с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо (действие, результат действия), и от основания, которое является логическим условием следствия¹. Условие в отличие от причины составляет ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются².

¹ Краткая философская энциклопедия. М. : Изд. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. С. 469.

² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М. : Политиздат, 1981. URL: <http://filosof.historic.ru/enc/item/f00/s11/a001174.shtml> (дата обращения: 26.01.2021).

В теории уголовного процесса процессуальное условие относится к малоизученным понятиям и, как правило, рассматривается учеными в рамках одного из институтов уголовного процесса. В юридической литературе отмечается, что процессуальные условия есть нормативные предписания, обязывающие в установленных законом случаях получать разрешение на производство процессуальных действий; устанавливающие запреты и ограничения на совершение ряда действий, место, время или сроки. Некоторыми авторами указывается, что процессуальные условия могут быть общими и специальными, предусмотренными законом для производства отдельного процессуального действия.

Таким образом, процессуальные условия должны отвечать ряду признаков:

- а) могут быть закреплены в уголовно-процессуальном законе;
- б) могут следовать из того или иного положения закона, например избрание меры пресечения возможно лишь при условии наличия статуса обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого;
- в) могут быть общими и специальными;
- г) условия могут применяться по аналогии, например на стадии возбуждения уголовного дела применяются такие общие условия, как подследственность;
- в) несоблюдение процессуальных условий следует рассматривать как нарушение принципа законности.

Не претендуя на исчерпывающее разрешение данного вопроса и на формулирование окончательного определения рассматриваемого понятия, хотелось лишь продемонстрировать роль условий в уголовно-процессуальной деятельности и подчеркнуть, что под процессуальными условиями в уголовном судопроизводстве следует понимать такие предписания, которые направлены как на упорядочивание уголовно-процессуальной формы в целом, так и отдельных институтов, процессуальных действий и решений.

ПРАВО ЗАЩИТНИКА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Обеспечение защиты прав подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования осуществляется в том числе посредством реализации прав его защитника, среди которых указано право на представление доказательств (п. 9 ч. 1. ст. 48 УПК Республики Беларусь).

Согласно ст. 88 УПК РФ доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Источники доказательств перечислены в ч. 2 ст. 88 УПК. Следует отметить, что самостоятельно защитником могут быть представлены лишь иные документы и другие носители информации, а также материальные объекты, которые в последующем могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу.

Получение иных доказательств либо непосредственно связано с деятельностью следователя (например, получение показаний потерпевшего, свидетеля и т.д.), либо порядок их получения защитником в законе не определен.

Так, действительно, процедура представления доказательств сторонами и процедура принятия их органом, ведущим уголовный процесс, в законодательстве четко не определены. В связи с этим, с нашей точки зрения, представление доказательств защитником возможно следующими способами: непосредственное представление доказательств следователю; ходатайство перед следователем о проведении процессуальных действий, направленных на получение конкретных доказательств; представление доказательств в суде (например, приглашение свидетелей защиты в суд и др.).

В первом случае при представлении защитником конкретного доказательства следователю возможно, например, признание такового в

качестве вещественного доказательств и приобщение его к уголовному делу.

При подаче ходатайства следователю о проведении процессуальных действий, направленных на получение конкретных доказательств, защитник вправе, например, ходатайствовать о вызове на допрос лица, которое может представить сведения, относящиеся к обстоятельствам совершенного преступления. Вместе с тем при реализации данного способа представления доказательств могут возникать спорные вопросы как со стороны следователя, так и со стороны защитника. По результатам проведенного нами исследования, по мнению защитников, следователь может отказать в проведении процессуальных действий, поскольку, по его мнению, они не направлены на получение конкретных доказательств. В свою очередь следователи указывали на имеющие место факты необоснованного заявления защитниками многочисленных ходатайств.

Третий способ – представление доказательств в суде, в том числе при процедуре «депонирования показаний в суде», которая используется в ряде зарубежных государств, таких как Италия, Испания, Литва. Так, показания свидетеля получают в суде в соответствии с процессуальным порядком. На практике также нередко встречаются примеры, когда защитник приглашает свидетелей, о которых не было известно в ходе следствия, непосредственно в суд. Вместе с тем назвать данную практику положительной затруднительно: получение новой информации на стадии судебного разбирательства может повлечь затягивание сроков рассмотрения уголовного дела в суде.

Таким образом, представление доказательств защитником может осуществляться различными способами. В свою очередь проведенный анализ норм УПК показал, что право адвоката на представление доказательств в законе просто декларировано без разъяснения конкретной процедуры его реализации и требует дальнейшей научной разработки.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ, СВЯЗАННЫХ С ПРОКУРОРСКОЙ СИСТЕМОЙ

1 июля 2020 г. состоялось общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, на голосование выносилось 206 поправок. Об одной из них – о перераспределении полномочий от Совета Федерации к Президенту в порядке назначения и освобождения от должности Генерального прокурора и его заместителей – и посвящены настоящие тезисы.

Прежняя редакция Конституции РФ (п. «е.1» ст. 83 и п. 2, 3 ст. 129) о порядке назначения Генерального прокурора и освобождения его от должности, его заместителей и прокуроров субъектов РФ устанавливала следующий порядок. Генеральный прокурор и его заместители назначались на должности и освобождались верхней палатой Федерального Собрания – Советом Федерации по представлению Президента РФ. Такой же порядок существовал и в процедуре освобождения. Эти полномочия также транслировались в Федеральном законе «О прокуратуре РФ»¹.

Схожий порядок назначения существовал и в отношении заместителей Генерального прокурора, только изначально их кандидатуры подбирал и вносил Президенту сам Генеральный прокурор РФ, а затем осуществлялась описанная выше процедура.

Что же предлагают поправки к Конституции РФ в части изменения порядка назначения и освобождения от должностей Генерального прокурора и его заместителей? Они предлагают основную, решающую роль в назначении и освобождении таких высокопоставленных должностных лиц передать от Совета Федерации Президенту РФ. По новому порядку теперь Президент будет не только подбирать кандидатуры, но и сам назначать их на должности. Теперь согласия или согласования с верхней палатой Федерального Собрания не требуется. Новой редакцией Конституции РФ установлено, что такое назначение производится только «после консультаций с Сове-

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

том Федерации». Что означает добавленный термин «консультации», который понимается как получение совета, рекомендации у специалистов? Значит консультация не носит обязательного характера, а только – рекомендательный. Президенту нужно только формально соблюсти установленную процедуру и обратиться в Совет Федерации, а какое решение законодательный орган примет по рассмотренным кандидатурам – положительное или отрицательное и рассмотрит ли вообще – для назначения их на должности никакого значения иметь не будет.

А для освобождения их от должностей Президенту РФ даже за консультациями теперь не нужно ни к кому обращаться, он решает этот вопрос единолично.

Усиливает ли измененный порядок полномочия Президента РФ? Безусловно, как и уменьшает полномочия Совета Федерации. Соответственно, это приведет к снижению влияния законодательного органа страны на руководителей Прокуратуры РФ и к усилению их независимости и прокуратуры в целом.

Однако обновленные процедуры помимо значения термина «консультации» оставляют ряд других вопросов. Один из них – с кем собственно Президент будет эти консультации проводить: со всеми сенаторами, всеми комитетами или каким-то определенным комитетом? К сожалению, недавно принятые изменения в федеральный закон¹, внесенные в связи с поправками к Конституции РФ, не внесли ясность в этот вопрос.

Ю.В. Овсянников

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В каждом случае обнаружения признаков преступления в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по

¹ Федеральный закон от 09.11.2020 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 16.11.2020. № 46. Ст. 7211.

установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Стремление законодателя к расширению числа следственных действий, производство которых в стадии возбуждения уголовного дела допустимо, вполне объяснимо, поскольку на практике часто возникают ситуации, когда по поступившему заявлению или иному сообщению о преступлении в установленном законом срок и с помощью имеющихся процессуальных средств проверки не удавалось правильно установить наличие или отсутствие основания для возбуждения уголовного дела¹.

Вместе с тем очевидно, что производство отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела необходимо для проверки законности повода, установления наличия или отсутствия основания к возбуждению уголовного дела, а также отсутствия обстоятельств, исключающих производство по нему².

Для того чтобы возбудить уголовное дело, необходимо наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для того чтобы установить такие данные, требуется осуществить ряд действий, направленных на получение необходимых сведений об этих данных. Содержание такой деятельности включает комплекс мероприятий следователя либо дознавателя по производству процессуальных и следственных действий.

¹ Семенцов В.А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 42.

² Там же.

Разрешая производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, законодатель не указывает, в каких именно случаях их проведение будет обоснованно. Вместе с тем ч. 1 ст. 176 УПК РФ содержит положение о том, что осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов проводится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В части 2 указанной статьи уточняется, что данное следственное действие может быть проведено до возбуждения уголовного дела. Ранее в ст. 178 УПК РСФСР говорилось, что в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. В этих случаях, при наличии к тому оснований, уголовное дело возбуждается немедленно после проведения осмотра места происшествия.

Представляется, что и освидетельствование, и назначение экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела должны иметь место также в исключительных случаях, чтобы на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела были получены достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Однако порядок их производства законодатель сформулировал не четко и тем самым ограничил полномочия субъектов уголовного преследования на этапе проверки сообщения о преступлении.

Следует обратить внимание на то, что законодатель не одинаково подошел к условиям, позволяющим их производить до возбуждения уголовного дела. Освидетельствование до возбуждения уголовного дела он позволяет производить лишь «в случаях, не терпящих отлагательства» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). До введения в действие Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела мог быть произведен также только «в случаях, не терпящих отлагательства», а осмотр трупа – «при необходимости». Сейчас же эти обязательные условия производства данных следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении законодателем исключены из содержания соответствующих статей УПК РФ¹.

¹ Рыжаков А.П. Новые средства проверки сообщения о преступлении // СПС «Консультант Плюс».

Выходит, в настоящее время законодатель позволяет производство до возбуждения уголовного дела осмотра места происшествия, трупа, документов, предметов, получение образцов для сравнительного исследования, а равно освидетельствование, назначение (производство) судебной экспертизы и в ситуации, когда эти следственные действия не являются неотложными. Вполне уместно заключение, что таковые могут быть произведены и при отсутствии в этом необходимости.

Освидетельствование в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ производится в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия. Данные положения уголовно-процессуального закона фактически блокируют возможность производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела, так как на стадии возбуждения уголовного дела указанных участников уголовного судопроизводства еще нет. Допуская производить освидетельствование до возбуждения уголовного дела, законодатель позволяет правоприменителю нарушать конституционные права граждан. Полагаем, что сложившаяся коллизия может быть разрешена только путем внесения изменений в действующий уголовно-процессуальный закон о придании процессуального статуса заявителю, пострадавшему, очевидцу.

В судебной практике часто результаты экспертизы, назначенной на стадии возбуждения уголовного дела, сторона защиты просит исключить из числа доказательств по делу на том основании, что в соответствии со ст. 195 УПК РФ с постановлением о назначении судебной экспертизы должен быть ознакомлен подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а в стадии возбуждения уголовного дела еще нет указанных участников уголовного судопроизводства, которые вправе при назначении экспертизы реализовать права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. По нашему мнению, права участников уголовного судопроизводства при назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела нарушаются именно потому, что еще нет лиц, обладающих данным процессуальным статусом. Реализовать свои права относительно назначения и производства экспертизы участники уголовного судопроизводства могут сразу после принятия решения о возбуждении уголовного дела и признания их участниками уголовного процесса в установленном законом порядке.

Имеющиеся процессуальные средства проверки, в том числе следственные действия, которые возможно проводить до возбуждения уголовного дела, не всегда позволяют принять обоснованное решение по материалам проверки, и это, пожалуй, исключительные случаи, когда без достаточных данных, указывающих на признаки преступления, возбуждается уголовное дело.

Ж.П. Петухова

ПРИЧИНЫ НЕУСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Предварительное следствие представляет собой непрерывный этап, осуществляемый с момента возбуждения уголовного дела и заканчивающийся его окончанием. Однако часто происходит на практике, что не всегда представляется возможным установить лицо, совершившее преступление. По значительному количеству расследованных уголовных дел приняты решения о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Согласно статистическим данным Информационного центра ГУ МВД России по Иркутской области на территории Иркутской области наблюдается рост приостановленных производством уголовных дел по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Так, в 2018 г. по данному основанию приостановлено 18 943 уголовных дела, в 2019 г. – 21 598 уголовных дел, что на 2 655 уголовных дел или на 14,0%, больше аналогичного периода прошлого года. Соответственно, наблюдается рост удельного веса приостановленных производством уголовных дел на 87,7%.

В основе принятия процессуального решения о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, часто лежит причина некачественной доследственной проверки и, как следствие, принятие незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

По результатам изучения уголовных дел, возбужденных по отменным отказным материалам и по которым приняты решения о приостановлении предварительного следствия, по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, установлено, что, как правило,

уголовные дела возбуждены после неоднократной отмены прокуратурой постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Сотрудниками, проводившими доследственную проверку, не принимается достаточных мер к раскрытию преступлений, к установлению лица, совершившего преступление. В большинстве случаев осмотр места происшествия производится по истечении длительного промежутка время и без участия эксперта либо специалиста, в отдельных случаях не направляются запросы в организации для выяснения обстоятельств, связанных с преступлениями. Вопиющие факты имеют место быть, когда с момента регистрации сообщения о преступлении и до принятия решения о возбуждении уголовного дела проходят месяцы, а то и годы, что приводит к утрате доказательств.

На практике наблюдается тенденция разделения материалов, имеющих «судебную перспективу» и не имеющих «судебную перспективу». Так, например, справедливо отмечает В.Г. Ульянов, что «нежелание изначально возбуждать уголовные дела связаны, прежде всего, с отсутствием на этой стадии процесса перспективы раскрытия и успешного расследования уголовных дел»¹. С данными выводами нельзя не согласиться.

Таким образом, поскольку закон устанавливает принятие решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения, то в установленный срок необходимо проводить все мероприятия, включенные при проведении доследственной проверки.

И.И. Писаревский

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Вопросы оправданности мер уголовно-процессуального принуждения, влекущих ограничения права собственности, неоднократно становились предметом внимания научного сообщества и практикующих юристов. Актуальность этой проблемы подтверждается рядом

¹ Ульянов В.Г. Порядок приостановления уголовных дел нуждается в совершенствовании // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 198–201.

постановлений Конституционного Суда Российской Федерации (например, от 16.07.2008 № 9-П, от 31.01.2011 № 1-П, от 21.10.2014 № 25-П), основной посыл которых заключается в следующем.

Во-первых, при производстве по уголовному делу не должна допускаться подмена частноправовых механизмов разрешения споров о собственности уголовно-процессуальными, направленными на достижение публично-правовых целей. Во-вторых, должно обеспечиваться соблюдение баланса частных и публичных интересов. В-третьих, вмешательство со стороны государства в реализацию права собственности не должно быть произвольным. Данные общие тезисы уточнены Конституционным Судом РФ применительно к конкретным правовым казусам и положениям УПК РФ.

Одно из таких положений закреплено в ч. 3 ст. 115 УПК РФ и предусматривает наложение ареста на имущество лиц, не являющихся непосредственными участниками уголовного судопроизводства. Применение указанной нормы приобретает особую актуальность по отношению к лицам, находящимся в ликвидационных процедурах банкротства, в первую очередь конкурсном производстве, что обусловлено абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому с даты признания должника банкротом снимаются ранее наложенные аресты на его имущество, а наложение новых арестов и иных ограничений не допускается.

Рассматривая вышеуказанные нормы во взаимосвязи, Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.01.2011 № 1-П указал, что аресты на имущество должника не могут накладываться не только с использованием гражданско-правовых, но и уголовно-процессуальных институтов. Вместе с тем исследование общероссийской судебной практики по данному вопросу показало, что названная позиция Конституционного Суда РФ *de facto* не применяется (или применяется крайне ограничено) – органы предварительного расследования массово налагают такие аресты, а суды общей юрисдикции по жалобам заинтересованных лиц оставляют их в силе.

При этом используются различного рода аргументы, спекулирующие на особой сфере уголовного судопроизводства, его значимости, как публично-правового средства защиты прав потерпевших и так далее. В нашем регионе (Красноярский край), в частности, аресты были оставлены в силе, а ссылки на позицию Конституционного Су-

да РФ отклонены по причине того, что обвиняемый являлся не только бывшим директором юридического лица, но и его учредителем со 100% доли.

В свою очередь арбитражные суды (не безосновательно) говорят о том, что решение вопросов о правовом статусе таких арестов не относится к их компетенции, тем самым констатируя свое бессилие.

Вместе с тем полагается, что такой подход не соответствует как ранее изложенным общим критериям, выработанным Конституционным Судом РФ, так и его частной логике о недопустимости оказания преференций потерпевшим перед иными кредиторами должников, которые все в равной степени пострадали от действий обвиняемого и контролируемых им юридических лиц, но в силу субъективных обстоятельств используют различные средства правовой защиты, одни – гражданско-правовые, а другие – уголовно-процессуальные.

А.В. Полякова

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Следователь и защитник выступают важнейшими процессуальными фигурами, которые представляют сторону обвинения и защиты соответственно. Вся их процессуальная деятельность и их полномочия направлены на исполнение ими тех функций, которые определены УПК РФ.

В то же время законодатель, закрепив принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и разделив участников дела на стороны, не создал необходимого механизма действительного равенства правомочий противостоящих субъектов и тем самым не превратил участников в истинные стороны состязательного уголовного процесса.

Законодатель, закрепляя принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, полагал, что разграничение функций обвинения и защиты будет способствовать наиболее полному и всесто-

ронному исследованию материалов уголовного дела и что следователь и защитник, выполняя каждый свое предназначение в расследовании уголовного дела, достоверно установят все обстоятельства совершенного преступления и, соответственно, достигнут основного назначения уголовного судопроизводства.

Однако же принцип состязательности в уголовном судопроизводстве России приобрел совершенно иное понимание. Связано это, безусловно, с той законодательной конструкцией, которая принята в настоящее время в рамках описания процессуального положения следователя и защитника.

Отсутствие четкой законодательной регламентации, а также эффективных механизмов реализации закрепленных в законе требований относительно процессуальных возможностей следователя и защитника реализовывать свои основные функции, с целью достижения назначения уголовного судопроизводства приводит к тому, что принцип состязательности как таковой не реализуется в полной мере в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, защитник и следователь находятся не в равных процессуальных условиях относительно процесса сбора доказательств, хотя этот пункт является основополагающим в состязательном уголовном судопроизводстве. Все также превалирует обвинительный уклон при расследовании уголовных дел, что не может не сказаться на достижении истины в уголовном судопроизводстве.

Тем самым вопрос усиления состязательных начал в досудебном уголовном судопроизводстве с целью достижения основного назначения уголовного процесса, которое закреплено в ст. 6 УПК РФ¹, и реализации в должной мере функций обвинения и защиты не теряет своей актуальности.

Таким образом, несмотря на постоянный научный интерес к основам состязательности, недостаточно изученными остаются такие вопросы внедрения этого принципа в досудебное уголовное судопроизводство, как практические механизмы обеспечения равноправия сторон в уголовном процессе, участие стороны защиты в доказывании, необоснованные и немотивированные отказы следователя в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС «Консультант Плюс».

удовлетворении заявленной стороной защиты ходатайств, односторонность в расследовании уголовных дел следователем. Очевидно, что от решения перечисленных проблем зависит реальный объем полномочий участников уголовного судопроизводства, а следовательно, и возможность эффективно влиять на ход доказывания.

А.И. Ротар

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Принцип неприкосновенности личности имеет особое значение в сфере уголовного судопроизводства, что обусловлено особенностями субъектного состава и правоотношений, возникающих при расследовании и раскрытии преступления. Все действия и решения должностных лиц в ходе осуществления уголовного преследования и обвинения должны соответствовать принципу законности, быть обоснованными и справедливыми.

Неприкосновенность личности является одним из фундаментальных прав человека и гражданина, гарантированных международными правовыми актами, Конституцией РФ, отраслевым законодательством. Гарантированность и соблюдение данного принципа в целом отражают законность и обеспечение прав и свобод личности в уголовном процессе.

Возможность применения принудительных мер, ограничение свободы и личной неприкосновенности лиц, которые не признаны виновными в судебном порядке, требуют строгой законодательной регламентации и особого контроля со стороны государства.

УПК РФ устанавливает важные процессуальные гарантии принципа неприкосновенности личности. К ним относятся правила о том, что меры процессуального принуждения могут применяться только при наличии оснований, при строгом соблюдении процессуального порядка их применения, правовой режим применяемых принудительных мер должен соответствовать режиму законности с точки зрения соблюдения международно-правовых стандартов. Для применения мер процессуального принуждения необходимо, как правило, привлечение лица в качестве обвиняемого или подозреваемого. В предусмотренных законом случаях требуется получение разреше-

ния суда на ограничение свободы передвижения лица (например, для его заключения под стражу).

Задержание и заключение под стражу являются мерами уголовно-процессуального принуждения, в наибольшей степени ограничивающими права и свободы лица, подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений.

Задержание лица по подозрению в совершении преступления представляет собой неотложную меру принуждения, применяемую с целью выявления причастности или непричастности лица к совершенному преступному деянию. С задержанием лица связан комплекс процессуальных действий, часть из которых направлена на обеспечение прав и законных интересов задержанных лиц (предоставление защитника, уведомление прокурора и близких родственников, соблюдение сроков задержания), другие связаны с проверкой произведенного задержания (возможность продления срока задержания, производство личного обыска и допроса подозреваемого).

При заключении под стражу неприкосновенность личности ограничивается в наибольшей степени, прежде всего физическая неприкосновенность и личная свобода человека.

При этом государство в лице соответствующих государственных органов и должностных лиц должно принять меры к обеспечению личной безопасности арестованных, которые должны содержаться в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). Содержание под стражей не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий. Кроме того, лицам, содержащимся под стражей, должно быть обеспечено уважение чести и достоинство личности.

Государство уважает и охраняет права, свободы и законные интересы подозреваемых и обвиняемых, обеспечивает законность применения принудительных мер, обеспечивает соблюдение принципа неприкосновенности личности при производстве по уголовному делу путем неуклонного следования нормам права, в режиме законности и обоснованности.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ¹

Категория эффективности правовых предписаний традиционно находится в фокусе особо пристального внимания ученых – представителей теоретических школ права, вместе с тем интерес к изучению данной категории переживает эпоху ренессанса в уголовно-процессуальной науке², в том числе в связи с введением данного термина в ст. 6.1 УПК РФ³ и в междисциплинарных исследованиях, особенно если учесть современные достижения в области правовой рискологии, законодательного прогнозирования, появление новых технологий и видов правового мониторинга в нормотворческом процессе и т.д.⁴ По справедливому замечанию проф. А.К. Черненко и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

² Хатмуллин К.Ю. Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 13–30; Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Воронеж, 2013 С. 12–13; Муратова Н.Г., Муратов К.Д. Модель эффективности как альтернатива объективной истине (генезис концепции проф. З.З. Зинатуллина) // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 2013. С. 105; Наумов К.А. Эффективность уголовного досудебного производства: понятие, содержание, критерии // Публичное и частное право. 2019. С. 210; Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26; Морозова О.С. Критерии эффективности уголовного досудебного производства Российской Федерации // Человек и общество в нестабильном мире. 2019. С. 125–129 и пр.

³ Даровских С.М., Даровских О.И. Своевременность – как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 11–12.

⁴ Арзамасов Ю.Г. Эффективность законодательства: постановка проблемы, основные пути решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 127; Юридическое прогнозирование: науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения

Ж.В. Нечаевой, такой интерес предопределен не столько поиском решения теоретической проблемы, сколько тем, что в России заметно снизился уровень эффективности воздействия правовых норм и правового регулирования в целом¹.

Как показало проведение исследование, разрабатываемые (обновляемые) учеными-теоретиками права подходы и модели в области эффективности законодательства позволяют осветить методологические и прикладные аспекты понятия эффективности применительно к оценке законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности на различных этапах.

В частности, опираясь на формально-целевой подход к описанию рассматриваемой дефиниции, нами сформулировано понятие эффективности законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела как качественной характеристики процесса конструирования и включения в систему уголовно-процессуального законодательства таких правовых норм, а также заложенных в них правовых средств, которые способны в сложившихся социальных обстоятельствах оптимально и целенаправленно (в рамках решения специфических задач стадии) воздействовать на правовые отношения, возникающие на этапе приема, регистрации и рассмотрения первичной информации о преступлении, при минимуме ограничения прав и интересов участников таких отношений.

Условиями обеспечения эффективности законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела являются совершенство закона в технико-юридическом и содержательном смыслах, включая адекватное формулирование целевых установок уголовного судопроизводства²; целесообразность, экономичность, рациональность и реалистичность (адаптированность к параметрам внешней

при Правительстве РФ. М., 2018. С. 67–75; Ковалева В.В. Риск в контексте эффективности правового регулирования // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 180–182; Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. Проспект, 2017. С. 11–25.

¹ Черненко А.К., Нечаева Ж.В. Политика и право: проблемы эффективности. Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2008. С. 15.

² Смирнова И. Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. №. 2 (6). С. 161.

среды, приемлемость) приемов и способов правового воздействия, заложенных в уголовно-процессуальных нормах.

Представляется, дальнейшая разработка теоретико-правовых вопросов, связанных с текущей и прогнозной оценкой эффективности законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности, является перспективным направлением в исследованиях, позволит с большей степенью научной объективности прогнозировать тренды уголовно-процессуального законодательства в русле предстоящей модернизации досудебного производства.

А.Б. Судницын

ОТКАЗ ОТ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ ПРИ НАЛИЧИИ СУЩЕСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПОКАЗАНИЯХ РАНЕЕ ДОПРОШЕННЫХ ЛИЦ

Решение о проведении очной ставки относится к дискреционным полномочиям лица, ведущего производство по уголовному делу (ст. 192 УПК РФ). Рассматривая возможность осуществления указанного следственного действия, необходимо учитывать складывающуюся по конкретному делу ситуацию, которая (даже при наличии фактического основания) может привести к отказу от производства очной ставки. Кроме того, отказ от проведения обозначенного следственного действия не исключает применение иных способов устранения противоречий, коих в арсенале следователя вполне достаточно. Такие обстоятельства могут определять решение следователя о проведении (отказе от проведения) одновременного допроса двух лиц.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности сложился подход, согласно которому производство очной ставки позиционируется как обязательный способ устранения противоречий. Так, довольно распространенными являются случаи возврата прокурором уголовного дела для производства дополнительного следствия (ст. 221 УПК РФ) при установлении в ходе проверки поступившего к нему уголовного дела факта отказа следователя от проведения очной ставки (даже в том случае, если противоречия в показаниях лиц устранялись в рамках расследования иными способами).

Указанный подход представляется не просто излишне формализованным, а противоречащим охранительный направленности предварительного расследования¹. Это обосновывается следующим.

Общая уголовно-процессуальная установка. УПК РФ, детализируя основной закон государства, определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, первоочередным пунктом назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Охранительный подход к отдельным категориям лиц, вовлекаемым в уголовное судопроизводство. Принимая во внимание необходимость оказания несовершеннолетним жертвам преступлений особой заботы и помощи, потребности в специальной защите, включая надлежащую правовую защиту, обосновано стремление к минимизации участия несовершеннолетних при производстве по уголовному делу. Реализация указанной установки может быть обеспечена посредством отказа от проведения очной ставки в классическом ее представлении, что основывается на имеющихся правовых нормах (ч. 5 ст. 191, ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ). При этом рекомендуется вынести мотивированное постановление о не проведении данного следственного действия.

Предлагается использовать «альтернативную очную ставку», представляющую собой аналог традиционной очной ставки, проводимой опосредованно, путем постановки вопросов допрашиваемыми через следователя, без их личной встречи друг с другом. Достоинством данного варианта является обеспечение права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или потерпевших, возможность задать вопросы изобличающим его лицам².

¹ Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. С. 75–76, 104–109 и др.

² Судницын А.Б. Охрана психического здоровья несовершеннолетних потерпевших, свидетелей в ходе предварительного расследования и право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 148–151.

Целесообразно допустить возможность применять предложенный вариант действий не только по отношению к несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям, но и лицам, достигшим возраста совершеннолетия. Например, при производстве по уголовному делу по факту преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, совершенного в отношении женщины, в отдельных случаях возникает аналогичная потребность отказаться от проведения очной ставки, а использовать ее альтернативную форму.

К.А. Трифонова

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОМ ПОРЯДКЕ

Право потерпевшего возражать против производства дознания в сокращенной форме играет двоякую роль. Реализация данного права формирует необходимое условие производства дознания в сокращенной форме и одновременно может препятствовать данной форме расследования, в том случае, если от потерпевшего поступит возражение.

Системный анализ норм Главы 32.1 УПК РФ не дает ответа, в какой момент дознавателю необходимо выяснять мнение потерпевшего: после того, как ходатайство о сокращенной форме расследования будет заявлено подозреваемым или необходимо выяснять позицию потерпевшего до разъяснения права подозреваемому на подачу такого ходатайства. Правило обязательного уведомления дознавателем потерпевшего об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме и вынесении одноименного постановления позволяет сделать вывод о двухэтапной реализации данного права потерпевшего: первоначально происходит получение согласия, а затем обязательное уведомление в течение 24 часов о принятом решении, т.е. о производстве дознания в сокращенной форме.

Положения ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ регламентируют алгоритм действий дознавателя только после вынесения постановления о произ-

водстве дознания в сокращенной форме и до направления уголовного дела прокурору с целью утверждения обвинительного постановления. При этом в уголовно-процессуальном законе не указано, чем потерпевший может обосновать свое возражение.

Если согласие потерпевшего будет выясняться дознавателем заблаговременно, т.е. до инициирования данной формы расследования подозреваемым, то такая деятельность представляется излишней и бессмысленной. Если же уведомлять потерпевшего только о заявленном подозреваемым ходатайстве, то законодателю необходимо было бы установить срок, в течение которого потерпевший может подать свои возражения относительно процедуры расследования и только после этого дознаватель сможет вынести окончательное решение. Уведомление потерпевшего об удовлетворении заявленного подозреваемым ходатайства также бесперспективно, так как он в любой момент может прекратить производство в упрощенной форме и доступность данной формы расследования для подозреваемого ставится под сомнение. При этом права потерпевшего, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, могут быть реализованы при любой форме расследования. В этой связи стоит согласиться с мнением Н.В. Журавлевой: «...на необходимость принятия мер по сдерживанию фактора оказания влияния потерпевшего, а также иных участников уголовного судопроизводства на ход производства по уголовному делу, расследуемому с применением дознания в сокращенной форме, и уравнивания баланса частного и публичного интересов»¹.

Таким образом, необходима детальная проработка данного условия, исключающего производство дознания в сокращенной форме с целью единообразного применения либо исключение возможности по волеизъявлению потерпевшего в любой момент трансформировать форму расследования.

¹ Журавлева Н.М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020.

И.Р. Хроменков

РОЛЬ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БАЛАНСА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В юридической литературе достаточно внимания уделено роли должностных лиц государственных органов, связанной с реализацией прав и свобод участников процесса¹.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что особенностью функционирования государственных органов в области уголовной юстиции является то, что они – активные участники каждого из элементов протозащитного механизма²:

– *нормативно-правовой (легальный)*. Предусмотреть все возможные варианты поведения в силу многообразия общественных отношений в законодательных актах просто невозможно, в связи с чем ведомственные нормативные правовые акты часто усиливают существующие гарантии прав участников процесса, уточняют полномочия должностных лиц, создают не предусмотренные законом и не противоречащие ему механизмы, служащие цели минимизировать или исключить вовсе случаи необоснованного ограничения прав личности (например, перед рассмотрением судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании или о продлении мер пресечения, избираемых по решению суда, в органах прокуратуры г. Москвы как надзирающим прокурором в досудебном производстве, так и прокурором, участвующем в судебном заседании, со-

¹ Овчинников Ю.Г. Категория «личность» и ее правовое положение в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 27. С. 63–67; Зяблина М.В. Уголовно-процессуальные гарантии прав подозреваемых и обвиняемых // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3. С. 68.

² Гриненко А.В., Гуджабидзе Г.А., Потапов В.Д., Железняк Н.С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 140.

ставляется письменное заключение о законности или незаконности соответствующего ходатайства следователя);

– *институциональный*. Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве по уголовным делам – это в широком смысле жесткая иерархическая межведомственная система государственных органов и должностных лиц, здесь в некотором смысле применительно к деятельности стороны обвинения не может быть места для дискуссий, поэтому идея обжалования следователем решений и актов прокурора (например, о возвращении уголовного дела для организации дополнительного расследования, требований прокурора и др.) выглядит абсурдной и нуждается в научно обоснованной ревизии);

– *инструментарный*. Имеющийся арсенал полномочий и иные установленные законом средства (принципы, общие условия предварительного расследования). Все это имеет одну общую направленность – не допустить необоснованного уголовного преследования лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также принятию действенных и эффективных мер, направленных на своевременное начало выдвижения уголовного обвинения. Особенности инструментального компонента системы обеспечения частных и публичных интересов: 1) каждый из последующих элементов: ведомственный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль оценивают законность действий и решений, принятых тем или иным участником процесса ранее; 2) внутри ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля есть вышестоящие инстанции, если нижестоящий орган вовремя не выявит ошибку, исправить ее должен будет вышестоящий орган. При этом преимуществом не судебных форм контроля является возможность оперативной проверки законности и обоснованности принятых решений еще до поступления жалоб участников процесса, по собственной инициативе.

В юридической литературе справедливо обращено внимание на то, что только правовые механизмы защиты вне реальной практики не могут обеспечить полноту гарантий реализации законных интересов¹. В связи с чем неотъемлемой составляющей механизма системы обеспечения частных и публичных интересов в уголовном судопро-

¹ Толкачев К.Б. Интересы в праве / под ред. Г.М. Азнагуловой. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 105.

изводстве является *правоприменительный компонент*. Ее творцы и главные носители – государственные органы. Иногда существующая правоприменительная практика (следственная, прокурорская, судебная) исходит из аналогии закона: например, привлечение лица в качестве обвиняемого в порядке Главы 51 УПК РФ по аналогии с ординарным предъявлением обвинения в порядке ст. 171, 172 УПК РФ; по наблюдению автора, в некоторых межрайонных прокуратуры г. Москвы прокуроры перед направлением уголовных дел в суд перед потенциальным прекращением уголовного преследования и уголовного дела судебным штрафом изучают уголовные дела, подлежащие направлению в суд с согласия руководителя следственного органа, хотя уголовно-процессуальный закон такого согласия прокурора напрямую не предусматривает.

Таким образом, помимо задачи обеспечения, охраны, защиты и восстановления нарушенных прав участников процесса, государственные органы играют главную роль в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в досудебном производстве по уголовным делам, активно участвуя в работе каждого из элементов правозащитного механизма, что создает все условия для усиления роли государственных органов как гаранта не только публично-го интереса, но и прав и свобод человека и гражданина.

И.Н. Чеботарева, И.В. Ревина, О.С. Пашутина

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

Участники уголовного судопроизводства по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им субъективными правами. Это означает, что все вопросы, связанные с их использованием, включая объем и способы их реализации, в том числе отказ от субъективных прав, решаются управомоченным лицом по собственному усмотрению. Отказ от субъективного права есть показатель многомерности предоставленных этим правом возможностей – правомочий, и отказ – это

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

одно из них. Его можно понимать как неприятие или несогласие лица с предоставляемым ему правом, выражение нежелания им обладать и/или его использовать, прекращение его использования. Отказываясь от субъективного права, лицо выбирает один из вариантов вытекающего из наличия этого права поведения и отказывается от предоставляемого ему блага.

Можно выделить следующие формы отказа от субъективного права в российском уголовном процессе:

1. *Намеренный прямой отказ от права* имеет место как при отказе от реализации права управомоченным лицом, так и при отказе от обладания им. Субъект может не реализовывать принадлежащие ему, согласно его процессуальному статусу, права, равно как и отказаться от принадлежащего ему права, прямо заявив об этом и прекратив его своим волеизъявлением, если только это не запрещено законом. Примером данной формы является отказ обвиняемого от защитника (ст. 52 УПК РФ).

2. *Утрата права ввиду согласия на лишение права/вмешательство в право*. В данном случае лицо соглашается на действия со стороны должностных лиц, которые ограничивают его права. Например, при осмотре жилища без получения судебного разрешения при согласии на это жильцов отсутствие их возражений на ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища является фактически их отказом от него. В данном случае утрата права рассматривается как определенный результат, который наступает из-за другого юридического факта – производства следственного действия.

3. *Выбор одного права перед другим* – альтернативная форма, при которой реализация одного права является одновременно отказом от другого права. Так, если обвиняемый заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, это исключает возможность разрешения дела судом в общем порядке. Речь идет о ситуациях, когда использование одного права прекращает другое право. В этом случае субъект самостоятельно выбирает, какое право он использует, а от какого отказывается.

4. *Отказ от права в обмен на определенные привилегии* можно увидеть в так называемых особых порядках производств по уголовному делу. Так, при применении особого порядка, предусмотренного Главой 40 УПК РФ, обвиняемый отказывается от состязательного судебного разбирательства. При заключении досудебного соглаше-

ния о сотрудничестве со следствием, обвиняемый также отказывается от своего права не свидетельствовать против себя самого¹. Такой выбор, очевидно, обусловлен желанием использовать привилегии, предусмотренные законом, например назначение более мягкого наказания, сокращение времени содержания под стражей, освобождение от уплаты процессуальных издержек.

А.Ю. Чурикова

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ВОПРОСЫ ПРИОРИТЕТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ²

Вопросы защиты интересов личности, общества и государства являются центральными при определении системы координат уголовно-процессуальной деятельности прокурора. Ведь от того, как расставлены приоритеты, зависит не только правоприменение, но и общественное мнение об эффективности всей системы уголовного судопроизводства. Не случайно решение данного вопроса прямо отражено в законодательстве не только Российской Федерации, но и многих зарубежных государств. Согласно п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», целью деятельности прокуратуры в России является «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства». Таким образом, законодатель подчеркивает приоритет защиты прав и свобод личности в деятельности прокуроров. Но так ли это на практике?

Действительно, формально закреплен приоритет интересов личности, но, например, защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе всегда уступает общественным и государственным интересам. Более того, ведомственная статистика

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887 «Правовая модель деятельности прокурора как основа стратегии реформы уголовного процесса».

строится таким образом, что правоохранительные органы, включая прокуроров, фактически возглавляющих уголовное преследование, интересуется не защита прав лица, пострадавшего от преступления, а раскрытие самого преступления. Негативной стороной такого подхода является, например, ограничение доступа к правосудию, когда пострадавшим отказывают в принятии заявлений по делам, которые с точки зрения правоприменителей будут не раскрыты.

В настоящее время мы наблюдаем существенное расхождение правовой, т.е. нормативно закрепленной, и фактической, т.е. той, которая сложилась в ходе правоприменения, моделей деятельности прокурора в уголовном процессе. И решение вопроса с определением приоритетов защиты интересов является тому наглядным подтверждением. Данный дисбаланс во многом обусловлен неверным подходом законодателя к решению вопроса о защите интересов личности, общества и государства. Считаем, что речь должна идти не о приоритетах, а об установлении баланса.

Многолетняя практика показала, что государство и правоохранительные органы, в том числе прокурор, действующие от имени государства, не могут самостоятельно найти этот баланс защиты интересов в уголовном процессе. Возможно, это связано с тем, что именно государство всегда являлось и является основным игроком на уголовно-процессуальной арене, общество практически никогда не было вовлечено в уголовный процесс.

Но в настоящее время, благодаря предстоящей цифровизации уголовного судопроизводства, мы имеем уникальную возможность расширения прозрачности уголовного процесса и вовлечения общества в целом и каждой личности в отдельности в поиск и обеспечение баланса защиты интересов в уголовном судопроизводстве. Уже сейчас мы наблюдаем перемены. Многие пострадавшие либо, наоборот, подозреваемые по уголовным делам стремятся придать гласности обстоятельства расследования, обеспечить так называемый общественный резонанс, добиваясь благодаря этому защиты своих интересов.

Данные процессы не должны быть стихийными. Необходимо разрабатывать стратегию реформирования уголовного судопроизводства, направленную на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства, с учетом сложившихся тенденций по расширению прозрачности уголовного процесса.

ГЛАСНОСТЬ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Производство по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера (далее – о применении ПММХ) оправданно регулируется специальными нормами, преимущественно закрепленными в Главе 51 УПК РФ, отражающими его специфику и устанавливающими дополнительные гарантии прав лиц, к которым могут быть применены такие меры. Однако при рассмотрении судами таких дел применяются общие нормы, регламентирующие общие условия судебного разбирательства. Суды должны обеспечить баланс между гласностью и открытостью уголовного судопроизводства и правами лиц, в отношении которых ведется производство о применении ПММХ.

В настоящее время вопрос о полном или частичном закрытии судебного заседания по таким уголовным делам регламентируется нормами, закрепленными в ст. 241 УПК РФ, а его решение отнесено к дискреционным полномочиям суда. Указанная статья не закрепляет специального основания для проведения закрытого заседания по делам о применении ПММХ. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ закрытое судебное заседание может быть назначено, когда есть риск нарушения охраняемой законом тайны. По исследуемой категории дел речь чаще всего идет о медицинской тайне. Однако такая конструкция не является оптимальной, так как отсылает суд к непроцессуальным нормам и требует в каждом случае установления того, какая тайна может быть нарушена, охраняется ли она законом и надо ли для ее охраны провести судебное заседание в закрытом режиме.

Вопрос об обоснованности проведения закрытого судебного заседания по таким делам является дискуссионным в науке уголовно-процессуального права. В советский период М.С. Строгович считал излишним отказ от фундаментального принципа гласности рассмотрения таких дел, так как это может негативно сказаться на полноте, правильности и объективности судебного разбирательства¹. Уже в

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 494.

период действия УПК РФ другими исследователями высказывалась иная точка зрения, согласно которой закрытие судебных процессов по делам о применении ПММХ имеет охранительную направленность и призвано снизить негативное воздействие открытого процесса на «больную психику» лица, в отношении которого ведется такое производство¹.

Полагаем, что в УПК РФ должно быть закреплено специальное основание для проведения закрытого судебного заседания по такой категории дел. В настоящее время суд в большей степени вынужден ориентироваться не на уголовно-процессуальные нормы, а на нормы материального права, закрепленные в различных федеральных законах. Это увеличивает риск разглашения сведений о болезни лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, когда суд не усматривает оснований для проведения закрытого судебного заседания.

Внесение изменений в ст. 241 УПК РФ позволило бы лучше обеспечить право на конфиденциальность лица, в отношении которого ведется такое производство и процессуальные возможности защиты прав которого могут быть затруднены в связи с особенностями его психического здоровья.

А.И. Шмарев

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Мы отмечали ключевое значение стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве России², рассматривали усмотрение прокурора при проверке законности и обоснованности реше-

¹ Гасанова В.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 7.

² Шмарев А.И. К вопросу о роли усмотрения прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. Ч. 86. С. 154.

ний о возбуждении уголовного дела¹, а также при определении подследственности сообщений о преступлениях², принимаемых на этой стадии.

Напомним, что в данной стадии следователь или дознаватель принимают решения об отказе в возбуждении уголовного дела³, законность и обоснованность которых прокурор уполномочен проверять⁴. Обратим, как и прежде, внимание на то, что для реализации указанных полномочий прокурор истребует материалы проверки, на основании которой принято такое решение⁵.

Отметим, что законодатель разграничил сроки вынесения прокурором постановления об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела дознавателя или следователя. Незаконное и необоснованное постановление последнего прокурор отменяет в срок не позднее 5 суток с момента поступления к нему материалов проверки, тогда как срок для отмены аналогичного решения дознавателя закон не связывает с моментом поступления к прокурору соответствующих материалов.

Из этого следует, что прокурор, реализуя свои дискреционные полномочия, в любое время и независимо от момента поступления к нему материалов отменяет незаконное и необоснованное постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела.

¹ Шмарев А.И. Полномочие прокурора проверять законность и обоснованность решения руководителя следственного органа или следователя о возбуждении уголовного дела требует законодательного закрепления // Право и правоприменение в современной России : сб. ст. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2020. С. 364–368.

² Шмарев А.И. Там же. С. 155–156.

³ Пункт 2 части 1 статьи 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Подпункт 5.1 части 2 статьи 37 и часть 6 статьи 148 УПК Российской Федерации.

⁵ Прокурор истребует у органов предварительного следствия материалы проверки на основании пункта 1.3 приказа ГП РФ от 28.12.2016 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», у органов дознания – по смыслу пунктов 5 и 29 приказа ГП РФ от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

Логичным прозвучит вопрос: в чем принципиальная разница в юридической природе процессуального решения дознавателя и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела? Мы ее не усматриваем.

Следователю и дознавателю закон предоставляет равные полномочия – проводить проверку по сообщению о преступлении, ходатайствовать о продлении ее сроков, принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, предъявляет одинаковые требования – их постановления должны быть законными, обоснованными и мотивированными¹.

Тогда в чем необходимость устанавливать 5-суточный срок для отмены прокурором постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела с момента поступления к нему материалов? По нашему мнению, такая необходимость отсутствует. К примеру, закон не установил руководителю следственного органа срок для того, чтобы отменить незаконное и необоснованное постановление следователя, а также суду².

¹ Часть 4 статьи 7 УПК Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант Плюс».

² Части 6 и 7 статьи 148 УПК Российской Федерации (в ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант Плюс». К тому же, проанализировав судебную практику, с уверенностью отмечаем, что установленный в части 3 статьи 125 УПК Российской Федерации 5-суточный срок рассмотрения и принятия решения по жалобе на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с момента её поступления суд никогда не соблюдает, что даёт возможность сделать вывод о его: во-первых, непресекаемости, а во-вторых, ненужности. О том, что сроки в УПК Российской Федерации могут быть непресекаемыми, отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» и др.

О СОКРАЩЕННОМ ДОЗНАНИИ В СИСТЕМЕ УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Сложившаяся в последнее время тенденция к оптимизации уголовного судопроизводства путем его упрощения¹ способствовала введению сокращенной формы дознания. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодателем предусмотрен институт ускоренного производства².

Введя сокращенное дознание, законодателем заложен вектор в применении «энергосберегающих технологий» расследования уголовных дел³.

Еще одной составляющей упрощения процесса дознания по задумке законодателя являются ускоренные сроки ее производства.

Согласно положениям ст. 226.6 УПК РФ срок сокращенного дознания составляет 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в указанной форме до направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением, с возможностью продления прокурором срока еще на 5 суток. При этом не позднее 10 суток со дня принятия решения о производстве дознания в данной форме должно быть составлено обвинительное постановление.

Поддерживая стремление законодателя в применении ускоренных производств, упрощении процедур расследования, оптимизации уголовного процесса, тем не менее, хотелось бы высказать сомнения по поводу отнесения сокращенного дознания к производствам, спо-

¹ Якубова С.М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 35–39.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.

³ Аширбекова М.Т. О некоторых новеллах в нормативной регламентации производства с досудебным соглашением о сотрудничестве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 18.

собствующим процессуальной экономии сил и средств органов предварительного расследования, освободив их для расследования тяжких и особо тяжких преступлений. Ведь дознание априори есть упрощенная форма расследования. Обратившись к срокам дознания по УПК РФ в редакции от 18.12.2001, отметим, что «скорость разрешения конфликта», т.е. срок дознания, в обычном порядке составлял 15 суток с возможностью продления прокурором не более чем на 10 суток.

В 2003 г. законодатель вновь обратил свои взоры на сроки дознания, увеличив их. Так, Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ установлено, что дознание должно производиться в течение 20 суток со дня возбуждения уголовного дела с возможностью продления срока прокурором до 10 суток¹.

В действующей редакции производство дознания значительно усложнено. Эта форма расследования максимально приближена в сроках, объеме производимых следственных и процессуальных действий, к предварительному следствию. У процессуалистов и практических сотрудников реализация сроков сокращенного дознания вызывает справедливые нарекания, так как заложенный в законе срок на практике не является «сокращенным». Так, по мнению Е.В. Ларкиной, по 46% дел, расследованных в сокращенной форме, общий срок составил более двух месяцев², что никак нельзя отнести к ускорению процедуры расследования.

Полагаем, что упрощение дознания есть благо для уголовного процесса, однако сроки дознания требуют пересмотра для их оптимизации.

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

² Ларкина Е.В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Криминалист. 2014. № 1. С. 105–110.

И.А. Абрамов

КОНТРАКТ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ядром оперативно-розыскной деятельности (ОРД) является негласное содействие в рамках ОРД граждан органам, осуществляющим борьбу с преступностью.

В истории Российского государства содействие граждан правоохранительным органам вменялось в их обязанности, несмотря на возраст, должностное и социальное положение, отношение к религии и наличия религиозного звания. При созданной Сысковой полиции (XIX в.) появились постоянные вольнонаемные агенты, за работу которых выплачивалось денежное вознаграждение. В советское время деятельность граждан, оказывающих негласное содействие органам, осуществляющим ОРД, была засекречена, однако не утратила своего предназначения¹.

Современный этап негласного содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, начался с принятием Закона РФ от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором впервые в практике осуществления ОРД на государственном уровне открыто было признано негласное содействие органам, осуществляющим ОРД, а граждане, оказывающие содействие, получили социально-правовые гарантии со стороны государства.

В настоящее время негласное содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, регулируется целым рядом законов, основным из которых является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ об ОРД). В ст. 17

¹ Абрамов И.А. Историко-правовая характеристика негласного содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в исправительных учреждениях, на контрактной основе // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников : в 8 т. М., 2017. С. 70–76.

ФЗ об ОРД законодатель указал основания для заключения контрактов с гражданами, оказывающими негласное содействие.

Контракт в ОРД есть разновидность договора, волевого соглашения об установлении прав, обязанностей, ответственности между оперативным подразделением и гражданином, признающего названное содействие с профессиональной деятельностью.

Как правило, контракты с гражданами заключаются на долгосрочной период времени, что требует от оперативных подразделений выполнения ряда гарантий в виде социальной и правовой защиты, установленных ст.18 ФЗ об ОРД. Анализ механизма реализации положений этой статьи в процессе практического их осуществления дает основания полагать, что ряд положений закона носят в большей мере декларативный характер.

Опрос сотрудников оперативных подразделений показал, что содействие граждан по контракту является самым эффективным способом борьбы с преступностью – так ответили 100% респондентов. Однако на практике данный вид взаимодействия отчасти превратился в формальную работу, выражающуюся в поддержание статистической численности контрактов – указано у 80% респондентов. Опасения за жизнь и здоровье граждан, оказывающих содействие по контракту, выявлены у 75% респондентов. Как следствие, сотрудниками оперативных подразделений (около 78%) высказано предложение о дополнительном виде негласного содействия граждан – информаторы (осведомители), которые дадут возможность более эффективно выбирать и использовать источник оперативно значимой информации. Так, США, Германия, Франция и другие страны исторически показали эффективность использования информаторов (осведомителей).

На наш взгляд, тенденция развития негласного содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, заключается в возможности законодательного закрепления института информаторов (осведомителей), получающих денежное вознаграждение исключительно за результативную, ценную оперативно значимую информацию.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время достаточно большое внимание уделяется вопросам науковедения, в частности учету публикационных показателей, цитируемости и пр. Это, видимо, должно стимулировать деятельность ученых, определять критерии оценки их работы, однако, по нашему мнению, на практике это приводит к «размыванию» науки, когда в погоне за показателями публикуются откровенно слабые работы, не имеющие никакой научной ценности. В этой непростой ситуации следует задуматься о современных перспективах развития теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В 1960-е гг., когда закладывались основы теории отечественной ОРД, существовало всего две научные школы – школа КГБ СССР и школа МВД СССР. Это было обусловлено тем, что только эти два субъекта осуществляли ОРД на практике и, подводя под нее теоретическую базу, в силу своей обособленности друг от друга, пошли каждый своим путем. Это положение дел сохранялось до обусловленного концом СССР преобразований в сфере ОРД, повлекших возникновение новых субъектов, уполномоченных на ее осуществление. Вновь организованные структуры развивали свою, ведомственную теорию ОРД, причем, в зависимости от того, на базе какого субъекта (КГБ или МВД) создавалась та или иная служба, зависело и направление развития формируемой ведомственной теории ОРД. Так, следует признать, что пенитенциарная система, являясь ранее частью МВД СССР, переняла основные черты ее научной школы, лишь переработав некоторые аспекты с учетом специфики деятельности в современных условиях. Представляется, что аналогичная ситуация сложилась и в других ведомствах.

Какую же картину мы видим сейчас? Теория ОРД раздроблена, разобшена на ведомственные теории, развиваемые исключительно в целях решения задач, диктуемых практикой работы того или иного субъекта ОРД. Разумеется, научное обеспечение потребностей практических оперативных подразделений важно и нужно, но, к сожалению, следует констатировать тенденцию к замедлению развития собственно теории ОРД в широком смысле. Здесь необходимо упо-

мянуть огромную работу, проделанную профессором А.Ю. Шумиловым, пятитомная монография «Оперативно-разыскная деятельность в Российской Федерации» которого охватывает вопросы развития ОРД именно в масштабе России, без деления на частные теории. Он неоднократно говорил о пагубности исключительно ведомственного развития теории ОРД, о необходимости издания более подробного закона, регламентирующего деятельность оперативных подразделений всех субъектов ОРД – «Оперативно-разыскного кодекса». Также нельзя не назвать проект указанного кодекса, разработанный профессором В.Ф. Луговиком¹ и внесенный в Государственную Думу Российской Федерации. К сожалению, проект был не поддержан субъектами ОРД при рассмотрении его на уровне Правительства РФ, что, по нашему мнению, говорит о необходимости популяризировать научные позиции упомянутых нами ученых, «готовить своих сторонников». Однако после 2018 г., после ухода из жизни профессора А.Ю. Шумилова и прекращения выпуска журнала «Оперативник (сыщик)», работы ученых, разрабатывающих проблемы ОРД, даже имеющие значение для развития ее общей теории, остаются неизвестными для большинства исследователей.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в налаживании межведомственных связей, организации и проведении межведомственных научно-представительских мероприятий, позволяющих осознать необходимость совместных научных исследований в области теории ОРД и публикации их результатов.

¹ Луговик В.Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-razysknoy-kodeks-rossiyskoy-federatsii-avtorskiy-proekt-federalnogo-zakona/viewer> (дата обращения: 06.01.2021).

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ВСЕОБЩЕЙ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В 1869 г. швейцарский ученый Фридрих Мишер выделил молекулу ДНК². В 1944 г. установлено: молекула ДНК содержит и передает наследственную информацию³. В 1985 г. англичанин Алек Джеффрис открыл уникальный способ идентификации личности по молекуле ДНК⁴. В первые годы ДНК-идентификация проводилась с помощью мультилокусных проб (так называемых VNTR-локусов), результаты которой проявлялись в виде радиоавтографов на рентгеновской пленке. Для обеспечения достоверности результатов исследования для целей идентификации стали использоваться более короткие тандемные повторы ДНК – STR-локусы⁵, с помощью которых к 2009 г. были созданы автоматизированные базы ДНК, в частности система CODIS (Combined DNA Index System) в США. В 2016 г. Институтом биохимии и генетики Уфимского федерального исследовательского центра РАН «разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеоти-

¹ Данная работа проведена в рамках выполнения гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности».

² Аминев Ф.Г., Чемерис А.В., Анисимов В.А., Сагитов А.М., Гарафутдинов Р.Р., Сахабутдинова А.Р., Хуснутдинова Э.К., Чемерис А.В. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы // Биомика [Электронный рецензируемый журнал]. Уфа : УФИЦ РАН, 2019. Т. 11, № 3. С. 283.

³ Avery O.T., MacLeod C.M., McCarty M. Studies of the chemical nature of the substance inducing transformation of pneumococcal types. Induction of transformation by a desoxyribonucleic acid fraction isolated from *Pneumococcus* Type III. *J. Exp. Med.* 1944. V.79 (2). P. 137–158. DOI: 10.1084/jem.79.2.137.

⁴ Jeffreys A.J., Wilson V., Thein S.L. Individual-specific 'fingerprints' of human DNA // *Nature*. 1985. V. 316 (6023). P. 76–79. DOI: 10.1038/316076a0.

⁵ STR-локус – участок ДНК, состоящий из следующих друг за другом повторяющихся нуклеотидных звеньев с некоторой общей последовательностью длиной от 3 до 5 нуклеотидов.

дов в каждом снипе (SNP-локусе¹), обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных ДНК»².

Предлагаем технологию всеобщей геномной регистрации населения на базе снипов, состоящую из этапов:

1. Забор образцов ДНК производится путем взятия мазков защечного эпителия или 5 мл венозной крови.

2. Выделение ДНК из крови, мазков защечного эпителия производится стандартным методом для экстракции ДНК (на оборудовании отечественного производства ООО «Синтол»-«К-Сорб», с набором реагентов для выделения ДНК на сорбенте) и с применением автоматических экстракторов ДНК.

3. Таргетное секвенирование соответствующих локусов генома человека (STR + SNP (ОИП)) производится путем мультиплексной амплификации выбранных участков в ДНК-термоциклере (АНК-32 производства «Синтол») и последующего их секвенирования в полногеномном секвенаторе (Нанофор-СПС производства «Синтол»). По завершению процесса программное обеспечение прибора удалит лишние нуклеотидные последовательности и выдаст около 7,5 млрд нуклеотидов в формате FASTQ, после чего дополнительное программное обеспечение распределит полученные данные по конкретным людям (до тысячи человек за одну загрузку прибора) за счет использования на стадии пробоподготовки специальных индексов.

4. ДНК-идентификация личности на данном этапе будет проводиться с помощью секвенирования генетическим секвенатором Нанофор-5 производства «Синтол» после пробоподготовки и мультиплексной амплификации. После завершения анализа соответствующее программное обеспечение переведет данные в нужный формат для хранения и сравнения с имеющимися в базе данных.

¹ SNP-локус – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

² Аминев Ф.Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 97.

А.Т. Анешева

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА
ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ
О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СОПРЯЖЕННЫХ
С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ
ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Согласно статистическим данным за 2017 г. на территории Российской Федерации по ч. 5 ст. 159 УК РФ было осуждено 58 человек, по ч. 6 ст. 159 УК РФ – 13 человек и по ч. 7 ст. 159 УК РФ – 11 человек, за 2018 г. этот показатель составил 69; 34; 4 человека соответственно. В 2019 г. было осуждено, соответственно, 75; 35; 19 человек. В первом полугодии 2020 г. этот показатель составил 32, 14 и 5 человек соответственно¹.

В ходе расследования в сфере экономической деятельности нередко существенное затруднение вызывает производство первоначальных следственных действий, проводимых непосредственно после принятия решения о возбуждении уголовного дела и в силу условий временного и информационного дефицита, в которых находится следователь, требуют разработки тактико-криминалистических рекомендации по их проведению. В частности, заслуживает внимания исследование вопроса определения предмета допроса по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 5–7 ст. 159 УК РФ.

Круг лиц, подлежащих допросу в качестве подозреваемых по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, определен категорией, относимой к специальным субъектам – индивидуальные предприниматели и (или) собственники, руководители коммерческих организаций и их представители, а также лица, входящие в состав организованной группы, не

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2019 год. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в первое полугодие 2020 г. (дата обращения: 19.11.2020).

являющиеся таковыми, но объединившиеся для совершения одного или нескольких преступных деяний.

При допросе указанных лиц в качестве подозреваемых необходимо выяснить: с какого времени допрашиваемый зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя или назначен на должность руководителя коммерческой организации, какие функции выполняет, каким документом регламентирован их перечень; при совершении преступления двумя и более лицами установить факт заблаговременного объединения в целях совершения одного или нескольких преступлений, роль каждого соучастника, давность знакомства, историю сотрудничества; перечень видов осуществляемой деятельности, наличие лицензии при условии обязательного лицензирования деятельности; технология заключения договоров. Кроме того, нужно установить: осуществляет ли допрашиваемый данную деятельность самостоятельно, принимает ли итоговое решение в каждом случае заключения договоров; при заключении интересующего правоохранительные органы договора намеревался ли допрашиваемый выполнять его условия; в случае первоначального частичного исполнения допрашиваемым договорных обязательств установить причину и цель выполнения, имелась ли цель придания законности своим действиям и таким образом ввести в заблуждение другую сторону договора; имелись ли средства на выполнение условий договора на момент его заключения; обстоятельства и условия заключения договора.

Нами рассмотрены лишь некоторые аспекты допроса подозреваемого по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Полагаем, что сформулированные рекомендации могут быть использованы при подготовке к допросу в условиях временного и информационного дефицита, присущего первоначальному этапу расследования рассматриваемых деяний.

А.И. Баянов

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВЫХ И ИЗМЕНЯЕМЫХ ФАКТОРОВ ПРИ ПРИНЯТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОПРОСА

Допрос состоит из двух взаимосвязанных частей: мыслительной (внутренней) и действенной (внешней).

Мыслительную часть допроса следует рассматривать в качестве управляющей, ведущей по отношению к действующей (операционной). Итогом мыслительной части допроса являются принятие процессуальных и криминалистических решений. На особенностях оценки исходных оснований при принятии последних мы остановимся подробно. Исходные основания при принятии криминалистических решений в процессе допроса образуют совокупность реально действующих факторов. По своей природе факторы могут быть разделены на две группы: устойчивые и изменяемые. На необходимость данного разграничения обращает внимание Т.С. Волчецкая, выделяя «переменные и константные факторы, характеризующие следственную обстановку¹».

Разделение факторов на две группы обусловлено особенностями их оценки в процессе принятия криминалистических решений. К устойчивым факторам, влияющим на принятие решений, относятся такие, которые на протяжении следственного действия не меняют качественные характеристики и остаются относительно устойчивыми. В процессе подготовки и при проведении допроса к ним относятся: 1) личностные особенности допрашиваемого лица и других участников допроса; 2) процессуальный статус допрашиваемого лица; 3) коммуникативные особенности допрашивающего; 4) промежуток времени между началом, окончанием восприятия допрашиваемым лицом события и началом допроса; 5) уровень информационной осведомленности допрашивающего относительно обстоятельств, входящих в предмет допроса; 6) организационные, временные, тех-

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия / под ред. Н.П. Яблокова. Москва ; Калининград, 1997. С. 99.

нические возможности повышения дознавателем и следователем уровня осведомленности.

К группе факторов, которые в процессе допроса подвергаются качественному изменению, можно отнести следующие: 1) вид установки допрашиваемого лица по отношению к целям допроса; 2) демонстрируемое отношение допрашиваемого лица к дознавателю и следователю; 3) наличие или отсутствие противодействия со стороны других участников допроса поставленным целям следственного действия. Совокупность изменяемых факторов можно рассматривать в качестве ситуации допроса, принимая во внимание то обстоятельство, что определяющим свойством ситуации является динамический (изменяемый) характер.

Оценка факторов в процессе принятия решений направлена на определение их влияния на достижение целей допроса. В процессе допроса все факторы, влияющие на достижение целей допроса, необходимо разделить на три вида: благоприятные, неблагоприятные и нейтральные. Принимаемые решения направляются на поддержание и развитие благоприятных факторов и преобразование неблагоприятных в разряд благоприятных или нейтральных. Таким образом обеспечивается достаточность и благоприятность основания для реализации целей допроса.

Оценка степени влияния того или иного фактора на результативность зависит от его природы. Устойчивые факторы подлежат только текущей, на данный момент принятия решения, оценки, так как они в процессе допроса не меняют своего качества. Иной подход необходим при оценке изменяемых (динамических) факторов. Их оценка не может быть только на уровне текущего состояния. При оценке таких факторов следует учитывать возможные варианты предполагаемых изменений и по возможности определять степень вероятности возникновения каждого из вариантов.

Таким образом, оценка изменяемых факторов носит текуще-перспективный характер. Оценка факторов, влияющих на принятие решения в процессе допроса, завершается разделением их на две группы: существенные и несущественные. Существенные факторы закладываются в основании принятия решения, несущественные в расчет не принимаются.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Проблема противодействия расследованию приобрела особенную актуальность и остроту, поскольку затрудняет расследование и рассмотрение уголовных дел, негативно сказывается на сроках следствия, препятствует исследованию доказательств, что ведет к прекращению уголовных дел, сокращению доказательственной базы, вынесению оправдательных приговоров. Данной проблеме посвящены труды Р.С. Белкина, А.Ф. Вольнского, Г.Г. Зуйкова, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина, С.Ю. Журавлева, Э.У. Бабаевой и др.

На наш взгляд, уже сейчас существует проблема применения разработанных средств, приемов и способов погашения противодействия на практике, так как возникают определенные сложности. Во-первых, нет единой позиции между криминалистами, как практиками, так и теоретиками, поскольку одни считают, что это частная криминалистическая теория (И.В. Тишутина и др.), другие называют криминалистическим учением, входящим в эту теорию (В.Н. Карагодин и др.). Во-вторых, существуют серьезные законодательные, финансовые, материально-технические ограничения по применению разработанных средств, несоблюдение которых приведет к тому, что дело просто развалит опытные юристы и адвокаты. Нам представляется, что для повышения эффективности усилий практических работников в этом плане важное значение имеет: знание способов противоправного влияния на процесс расследования; финансовое, материальное и техническое обеспечение этой деятельности; законодательное закрепление возможностей их применения и расширение прав должностных лиц, преодолевающих противодействие расследованию. Анализ показал, что рассуждения ученых сводятся к изучению методов, способов и приемов только оказываемого противодействия, а вопросам практического преодоления этого противодействия уделяется мало внимания. Наиболее эффективными методами преодоления противодействия на практике являются следующие методы: 1) оперативно-розыскного характера: снятие информации с технических каналов связи, обеспечение мер безопасности заявителя и свидетелей; 2) криминалистического характера: по-

вторные и детальные допросы отдельных участников расследования, разъяснение возможностей экспертиз; 3) процессуального характера: своевременное изменение меры пресечения на более жесткую; 4) организационно-управленческого и психологического характера: постановка на контроль хода расследования у вышестоящего руководства, получение письменных указаний о выполнении конкретных действий, передача расследуемого дела другому следователю; 5) тактического характера: проведение следственных действий при соблюдении правил тактических приемов и норм права, чтобы при обжаловании в досудебном производстве, в суде и у прокурора не возникло сомнений при получении доказательств¹.

Преодоление противодействующих факторов включает в себя множество приемов и комбинаций, направленных на устранение противоправно создаваемых препятствий осуществлению объективного судопроизводства. Многие из них во многом несовершенны, не отвечают в полной мере потребностям практики. Их основной недостаток состоит в том, что они рассматриваются в отрыве от условий типичных следственных ситуаций, в которых должно преодолевать-ся противодействие². На наш взгляд, все это говорит о необходимости дальнейшего развития криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию, и, в первую очередь, не в плане развития теоретических положений, а в плане реального применения на практике методов, приемов и средств преодоления противодействия оказываемого участниками уголовного судопроизводства.

¹ Бойко Ю.Л., Гавло В.К. Особенности методики расследования корыстно-насилованных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД. БЮИ МВД России, 2009. С. 113–114.

² Карагодин В.Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 241–252.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

В литературе взаимодействие чаще всего понимается как взаимоотношение субъектов, требующее выполнения предусмотренных их правовым статусом взаимообусловленных действий в связи с расследованием преступлений с помощью имеющихся в их распоряжение средств, согласовывая, при необходимости, свои действия в зависимости от конкретных следственных ситуаций¹. Формы взаимодействия понимают различно: как «совместную деятельность... при производстве следственных действий»², «комплекс совместных, согласованных действий следователя и органа дознания»³.

К таким определениям формы следует относиться критически, так как фактически речь идет о ее содержании. Дискуссионным является и отнесение к формам взаимодействия оперативно-розыскного обеспечения органами дознания процесса расследования⁴. Наиболее верно представляется форму взаимодействия следователя с иными субъектами определять как способ связи, построения и проявления согласованной деятельности лиц⁵. В литературе достаточно

¹ Князьков А.С., Польгергт А.В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 188.

² Данилкин И.А. Взаимодействие следственных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 2010. С. 52–53.

³ Гордин А.В. Взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 20.

⁴ Берестнев М.А., Головин А.Ю. Методика расследования разбойных нападений на автодорогах. М., 2012. С. 112.

⁵ Герасимов И.Ф. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания при расследовании особо опасных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 130.

полно освещен вопрос о формах рассматриваемого взаимодействия¹. Чаще всего называют следующие формы взаимодействия: составление единого согласованного плана; обмен информацией; производство следственных и розыскных действий по поручению следователя; совместное обсуждение результатов следственных и оперативно-розыскных действий; совместное обсуждение профилактических мер; отчеты оперативных работников, следователей и экспертов перед руководителями соответствующих подразделений о выполнении плановых мероприятий.

С учетом положений криминалистической систематики специфическое содержание форм взаимодействия может быть раскрыто через их классификационные системы². Назовем основные из них: в зависимости от нормативной регламентации выделяют процессуальную и непроцессуальную (организационную) формы взаимодействия³. В зависимости от содержания деятельности взаимодействующих лиц называют информационные и «деятельные» формы взаимодействия⁴. В зависимости от продолжительности взаимодействия различают постоянно действующие и временные формы⁵. Не менее важное теоретическое и практическое значение имеет выделение форм

¹ Бурнашев И.А. Взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел // Криминалистика : учеб. для вузов МВД России. Волгоград, 1994. Т. 2. С. 260–261.

² Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 57 с.

³ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учеб. для вузов. М., 2004. С. 497; Бастрыкин А.И. Взаимодействие следователя и органа дознания // Криминалистика : учеб. М., 2001. С. 84–85.

⁴ Скогорева Т.Ф. Основные направления организации взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, способствующего повышению эффективности расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 96.

⁵ Головин А.Ю. Взаимодействие следователя с субъектами расследования преступлений. Использование помощи общественности // Криминалистика : учеб. для студ. вузов / под ред. А.Ф. Волинского, В.П. Лаврова. 2-е изд. М., 2009. С. 540.

взаимодействия в зависимости от инициатора взаимодействия: следователь, руководитель оперативно-розыскного подразделения и т.д.¹

Наличие большого количества критериев классификации форм взаимодействия следователя с иными субъектами процесса расследования позволяет более точно определить содержание криминалистического взаимодействия, так как оно продолжает выступать одним из важнейших факторов эффективного расследования того или иного преступления.

А.И. Винокуров

ОПЕРАТИВНО ЗНАЧИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И КАМНЕЙ

Важным элементом оперативно-розыскной характеристики (ОРХ) преступления является оперативно значимое поведение (ОЗП), включающее сведения о способе его совершения в совокупности с механизмом преступного поведения и его признаками, последствиями и оставляемыми следами². Не являются исключением и преступления в сфере оборота драгоценных металлов и камней (ДМК), оставаясь актуальной проблемой научного познания и практики расследования.

Проведенные нами эмпирические исследования по материалам архивных уголовных дел и дел оперативного учета, находившихся в производстве органов внутренних дел Республики Саха (Якутия), анализ результатов анкетирования оперативных сотрудников позво-

¹ Скогорева Т.Ф. Основные направления организации взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, способствующего повышению эффективности расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 97.

² Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 72.

лили сформировать типовые модели ОЗП фигурантов и его зависимость от способа совершения преступления.

Во-первых, установлено, что в 70% случаев безлицензионной добычей ДМК занимаются лица мужского пола из числа местного населения некоренной национальности, имеющие опыт работы в добывающих предприятиях. ОЗП таких лиц связано со способом добычи ДМК преимущественно на заброшенных шахтах и реализацией похищенного через проверенных скупщиков. При этом одним из методов прикрытия противоправной деятельности является их занятие мелким предпринимательством, например ремонт обуви, бытовой техники, открытие магазинов, оборудованных весами для скупки похищенных ДМК. Наблюдения показали, что лица, занимающиеся вывозом незаконно добытых ДМК за пределы Якутии и последующей их реализацией, используют преимущественно федеральные автомобильные дороги «Колыма» и «Лена», менее подверженные проверкам в отличие от воздушного или железнодорожного транспорта. Изучение информации, поступающей от источников конфиденциального содействия, подтвердило, что конечными потребителями незаконных поставок ДМК являются предприятия Республики Армения и Китайской Народной Республики.

Во-вторых, установлено, что на территории Якутии хищения таких ДМК, как золото и алмазы, могут совершаться в процессе их лицензионной добычи, обогащения, переработки и сортировки. Типовая модель ОЗП по указанным способам хищений преимущественно представлена моделью поведения лиц из числа приезжего населения, владеющих узкопрофильными рабочими профессиями, занятыми непосредственно на производстве. Хищения часто совершаются ими по предварительному сговору. Так, в марте 2016 г. в Оймяконском улусе Якутии на участке автодороги «Колыма» был задержан гражданин «А», уроженец Ингушетии, у которого в ходе досмотра было изъято рудное золото стоимостью около 2 млн руб. В ходе дальнейших ОРМ были задержаны и другие фигуранты дела: гражданин «Б», уроженец Дагестана, предприниматель, осуществлявший строительные и взрывные работы, а также гражданин Украины «С», числившийся рабочим данной организации. Данная группа лиц в период работы на руднике ЗАО ГРК «Западная», предварительно сговорившись, похитила рудное золото для дальнейшего незаконного сбыта. По месту их проживания были изъяты незаконно

хранящиеся оружие и боеприпасы, что подтверждает степень организованности группы и формирования ОЗП.

Таким образом, существенной особенностью преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней является прямая зависимость оперативно значимого поведения от способа его совершения, формирующего в дальнейшем его механизм. Своевременное установление типовых моделей оперативно значимого поведения фигурантов является значимым элементом оперативно розыскной характеристики преступлений в указанной сфере, влияющей на эффективность работы оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов.

Д.Ю. Волков

О СООТНОШЕНИИ ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА И ТАКТИЧЕСКОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ

Главной целью допроса является получение значимой информации по расследуемому уголовному делу путем осуществления комплекса познавательных и удостоверительных операций. Под комплексом операций, как правило, подразумевают тактические приемы, используемые следователем. Давая дефиницию данного явления, профессор С.П. Митричев говорил о нем как о законном и наиболее целесообразном действии или поведении лица, производящего расследование, для достижения эффективных результатов при проведении того или иного процессуального действия¹.

Одно из наиболее развернутых определений тактического приема предлагает Е.О. Москвин, который раскрывает его как рациональный и допустимый способ действия, свободно избираемым субъектом криминалистической тактики в зависимости от особенностей следственной ситуации, направленный на преодоление противодействия со стороны лиц, имеющих иные интересы, чем у субъекта криминалистической тактики².

¹ Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики. М., 1965. С. 9.

² Москвин Е.О. Тактический прием. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 19.

Однако, несмотря на довольно содержательное определение, Е.О. Москвин сужает понятие тактического приема, раскрывая его через противодействие со стороны допрашиваемого лица, совершенно не беря в расчет то, что даже в отсутствии конфликтной ситуации лицо, осуществляющее допрос, продолжает в ходе него использовать те или иные тактические приемы.

Близким к «тактическому приему» по своей правовой природе представляется термин «тактическая рекомендация». Позиции идентичности данных явлений придерживаются такие авторы, как В.И. Комиссаров, А.Н. Васильев и др. Последний предлагает следующую дефиницию: «Тактический прием – это рекомендация, разработанная на основе специальных наук, а также обобщения следственной практики для применения логических методов познания в специфических условиях расследования, формирования психологии отношений следователя с участниками следственных действий, организации планомерного расследования в целом, успешного собирания доказательств в рамках уголовно-процессуальных норм»¹.

Однако, по нашему мнению, ставить знак равенства между «тактическим приемом» и «тактической рекомендацией» не совсем корректно. Если обратиться к словарю С.И. Ожегова, то термин «прием» определяется как «способ в осуществлении чего-нибудь», а рекомендация – как «совет, пожелание»². Таким образом, «тактическая рекомендация» указывает основное направление деятельности, а «тактический прием» – конкретный способ достижения поставленной цели.

А.И. Баянов, давая характеристику «рекомендации», указывал на ее идеализированность, т.е. ее следует применять в «эталонной» ситуации, а «прием», в свою очередь, должен реализовываться в ходе производства конкретного следственного действия³, с чем необходимо согласиться.

Итак, по мнению автора, «тактическая рекомендация» и «тактический прием» соотносятся как общее и частное. Рекомендация представляет собой научно обоснованный и апробированный практикой совет по избранию и применению оптимальных тактических

¹ Васильев А.Н. Следственная тактика. М. : Юрид. лит., 1976. С. 32.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1989. С. 542, 623.

³ Баянов А.И. Информационное моделирование в тактике следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., [Б. и.] 1978. С. 15.

средств (тактических приемов и комбинаций) в той или иной типичной ситуации¹.

С.Э. Воронин

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Основным и весьма значимым моментом в деятельности пограничных органов ФСБ России является введение в процесс доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности уже непосредственно в качестве доказательств. В соответствии с п. 18 Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, результаты оперативно-розыскной деятельности могут представляться в виде обобщенного официального сообщения (справки-меморандума) или в виде подлинников соответствующих оперативно-служебных документов.

Сведения оперативно-розыскного характера, содержащиеся в справках-меморандумах, безусловно, важны для органов предварительного расследования. Однако содержащаяся в них информация носит лишь ориентирующий характер и в уголовно-процессуальном доказывании использоваться не может, поэтому мы согласны с мнением В.И. Зажицкого, что «оперативные работники должны руководствоваться п. 8 Инструкции, в соответствии с которым представление подлинников таких документов следует считать обязательным»².

При получении материалов предварительной (доследственной) проверки следователь (дознатель) должен учитывать, что, во-

¹ Якушин С.Ю. Тактические решения следователя и средства их реализации при расследовании преступлений: исходные положения частной криминалистической теории // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 241.

² Зажицкий В.И. Трудности предоставления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 37–38.

первых, «перечень оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», является исчерпывающим и, в некоторых случаях, на их производство должно быть получено судебное разрешение»¹, во-вторых, что представляемые материалы должна сопровождать информация о времени, месте и обстоятельствах изъятия в ходе оперативно-розыскной деятельности предметов и документов, получения видео- и аудиозаписей, кино- и фотоматериалов, копий и слепков, а также описание индивидуальных признаков указанных предметов и документов. И хотя «результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основой для формирования всех видов доказательств и условно разделяются на три группы: материальные носители информации; протоколы, акты, составляемые при проведении мероприятий, которые выступают в качестве иных документов; сведения идеального (или личностного) характера»², – некоторые авторы отмечают, «что чаще всего результаты оперативно-розыскной деятельности вводятся в уголовный процесс в качестве таких доказательств, как „документы“ и „вещественные доказательства“»³.

Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий оперативный работник или лицо, оказывающее ему содействие, может лично наблюдать событие, быть свидетелем обстоятельств, имеющих значение для дела и входящих в предмет доказывания. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что при оценке допустимости доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности и введении их в процесс доказывания непосредственно в качестве вещественных доказательств и документов, важно соблюдать ряд условий, одним из которых является законность проводимых мероприятий.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» п. 14. ч. 3 // Российская газета. 1995. 28 декабря.

² О формах и методах легализации материалов, собранных оперативно-розыскными подразделениями органов внутренних дел в целях использования их в качестве доказательств по уголовным делам (Методические рекомендации) // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД РФ. 1998. № 2 (95). С. 30–31.

³ Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Спарк, 1996. С. 77.

П.В. Галушин

К ПРОБЛЕМЕ СВЯЗЫВАНИЯ УЧЕТНЫХ ЗАПИСЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Интернет и другие социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни все большего числа людей. По статистике, 79% жителей России выходят в интернет хотя бы раз в месяц¹, при этом только 13% опрошенных заявили, что вообще не пользуются социальными сетями². Это означает, что в социальных сетях содержится большое количество оперативно значимой информации, причем в открытом доступе.

Разнообразие социальных сетей достаточно велико, и большинство людей имеют учетные записи сразу в нескольких из них. Однако, как правило, учетные записи одного лица в различных социальных сетях не содержат явных указаний друг на друга. Тем более маловероятно, что подобные указания будут оставлять лица, участвующие в противоправной деятельности.

Таким образом, мы пришли к задаче связывания страниц пользователя в различных социальных сетях. Можно рассмотреть два варианта постановки этой задачи. В первом, более простом, необходимо определить, насколько вероятно, что две заданные учетные записи принадлежат одному и тому же лицу. Во втором варианте по одной данной учетной записи необходимо найти другие учетные записи, которые с большой вероятностью могли бы принадлежать тому же лицу. Очевидно, что второй вариант, в принципе, может быть сведен к первому: будем перебирать все учетные записи социальной сети

¹ Аудитория Рунета в 2020 году пробьет планку в 100 млн пользователей // Российская газета. 2020. 15 апреля. URL: <https://rg.ru/2020/04/15/auditorii-a-runeta-v-2020-godu-probet-planku-v-100-mln-polzovatelej.html> (дата обращения: 06.02.2021).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд Общественное мнение. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 06.02.2021).

(большинство социальных сетей позволяет это сделать тем или иным путем)¹.

На сходство пользователей могут указывать: проживание в одном городе, учеба в одном учебном заведении, наличие общих мест работы, наличие общих родственников, сходство списков аудио- и видеозаписей, сходство списков друзей, большое количество общих групп, сходство фотографии.

Сопоставление учетных записей исследователем с использованием исключительно тех возможностей, которые предоставляют социальные сети, выглядит нереалистичным, так как потребует огромных затрат времени и будет слишком сильно подвержено ошибкам, связанным с «человеческим фактором».

Можно выделить три реалистичных подхода к принятию решения о принадлежности учетных записей одному пользователю с использованием специально разработанного программного обеспечения:

1. Программное обеспечение (ПО) сопоставляет две учетные записи, выделяет их сходства и различия, решение принимает пользователь. Такой подход также требует больших затрат времени исследователя, но его проще всего реализовать.

2. ПО принимает решение полностью автоматически. Разработка подобного ПО потребует существенно больших затрат, оно должно быть основано на методах искусственного интеллекта (например, искусственные нейронные сети или нечеткие множества). Кроме того, подобное ПО требует обучения на реальных данных. Это обучение можно осуществить в режиме, описанном в предыдущем пункте.

3. Гибридный подход, в котором ПО выделяет небольшое количество учетных записей, наиболее сильно похожих на заданную исследователем учетную запись, а окончательное решение принимает пользователь. Этот подход представляется наиболее перспективным.

¹ Галушин П.В. Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 60–63.

СИСТЕМА ГАНСА ГРОССА

Сверхзадачей, которую Г. Гроссу пришлось разрешать при формировании новой науки криминалистики, было упорядочение разнообразных межотраслевых знаний в единую систему. Решение этой задачи нашло отражение как в наименовании последующих редакций главного труда выдающегося австрийского криминалиста¹, так и в построении и содержании самой информации. При этом автор отмечал, что «когда криминалистика впервые появилась в свете, то нельзя было уяснить себе, какой именно материал должен быть отнесен к ней и как должен быть распределен»².

Рассматривая систему Ганса Гросса необходимо, конечно, учитывать, что она соответствовала условиям и состоянию науки того времени. Разумеется, и мы можем давать оценку его системе исключительно с позиций состояния современного знания, но совершенно бессмысленным, в силу вышеуказанных причин, было бы искать «недостатки» в системе Г. Гросса. В системе Гросса интерес может представлять как последовательность изложения материала по разделам, так и соотношение соответствующего текста к общему объему работы (далее – в процентах).

Руководство слагается из общей (17%) и особенной части (83%). При этом как в общей, так и особенной части (разделы А, В, С, D) нельзя обнаружить и намек на «общую теорию (методологию) криминалистики и какие-либо умозрительные конструкции – все подчинено решению практических задач.

Общая часть всецело посвящена общим вопросам организации работы следователя и производству следственных действий (осмотр, обыск, допрос). Таким образом, не применяя известный уже при его жизни термин «тактика», Гросс признает ее основополагающее значение, оставляя за криминалистической техникой и методикой значение вспомогательное.

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.

² Предисловие к четвертому изданию // Гросс Г. Руководство для судебных... С. XV.

Раздел «А» Особенной части автор так и называет – «Вспомогательные для судебного следователя средства». Данный раздел включает материал о применении различных специальных знаний, средств и методов и имеет отношение к криминалистической технике и судебной медицине (16%). Как будто бы случайно вопрос «О производстве оценки» попал в заключительный раздел «D» в качестве заключительной главы XXI (0,5%). Видимо, учитывая, что оружие является средством совершения преступления, автор поместил «Сведения об оружии» (глава XI) (5,7%) в следующий раздел «B».

Раздел «B» «Особенности познания, необходимые для судебного следователя» охватывает сведения о преступниках, особенностях криминальной культуры и этнической (цыганской) преступности. С известной долей условности эти данные можно отнести к криминалистической характеристике преступления (16,3%, не принимая во внимание главу XI).

Раздел «C» «Некоторые искусственные приемы» всецело посвящен вопросам криминалистической техники» (18%). Таким образом, два раздела работы посвящены вопросам криминалистической техники (*на все вопросы криминалистической техники – 40,2%*).

И, наконец, наименование раздела «D» «О некоторых преступлениях в особенности» не оставляет сомнений в том, что здесь раскрываются вопросы методики расследования отдельных преступлений (26,5%). С учетом раздела «B» *на всю криминалистическую методику приходится 42,8% материала.*

У Гросса осталось нереализованным намерение о создании новой системы, в которой в первой части рассматривались бы сведения «о проявлении преступления», а во второй – «о действиях судебного следователя».

В.С. Горшкова

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из первых термин «криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» использовал ученый-криминалист А.С. Подшибякин. В одной из статей сборника «Правовое и крими-

налистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности» автор подчеркивает, что «остались нерешенными и проблемы криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности»¹ (ОРД). Это положение нацеливает нас на более пристальное и детальное изучение указанных вопросов. Ученый выделяет четыре основных направления реализации криминалистического обеспечения ОРД – это деятельность органов, осуществляющих ОРД; криминалистические аспекты тактики и методики проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ); разработка технико-криминалистических средств и методов деятельности и обучение оперативных работников их применению при проведении ОРМ².

Нельзя не согласиться с указанными выше положениями, однако, по нашему мнению, необходимо уточнить ряд аспектов. ОРД решает широкий круг задач, закрепленных в нормах оперативно-розыскного законодательства. При этом деятельность оперативных подразделений осуществляется посредством не только проведения ОРМ, но и розыскных действий, оперативных комбинаций, оперативных игр, проверок (например, для доступа к сведениям, составляющим государственную тайну), которые для оптимальной, эффективной реализации могут и, на наш взгляд, должны использовать положения криминалистики и выработанный ей арсенал криминалистических средств, методов и технологий.

Представляется, что в рамках осуществления ОРД пристальное внимание стоит уделять комплексному использованию криминалистической и оперативной техники для решения предусмотренных оперативно-розыскным законодательством задач. Стоит отметить, что А.С. Подшибякин акцентировал внимание на разработке и производстве технико-криминалистических средств, а также их использованию в рамках оперативно-технических мероприятий. На наш взгляд, это особенно актуально в рамках выявления, пресечения, предупреждения, раскрытия и расследования приобретающих широкую распространенность преступлений в сфере «ИТ-технологий» («киберпреступность»).

¹ Подшибякин А.С. О концепции правового регулирования криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. ст. М. : ЗАЛ «ЮрИнфоР®», 2011. С. 98.

² Там же. С. 94–95.

Вопросы взаимодействия государственных и негосударственных экспертных учреждений, организаций и иных лиц, обладающих специальными познаниями в определенной отрасли знания, в процессе осуществления ОРД требуют своего детального изучения и разрешения. В настоящее время непроцессуальная форма применения знаний «сведущих» лиц активно используется в борьбе с преступлениями террористического, экстремистского характера, где требуется помощь экспертов-лингвистов экспертных учреждений системы МВД Российской Федерации, а также специалистов в области религиоведения, компьютерных технологий и других.

Таким образом, направления осуществления криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности достаточно разнообразны, но в то же время они требуют своего изучения, уточнения содержания и дальнейшего развития.

С.И. Давыдов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В Российской Федерации активно формируется правовая основа защиты лиц, содействующих полиции в борьбе с преступностью. В настоящее время она включает в себя совокупность положений нормативных правовых актов различного уровня. На законодательном уровне эту сферу регулируют федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Перспективы развития правового регулирования защиты лиц, содействующих полиции в борьбе с преступностью, в РФ могут быть эффективными при условии конвергенции норм российского законодательства и международного права, в частности положений и принципов, содержащихся в Резолюции 2300 (2019) Парламентской

ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «Усиление защиты лиц, сигнализирующих о нарушениях, во всех странах Европы».

К принципиальным положениям указанной Резолюции, имеющим значение для совершенствования российского законодательства, следует отнести следующие:

– во-первых, признание роли лиц, содействующих борьбе с преступностью, и эффективность их защиты от всевозможных преследований как на законодательном уровне, так и на практике, представляют собой подлинный индикатор демократии; такая защита требует наличия конкретного законодательства, позволяющего учесть особенности положения лиц, сигнализирующих о нарушениях, которые сами идут на риск в стремлении обеспечить соблюдение общественных интересов;

– во-вторых, подача сигнала тревоги должна стать естественной реакцией каждого ответственного гражданина, которому стало известно об угрозах общественным интересам.

Тем самым подчеркивается невозможность эффективного противодействия преступности без помощи граждан. Важно и необходимо формировать в обществе атмосферу поддержки участия граждан в борьбе с преступностью путем информирования правоохранительных органов о соответствующих фактах.

Однако процесс сближения российского и международного законодательств в этой сфере должен быть взвешенным и обусловленным особенностью национальных систем построения правоохранительных органов и традиций участия граждан в борьбе с преступностью.

К основным направлениям совершенствования правового регулирования защиты лиц, содействующих борьбе с преступностью, с учетом международного опыта целесообразно отнести: 1) формирование системы надежных способов получения информации от содействующих лиц; 2) обеспечение конфиденциальности сотрудничества, сохранение в тайне сведений об их личности; 3) формулирование условий для стимулирования их содействия борьбе с преступностью; 4) законодательное закрепление оснований и процедур освобождения их от уголовной ответственности; 5) разработка эффективных мер безопасности содействующих лиц.

Важным условием повышения эффективности содействия граждан правоохранительным органам в борьбе с преступностью является

ся формирование в обществе атмосферы поддержки и понимания объективной необходимости института содействия для обеспечения безопасности общества, государства, защиты личности от преступных посягательств.

О.С. Давыдова

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКСПЕРТНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО ЗНАЧИМЫХ ДАННЫХ О СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА

Решение оперативно-розыскными органами задачи раскрытия преступлений требует постоянного совершенствования средств и методов поиска, обнаружения и получения информации о неизвестном преступнике. Нередко в этих целях оперативными подразделениями используются лишь возможности, предоставленные федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». Среди них – проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе негласно, привлечение граждан к содействию оперативным подразделениям для получения информации о совершенных преступлениях.

Вместе с тем традиционные оперативно-розыскные средства и методы не всегда являются эффективными в поиске и получении оперативно значимой информации о предполагаемом преступнике. Мы пришли к выводу, что в современной практике раскрытия преступлений явно недооцениваются возможности судебно-экспертных исследований диагностического характера, направленных на получение информации о свойствах личности неизвестного преступника по его отображениям.

К оперативно значимым данным о свойствах личности неизвестного преступника могут относиться любые сведения об анатомических, физических, морфологических и биологических особенностях человека, а также его навыках и привычках, которые способствуют установлению личности преступника и его изобличению. Эти дан-

ные могут быть использованы при выдвижении следственных версий, в организации поиска преступника по его приметам, моделировании личности неизвестного преступника, формировании его психологического портрета.

В качестве примера успешного решения учеными в области судебной экспертологии научных задач, связанных с проблемами диагностики свойств личности преступника в интересах оперативно-розыскных органов, следует привести целый ряд защищенных диссертаций.

В докторской диссертации О.А. Соколовой (2018) разработаны основы комплексного подхода к изучению признаков и свойств человека по его отображениям и их использования в формировании его «комплексного портрета».

Кандидатская диссертация А.К. Лебедевой (2017) посвящена разработке теоретико-правовых и методических аспектов судебно-экспертного исследования обликовых характеристик личности по фонограммам речи.

В кандидатской диссертации Т.А. Саакова (2020) определен алгоритм поиска криминалистически значимой информации о демографических характеристиках личности по письменным речевым следам в сети Интернет, разработаны научно-практические рекомендации по собиранию и подготовке объектов исследования.

Потенциал экспертно-диагностических исследований свойств личности неизвестного преступника в системе информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений требует более активного его использования. Соответственно, существует потребность и в более активной интеграции научных знаний в области оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертологии для решения задач раскрытия и расследования преступлений.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ КВАРТИРНОЙ КРАЖИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Среди всех преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, квартирные кражи занимают особое место, так как отличаются низким уровнем раскрываемости и достаточно высоким уровнем латентности в связи с недоверием граждан к деятельности правоохранительных органов.

Практический аспект квартирных краж свидетельствует, что раскрываемость зависит от эффективной работы следственных органов на первоначальном этапе расследования. Криминалистическая характеристика личности преступника, в которую входят ее физиологические, социальные, психологические стороны, является составной частью и обязательным элементом методики предварительного расследования преступления.

Прежде всего необходимо проанализировать обстановку совершения квартирной кражи, которая помогает раскрыть особенности личности преступника. К ней относятся: информация о способах совершения и сокрытия, месте и времени их выполнения, предмете преступного посягательства; следах совершения преступных действий; данных о типичной личности преступника и потерпевшего¹. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Важным структурным элементом обстановки совершения квартирной кражи являются следы совершения преступления. Они включают в себя следы орудий взлома, рук, обуви, одежды, грунта, транспортных средств, а также микрообъекты. К наиболее вероятным местам проникновения в квартиру относятся двери, окна. На входных дверях остаются следы орудия взлома, следы рук, микрообъекты, иногда, следы ног, на внешней стороне окна могут быть обнаружены следы рук, крови, микрообъекты. Также при обнаружении следов преступления большим успехом считается найти

¹ Бурнашов Н.А. Расследование краж, совершаемых в условиях крупного города. М., 2009. С. 23.

«дорожку следов» ног, по которой можно идентифицировать подозреваемого¹.

По следам, оставленным на месте совершения квартирной кражи, как известно, возможно определить пол, возраст, профессиональные навыки преступника, физические возможности подозреваемого лица, рост, вес, а также его психологическое состояние на момент совершения кражи. Помимо этого, по расположению и характеру следов взлома, оставленных на преграде, можно определить количество лиц, совершающих взлом, их «профессионализм».

Немаловажным в характеристике обстановки является предмет кражи. По предмету можно определить некоторые наклонности личности преступника. Как правило, несовершеннолетние похищают различного рода гаджеты, сувениры, игрушки, женщины – предметы женского гардероба, деньги, драгоценности, малоимущие граждане или лица без определенного места жительства – продукты питания, одежду, предметы первой необходимости. Кроме того, характер похищенного имущества может различаться также в зависимости от региона. Так, в республиках, где развито виноделие или сформировано нетерпимое отношение к чрезмерному употреблению алкоголя, практически не встречаются кражи винно-водочных изделий².

Подводя итог, стоит отметить, что путем изучения и анализа места обстановки преступления можно определить многие свойства личности совершившего квартирную кражу, которые способны помочь в дальнейшем задержании преступника.

¹ Максимов Н.В. Установление роста человека по следам ног // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Хураськина. Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2016.

² Вологин С.М. Расследование краж, совершенных из квартир / ВШМ МВД России. Волгоград, 1999. С. 27.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

В настоящее время споры идут не столько о том, что оперативно-разыскная характеристика преступления (ОРХП) не нужна, что данная категория во многом дублирует по своему качественному и количественному составу смежные категории, такие как криминалистическая, криминологическая или уголовно-правовая характеристики преступления. Полемиические диспуты идут из-за того, что изучаемая категория представляет собой «фантом» от науки ОРД, имеет неспецифические, размытые границы структурных элементов ОРХП.

В 2001 г. Р.С. Белкин¹ категорично высказался по ОРХП, что последняя не имеет не только практического, но и научного смысла. В 2013 г. А.П. Исиченко² обосновывает дальнейшие изыскания в этой сфере, говоря уже об оперативной (практической) значимости ОРХП. В 2018 г. А.А. Бессонов³ вводит в научный оборот понятие технологии построения криминалистической характеристики преступления. Ученый говорит о единственном пути оживить данную категорию (собственно говоря, также как и оперативно-разыскную), превратив ее в прикладной инструмент расследования на базе реального эмпирического материала. С наших позиций, термин «технология» применим к построению ОРХП, но только, в отличие от подхода А.А. Бессонова, технология должна включать специфические для данной категории этапы.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 240 с.

² Исиченко А.П. Оперативно-разыскная характеристика преступлений: фантом или реальность? // Российский следователь. 2015. № 13. С. 41–45.

³ Бессонов А.А. Технология построения криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2018. № 7. С. 3–7.

Первый желательный этап – это выбор как самого эмпирического материала исследования, так и объема изучаемой выборки (например, количество уголовных дел, включая рассекреченные материалы оперативно-разыскной деятельности, материалов доследственных проверок и т.п.). От этого будет зависеть валидность, т.е. практическая пригодность ОРХП.

Второй обязательный этап можно условно назвать «элементное включение в ОРХП». Наше исследование и работы других авторов убеждают нас о включении таких групп элементов, как: 1) элементы, характеризующие оперативную обстановку; 2) элементы, характеризующие учет оперативных рисков; 3) элементы, описывающие места прихода и ухода заподозренных лиц; 4) типовые способы подготовки и совершения преступления; 5) типовая следовая картина и т.п.

Третий этап – «построение корреляционных зависимостей между элементами ОРХП». Критерием для отбора наиболее значимых связей может служить «оперативно-разыскной потенциал», которым обладает (или не обладает) конкретная корреляционная пара или группа связей.

Следующий, четвертый, наиболее сложный этап – выбор из всего массива элементов и корреляционных связей тех, которые с наших авторских позиций должны обладать: а) «поисковым потенциалом»; б) «ориентирующим потенциалом»; в) «тактическим потенциалом»; г) «доказательственным потенциалом».

Пятый возможный этап – применение более сложных методов математической статистики (например, Data Mining), которые способны распознать типичных и атипичных лиц оперативной разработки и т.п.

Шестой этап – включение в состав ОРХП, в зависимости от изучаемой категории преступления, набор специфических элементов. В ОРХП убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, помимо прочих элементов, важно включать следующие специфические для данной категории преступления элементы: 1) судебно-медицинские; 2) элементы профайлинга вероятного убийцы; 3) оперативно-разыскные риски.

Сформулируем нулевую гипотезу исследования: в состав ОРХП конкретного преступления необходимо включать как общенаучные, специально-научные, так и те элементы и связи, которые крайне специфичны и характерны только для данного вида преступления.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

На сегодняшний день розыскная работа в уголовно-исполнительной системе (УИС) осуществляется подразделениями розыска, которые входят в состав оперативных управлений (отделов) территориальных органов ФСИН России.

Объектами розыска в настоящее время являются: лица, совершившие побег из учреждений УИС, уклоняющиеся от отбывания лишения свободы, осужденные, уклоняющиеся от получения предписания для самостоятельного следования к месту отбывания наказания или не прибывшие в колонию-поселение в установленный в предписании срок, осужденные к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, условно осужденные и осужденные с отсрочкой приговора, уклоняющиеся от контроля уголовно-исполнительных инспекций¹.

Поскольку в Федеральном законе «О полиции» указано, что органы внутренних дел оказывают только содействие учреждениям и органам УИС в осуществлении розыска и задержании лиц, совершивших побег, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, то основным субъектом розыска в вышеуказанных случаях являются сотрудники оперативных подразделений УИС.

На наш взгляд, в организации розыскной работы УИС имеются проблемы законодательного и правоприменительного характера:

1. Отсутствие ведомственного нормативного правового акта, который регламентирует розыскную работу оперативных подразде-

¹ Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Организация розыскной работы в уголовно-исполнительной системе: проблемы законодательства и практики // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4. С. 144–148.

лений территориальных органов уголовно-исполнительной системы, в том числе устанавливает особенности проведения первоначальных розыскных мероприятий.

2. В случае обнаружения разыскиваемого лица сотрудники подразделений розыска уголовно-исполнительной системы не имеют соответствующих полномочий по их задержанию, в связи с чем им необходимо доставить разыскиваемое лицо в органы внутренних дел для составления в соответствии со ст. 92 УПК РФ протокола задержания. Кроме того, необходимо учитывать, что доставить разыскиваемое лицо в органы внутренних дел возможно только в том случае, если оно добровольно согласилось проследовать с сотрудником уголовно-исполнительной системы. Это говорит о том, что в случае отказа разыскиваемого лица проследовать в органы внутренних дел, сотрудник подразделения розыска УИС не имеет права его к этому принуждать.

По результатам проведенного исследования и выявленных проблем в организации розыскной работы в УИС можно сделать следующие выводы и предложить пути их решения:

1. Отсутствие ведомственного нормативного правового регулирования розыскной работы подразделений УИС РФ приводит к нечеткости функций и действий сотрудников уголовно-исполнительной системы, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, что существенно осложняет проведение мероприятий по розыску вышеуказанных категорий лиц. В связи с этим необходимо на ведомственном уровне разработать и принять инструкцию, регулиющую розыскную работу оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

2. Законодательно закрепить право сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы задерживать разыскиваемых лиц самостоятельно, в целях исключения возможности для разыскиваемого повторно скрыться и препятствовать целям уголовного наказания.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА

Получение сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) – тактико-криминалистическая задача, которую следователь решает различными методами с учетом специфики тех или иных следственных действий и особенностей ситуации расследования. Наиболее сложные формы решения данной задача приобретает при проведении вербальных следственных действий, в частности допроса подозреваемого (обвиняемого). Помимо того, что качество решения названной задачи значимо для дальнейшего хода расследования, особую роль оно играет для обеспечения эффективности производства самого допроса.

Н.Т. Ведерников отмечает, что «чем полнее и глубже изучена личность допрашиваемого, тем больше оснований для применения того или иного тактического приема и одновременно тем разнообразнее и богаче будет сам арсенал применяемых тактических приемов допроса»¹. Таким образом, вопросы взаимодействия между следователем и допрашиваемым подозреваемым (обвиняемым), а также выбора форм и методов решения задачи изучения личности допрашиваемого находятся друг с другом в одной системе координат и приводят к необходимости принятия следователем соответствующих тактических решений.

Изучение личности допрашиваемого подозреваемого (обвиняемого), будучи самостоятельной тактико-криминалистической задачей, затрагивает внешнюю сторону деятельности следователя. Как отмечается в специальной литературе, «криминалистическая задача следственного действия... указывает на фактические сведения, получившие отражение в протоколе следственного действия как результат реализации тактического решения, повлекшего применение соответствующих тактико-криминалистических средств»². В связи с

¹ Ведерников Н.Т. Изучение личности преступника в процессе расследования // Избранные труды. Томск, 2014. Т. 2. С. 39.

² Князьков А.С. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 104.

тем, что эти фактические сведения будут использованы при выборе тактических приемов последующих следственных действий, представляет интерес отношение следователей к протоколу допроса как к источнику сведений о личности подозреваемого (обвиняемого). Данные проведенного нами анкетирования следователей МВД РФ показали, что только 22% опрошенных рассматривают протоколы допроса в качестве наиболее информативных источников получения таких сведений. Лишь 19% респондентов подтвердили, что регулярно используют протоколы допроса для получения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в своей текущей следственной практике. При этом 47% опрошенных следователей придают протоколам допроса существенно меньшее значение по сравнению с личными документами, характеристиками с места работы или учебы, справками о судимости и т.п., а 25% респондентов признают, что редко используют протоколы допроса в качестве источников информации подобного рода.

Таким образом, большинство следователей не рассматривают протокол допроса в одном ряду с иными вышеупомянутыми источниками информации. Отчасти такое положение дел можно связать с трудностями формализации личностной информации для внесения в протокол допроса. Кроме того, при оценке достоверности сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) немаловажным является указание на стадию допроса, на которой была получена соответствующая информация (вступительная стадия, свободный рассказ, вопросно-ответная стадия). Из содержания протокола не всегда может ясно следовать, каким образом и в какой момент, связанный с совершением преступления лицо проявило свои психологические качества, продемонстрировало степень заинтересованности в даче признательных показаний и т.п. Между тем различным стадиям допроса присущи содержательные отличия, что позволяет следователю сориентироваться в ситуативных особенностях проявления жизненных взглядов подозреваемого (обвиняемого), его установок, доминирующих жизненных потребностей и т.п. Это дает следователю возможность максимально раскрыть тактико-криминалистический потенциал названной тактической задачи.

ЗАДАЧИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ – БЫВШИХ РАБОТНИКОВ СУДОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Современное оперативно-розыскное законодательство закрепляет как общие задачи (обозначенные в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») для всех органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), так и частные задачи каждого конкретного субъекта ОРД (закрепленные в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность конкретного субъекта ОРД).

Анализ служебной деятельности оперативных подразделений исправительных учреждений для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, а также нормативных правовых актов, регламентирующих общие и частные задачи ОРД в рассматриваемых учреждениях, позволяет прийти к следующим выводам:

– несоответствие нормативно закрепленных частных задач ОРД в исправительных учреждениях для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов, изложенных в ст. 84 УИК РФ, положениям ФЗ «Об ОРД» (в части несоответствия задачи «выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях нарушений установленного порядка отбывания наказания» цели, заявленной в ст. 1 ФЗ «Об ОРД» – «защиты от преступных посягательств» и задаче «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших», закрепленной в ст. 2 ФЗ «Об ОРД»);

– несоответствие фактического объем решаемых частных задач оперативными подразделениями исправительных учреждений для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов задачам, законодательно закрепленным в ст. 84 УИК РФ. При осуществлении ОРД рассматриваемыми подразделе-

ниями решаются следующие частные задачи, не закрепленные в нормативных правовых актах:

– выявление, предупреждение, пресечение готовящихся и совершаемых нарушений трудовой дисциплины и порядка несения службы (работы) персоналом учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации;

– выявление, предупреждение, пресечение готовящихся и совершаемых административных правонарушений на территории учреждения уголовно-исполнительной системы и прилегающей к ней территории, на которой установлены режимные требования (в частности, речь идет об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.12 КоАП РФ и др.);

– обеспечение собственной безопасности.

Таким образом, можно констатировать, что оперативные подразделения исправительных учреждений для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов с помощью сил, средств, методов ОРД решают задачи, в том числе не связанные с преступными посягательствами. Данный вывод еще раз подтверждает мнение профессора А.Ю. Шумилова, который отмечал, что задачи современной ОРД далеко выходят за пределы борьбы с преступностью, а точнее – защиты соответствующих объектов (обеспечение их безопасности) исключительно от преступных посягательств¹. Анализируя изложенные выше доводы, мы предлагаем устранить имеющиеся противоречия в законодательном регулировании ОРД путем внесения соответствующих изменений в оперативно-розыскное и уголовно-исполнительное законодательство.

В.Х. Каримов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Криминалистическая техника имеет длительный период своего развития, которое продолжается и поныне. Условно его можно разбить на три этапа. В качестве основания такого деления нами выбра-

¹ Шумилов А.Ю. О назревшей в теории проблеме разделения прежней оперативно-розыскной и современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сысколога // Оперативник (сыщик). 2014. № 1 (38). С. 8–9.

ны научные методы и технические средства, применяемые в тот или иной период времени. При этом наступление нового вовсе не означает отмену старого. Новые методы органично вписывались в существующую систему технико-криминалистического обеспечения, дополняя и расширяя его возможности. Отличительная особенность заключается еще в том, что такие методы и средства являлись новыми для своего времени и играли существенную роль в эволюции криминалистической техники.

Так, в течение минувших столетий чувственно-рациональные методы были, пожалуй, единственным научным подспорьем в раскрытии преступлений. Наблюдательность, описание и сравнение порой давали прекрасные результаты, но были сугубо индивидуальны, субъективны и не имели массового распространения. Открытое невежество того времени побуждало часто действовать лишь способами репрессий, прибегать к суевериям и религиозным культам, что не имело никакого отношения к действительному процессу расследования. Таким образом, первый этап развития криминалистической техники можно условно назвать *чувственно-рациональным*. Он был на протяжении развития общества вплоть до XIX в.

Но время шло, наступил век индустриальной революции. Массовый отток населения в города привел не только к позитивным изменениям экономики, но и к всплеску преступности, прежде всего организованной, с которой уже не возможно было бороться только чувственно-рациональными методами. В помощь правоохранительным органам того времени приходят методы и технические средства из стремительно развивающихся отраслей наук: математики, физики, химии, биологии, медицины и др. Данный этап развития криминалистической техники можно обозначить как *научно-технологический*. В этот период (XIX в.) появляется и сама наука криминалистика, основой которой во многом становится криминалистическая техника, развитие которой можно разбить на три направления:

- 1) разработка и совершенствование средств и методов уголовной (а далее – криминалистической) регистрации;
- 2) разработка и совершенствование средств и методов сбора доказательственной информации;
- 3) разработка и совершенствование средств и методов исследования доказательств.

Следует отметить, что наступивший XXI в. ознаменовался переходом на информационно-цифровые технологии, которыми не преминула воспользоваться преступность совершенная нового склада. Она получила название «киберпреступность». Для борьбы с ней имеющиеся «классические» технико-криминалистические методы и средства оказываются часто бессильны. Сказанное обуславливает потребность в развитии совершенно новых подходов к криминалистической технике в рамках динамично развивающейся отрасли – цифровой криминалистики. Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем зарождение и развитие нового этапа криминалистической техники – *информационно-цифрового*.

Его характерные черты заключаются в разработке средств и методов, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие, исследование, накопление и поиск в информационных ресурсах как в «чистом» виде цифровых доказательств, так и «классических» следов преступления, трансформирующих в электронно-цифровую форму (что значительно расширяет возможности их использования в дальнейшем в правоохранительной деятельности).

А.М. Киселев

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ИЛИ СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Осуществление функций по обеспечению мер безопасности в отношении свидетеля, находящегося под государственной защитой, при этом находящегося в учреждениях уголовно-исполнительной системы, имеет ряд особенностей в отличие от реализации аналогичных функций другими органами, исполняющими меры безопасности в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон

№ 119-ФЗ). Так, в МВД РФ создано специальное оперативное подразделение для выполнения функции государственной защиты. В УИС России такое специализированное подразделение отсутствует. Особенностью реализации рассматриваемой функции в местах лишения свободы или содержания под стражей является то, что участие при реализации требований Закона № 119-ФЗ осуществляют несколько структурных подразделений, что подразумевает необходимость достаточно четкой и грамотной деятельности этих подразделений.

В свою очередь качественно исполнить рассматриваемую функцию без наличия необходимой информации не представляется возможным. Для выполнения этой задачи в УИС России созданы оперативные подразделения, которые в соответствии со статьей 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон № 144-ФЗ) наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Это говорит о том, что из всех участвующих структурных подразделений в данном процессе оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) будет осуществлять только оперативный аппарат: это положение закреплено и в ст. 84 УИК РФ. Добавим, что основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий при осуществлении государственной защиты предусмотрены ст. 7 Закона № 144-ФЗ.

Участие оперативных подразделений в процессе обеспечения государственной защиты начинается с момента проверки соответствия угрозы и выбранных мер безопасности, которые будут осуществляться в отношении защищаемого лица. Кроме того, на оперативные подразделения возложена функция подготовки договора в соответствии со ст. 18 Закона № 119-ФЗ, который подписывается защищаемым лицом и руководителем соответствующего учреждения. В процессе осуществления мер безопасности оперативные подразделения осуществляют сбор, обработку и анализ получаемой из различных источников информации с целью обеспечения безопасности охраняемого лица, а также обеспечение оперативного прикрытия при возникновении такой необходимости. В дальнейшем собранные оперативные материалы направляются в следственные органы для принятия процессуального решения.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в процессе осуществления государственной защиты в отношении лиц,

содержавшихся в местах лишения свободы или находящихся под стражей, участвуют различные подразделения уголовно-исполнительной системы, в том числе и оперативные. Вместе с тем ст. 1 и 13 Закона № 144-ФЗ, а также ст. 84 УИК РФ четко определяют, что ОРД могут осуществлять только оперативные аппараты. Соответственно, другие подразделения не имеют право осуществлять ОРМ и только в исключительном случае могут быть привлечены к этим мероприятиям по соответствующему решению руководителя оперативного подразделения уголовно-исполнительной системы.

М.А. Киселёва

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

Преступность несовершеннолетних является одним из негативных факторов формирования роли подрастающего поколения в обеспечении жизнедеятельности общества и его развития. Согласно сведениям официальной статистики МВД России в 2020 г. каждое 25-е раскрытое преступление совершено несовершеннолетними (в 2019 – каждое 23-е)¹. Приведенные данные свидетельствуют о стабильно высоком уровне преступности несовершеннолетних, при этом расследование рассматриваемых преступлений характеризуется определенной тактической спецификой, обусловленной возрастными и социально-психологическими особенностями указанных лиц. Особое значение приобретает допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), поскольку нередко он является основным источником доказательств по уголовному делу. Умелое проведение данного следственного действия, с точки зрения тактики, в значительной степени определяет качество всего предварительного расследования по делам рассматриваемой категории.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019, 2020 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 15.01.2021).

Исследуя вопрос о тактических приемах проведения допроса несовершеннолетних, необходимо отметить важность коммуникативной активности следователя, весомой составляющей которой выступает установление психологического контакта между следователем и подростком. При установлении психологического контакта с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) необходимо учитывать особенности его развития и психики, свойственные только данной категории лиц: недостаточный, по сравнению со взрослыми, объем жизненного опыта, знаний, умений; наличие неразвитой способности к сосредоточенности и вниманию; повышенная внушаемость, в силу своей моральной незрелости; невозможность в силу возраста полно и объективно воспринимать события и оценивать их; наличие сложностей в проведении грани между действительным и воображаемым; несдержанность в эмоциях, действиях, суждениях.

В ходе установления психологического контакта и нейтрализации негативных эмоций в максимально доброжелательной обстановке следователь, используя положительные личностные качества несовершеннолетнего допрашиваемого, должен ему объяснить серьезность совершенного им преступления и неотвратимость наказания. Важно попытаться убедить подозреваемого (обвиняемого), что честное признание и правдивые показания помогут ему встать на путь исправления.

Для сохранения установленного психологического контакта в процессе проведения допроса от следователя требуется спокойный, уверенный и доброжелательный тон в отношении к допрашиваемому подростку, но при этом и настойчивость в получении необходимых показаний от него. Следователю важно построить свою позицию таким образом, чтобы не реагировать негативно на лживые показания подростка, тем самым побуждая его уходить от дачи таких показаний. В такой ситуации акцентируется внимание подростка на его положительных чертах, вызывается чувство стыда за ложь и понимания того, что, используя лживые показания, подросток тем самым принижает свои положительные качества и собственную самооценку.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что установление между следователем и несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) психологической обстановки, позволяющей расположить допрашиваемого к следователю, способствует проведению допроса в

бесконфликтной ситуации и получению необходимых правдивых сведений относительно всех обстоятельств расследуемого преступного деяния.

Я.А. Климова

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На протяжении последних десятилетий преступность несовершеннолетних и борьба с ней являются одной из самых приоритетных проблем, вызывающих серьезную обеспокоенность государства, общества и всех граждан в силу своей масштабности, комплексности и крайне негативного характера социальных последствий. В течение длительного времени удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, остается на высоком уровне. Данная тенденция продолжает усиливаться, во многом приобретая новое качественное содержание. Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что помимо совершения «традиционных» преступлений, значительно увеличилось число совершаемых указанными лицами преступлений с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Безусловно, стремительное развитие современных технологий, а также сложившиеся условия пандемии способствовали активной цифровизации всех сфер жизни, в том числе и сферы преступности. Это обуславливается стремительным расширением диапазона и разнообразия видов таких преступлений и, как следствие, доступности их для несовершеннолетних, являющихся самыми активными пользователями IT-продуктов.

До настоящего времени не разработано соответствующих научно обоснованных криминалистических характеристик и методик расследования новых видов преступлений, совершенных несовершеннолетними (например, по ст. 207.1 УК РФ, а также мошенничества при помощи сети Интернет и др.) что, в свою очередь, не может не отразиться на качестве предварительного расследования.

В качестве одного из элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий, следует выделить способ совершения преступлений. Его особенность заключается в том, что рассматриваемые преступления в основной своей массе совершаются несовершеннолетними дистанционным способом, не требующими специальных знаний, характеризующимся доступностью и анонимностью, а также минимальными затратами и усилиями для подготовки и совершения таких преступлений. Вследствие этого подготовка к совершению преступления переместилась из реальной действительности в виртуальное пространство и осуществляются посредством передачи сообщений, аудио-, видеозаписей, геотрекеров, временных маркеров в мобильных мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram), социальных сетях (TikTok, «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Instagram), на специализированных сайтах (видеохостинг YouTube, игровые сообщества), на интернет-площадках маркетплейсов теневого сети DarkNet.

В подтверждение нашего мнения можно привести пример из судебной практики. Так, Кировский районный суд г. Астрахани вынес приговор в отношении несовершеннолетнего М., который, используя мобильный телефон на интернет-сайте, заказал в нарушение действующего законодательства препараты, содержащие в составе сильнодействующие вещества, для личного потребления.

Таким образом, в настоящее время возникает объективная необходимость в разработке эффективных средств и методик выявления, раскрытия и расследования как традиционных преступлений, с применением современных технологий, так и новых, пока не широко распространенных видов преступлений, которые совершаются несовершеннолетними.

Д.А. Книс

О ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТЕ НАУЧНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как известно, преступная деятельность и деятельность правоохранительных органов по выявлению предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений оказывают друг на друга взаимное

влияние. Эта взаимосвязь определяет и содержание научных исследований в области оперативно-розыскной деятельности, направленных на разработку частных оперативно-розыскных методик.

Только на основе познания закономерностей осуществления преступной деятельности возможна выработка эффективных практических мер по борьбе с преступностью оперативно-розыскными средствами и методами.

Неотъемлемой частью научных исследований уголовно-правовой направленности, посвященных проблемам противодействия преступности, как правило, является формирование отраслевых характеристик преступной деятельности. Особенно это присуще прикладным исследованиям в криминалистике, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности. При этом каждая из отраслевых характеристик раскрывает «свои», важные для соответствующей сферы научного знания и практики, черты, свойства, стороны одного и того же явления – преступности.

Анализируя отраслевые характеристики преступной деятельности, можно найти достаточно много общего в описании отдельных ее элементов. Например, содержание характеристики личности преступника, способов совершения преступлений и некоторые другие практически не имеют различий в криминалистических, криминологических, оперативно-розыскных научных исследованиях. Означает ли это, что выделять и формировать отраслевые характеристики преступной деятельности не имеет смысла? Полагаем, что не означает, поскольку перед каждой из вышеуказанных отраслей знания стоят свои задачи по методическому обеспечению специфических видов деятельности разных правоохранительных органов, на которых возложена обязанность предупреждения, выявления, раскрытия или расследования преступлений. Кроме того, указанные задачи решаются посредством применения различного инструментария, которым соответствующие правоохранительные органы наделены.

С учетом изложенного выделим некоторые черты, свойства преступности и связанных с ней явлений как объекта оперативно-розыскной теории.

Познание в оперативно-розыскной деятельности направлено не только на преступную деятельность, но и все, что с ней связано, ему

предшествует и сопутствует¹. По этой причине требуется научное разрешение проблем определения круга явлений, которые предшествуют и сопутствуют преступной деятельности, и представляют интерес как для научного познания, так и для оперативно-розыскной практики.

В круг таких явлений представляется возможным включить как склонность к криминальной деятельности и тяготение к преступной среде, так и моральную готовность к участию в совершении преступлений, установление устойчивых связей с антиобщественными элементами, поддержка преступного образа жизни и «солидарность» с преступниками, а также криминальную активность, проявляющуюся в криминальном поведении лиц, представляющих оперативный интерес, криминальную обстановку, криминальную субкультуру и т.п.²

Характеристики данных, связанных с преступностью явлений образуют некоторые элементы оперативно-розыскной характеристики, которые имеют значение, прежде всего, для оперативных подразделений органов внутренних дел.

А.С. Князьков

ХАРАКТЕР УЧАСТИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обращение к вопросам классифицирования в тех или иных отраслях научного знания, в том числе в криминалистике, обусловлено функционированием научных знаний как сложной системы. Данное обстоятельство актуализирует применение в ходе исследования от-

¹ См.: Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2017. С. 18.

² См.: Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул : БЮИ МВД России, 2009. С. 85.

дельных её положений самого широкого круга научных методов, одним из которых выступает классифицирование. Исходя из того, что следственное действие является основой реализации тактико-криминалистических средств¹, определенное значение для совершенствования расследования преступлений имеет классифицирование следственных действий. Научный и практический интерес с позиции повышения уровня достоверности доказывания, совершенствования организационно-тактических основ предварительного расследования и судебного разбирательства, формирования и реализации тактических операций, например предлагаемой отдельными авторами тактической операции «Установление места нахождения лица с использованием данных операторов сотовой связи»², представляет, на наш взгляд, классификация следственных действий по признаку характера участия в их производстве следователя (иного субъекта, например оперативного сотрудника, производящего следственное действие по поручению следователя).

По данному основанию следственные действия могут быть разделены на следственные действия с непосредственным и опосредованным участием следователя в выполнении действий, например контроль и запись переговоров, направленных на получение криминалистически значимой информации. Общим для следственных действий, участие следователя в производстве которых носит опосредованный характер, является то, что выполнение операций, позволяющих получить криминалистически значимую информацию, осуществляют иные лица, причем ими могут быть как должностные лица (например, эксперты государственных экспертных учреждений), так и иные субъекты, например работники сотовых компаний, учреждений связи. Немаловажно, что познавательные действия отмеченных субъектов по отношению к следователю и к представляющим для расследования лицам интерес, например, к подозреваемым, часто носят технически удаленный характер. Это относится и к производству судебных экспертиз, поскольку каждая из них осуществляется по определенной методике, «техническое» отступление от которой ведет к недоверности экспертного заключения. По-

¹ Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. С. 83–104.

² Завьялов В.А. Формирование и реализация тактических операций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 27.

добная система, объединяющая разнохарактерные действия разных субъектов, в которой действия следователя носят дискретный характер, актуализирует вопрос о квалификации и добросовестности лиц, осуществляющих «технически удаленные» действия. Заметим, что дискретные по своему характеру действия следователя в ходе проведения технически удаленных действий поисково-познавательного характера направлены не на непосредственное участие следователя в производстве технически удаленных действий, а на создание необходимых условий для повышения эффективности последних. Для примера назовем действия следователя, состоящие в предоставлении судебному эксперту недостающих для решения содержащихся в постановлении о назначении судебной экспертизы задач дополнительных сведений (дополнительных объектов). Объединяет названные следственные действия, в том числе и производство судебной экспертизы, то обстоятельство, решение об их производстве, как и решение считать полученные сведения иными лицами доказательствами, принимает следователь после их анализа, причем для некоторых следственных действий анализ выступает в форме осмотра (ст. 185, 186, 186.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

М.В. Кондратьев

БЕСКОНТАКТНЫЙ СПОСОБ СБЫТА НАРКОТИКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Оперативно-розыскная характеристика является одним из понятий, составляющих категориальный аппарат теории оперативно-розыскной деятельности. Данный вид характеристики преступлений появился недавно, поэтому существуют различные точки зрения относительно ее определения, сущности и содержательных элементов, одним из которых является способ подготовки, совершения и сокрытия преступления.

В последнее время, с учетом широкого использования в различных видах противоправной деятельности новейших информационно-телекоммуникационных технологий, дистанционных форм коммуникаций, разносторонних ресурсов сети Интернет, способы подго-

товки, совершения и сокрытия преступлений подвергаются определенной трансформации. Особенно это характерно для преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

На сегодняшний день так называемый бесконтактный¹ способ сбыта наркотических средств приобретает весьма широкое распространение и занимает особое место среди элементов оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений, что обуславливает необходимость его детального изучения в рамках научных исследований.

Как нами уже отмечалось, наркопреступники прибегают к существенным изменениям в схемах сбыта наркотических средств и способах получения материальной выгоды от их реализации. Умелое использование последними современных достижений технического прогресса позволяет им в полной мере исключить прямые визуальные контакты с покупателями наркотиков, что, в свою очередь, влечет за собой повышение эффективности и безопасности преступной деятельности, расширение сети сбыта наркотиков, распространения организованной преступной деятельности.

Прослеживается увеличение роста бесконтактных способов сбыта наркотических средств путем осуществления так называемых закладок (оставления наркотиков в обусловленных местах) и посредством использования общедоступных платежных терминалов, таких электронных систем оплаты, как QIWI VISA WALLET, YANDEX-деньги, WEB MONEY и других, а также криптовалюты. Продажа наркотических средств таким способом осуществляется, как правило, организованными группами и преступными сообществами, действующими в сфере наркобизнеса.

Существенные изменения способов совершения противоправных действий также обусловлены тем, что имеющиеся в распоряжении сотрудников правоохранительных органов приемы борьбы со сбытом наркотических средств уже давно стали общеизвестными. Будучи осведомленными о методах осуществления оперативно-розыскной деятельности, правонарушители вынуждены проявлять чрезмерную осторожность при вынашивании и реализации своих преступных намерений. В связи с этим существует острая потреб-

¹ Исключающий непосредственный визуальный контакт сбытчика наркотиков с их покупателем.

ность в совершенствовании методов оперативно-розыскного противодействия новым способам наркосбыта¹.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что научные исследования в области бесконтактного сбыта наркотических средств, как одного из элементов оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений, на сегодняшний день представляют особую актуальность для оперативно-розыскной науки.

Т.К. Кужугет

СХОДСТВО РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ УПЛАТЫ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов предусмотрена ст. 98–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)². Общественная опасность уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов заключается в непоступлении денежных средств в бюджеты разных уровней и внебюджетные фонды государства.

При расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях субъектам уголовного преследования необходимо руководствоваться понятиями налогов, сборов, страховых взносов, содержащимися в ст. 8 Налогового кодекса, и учитывать, что установлены специальные налоговые режимы, местные налоги, региональные налоги и федеральные налоги.

Следует отметить, что налог и страховой взнос формируются по одинаковой схеме, которая универсальна для всех налогов. Формулу процесса налогообложения можно представить в следующем виде:

¹ См.: Кондратьев М.В. Оперативно-розыскное обеспечение выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 56.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 26 ноября 2019 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». URL: https://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338712/

ПНО = НПЛ + ОН + НБ + НП + НС + НЛ + ПИН + ПСУН,
где ПНО – процесс налогообложения; НПЛ – налогоплательщик; ОН – объект налогообложения; НБ – налоговая база; НП – налоговый период; НС – налоговая ставка; НЛ – налоговая льгота; ПИН – порядок исчисления налога; ПСУН – порядок и сроки уплаты налога.

Первый элемент НПЛ отражает информацию о личности преступника (субъектом преступления может быть нарушители налоговой обязанности: налогоплательщик, плательщик страхового взноса, руководитель, налоговый агент, должник по налогам и взносам, адвокат, нотариус и др.). Элементы со второго по седьмой (ОН, НБ, НС, НЛ, НП, ПИН) определяют размер вреда в крупном или особо крупном размере. В восьмом элементе (ПСУН) отражаются заведомо ложные сведения в налоговой декларации и данные о пропуска срока уплаты налога (или взносов).

Элементы ОН, НБ, НС, НЛ, НП, ПИН, ПСУН взаимосвязаны. Анализ по формуле налогообложения имеет поисково-познавательный характер¹. Такой анализ можно называть криминалистическим методом налогового анализа, который будет основным методом налоговедческой экспертизы.

Например, при умышленной занижении налоговой базы (НБ) налога на доходы физических лиц искажается сумма данного налога (ПИН) и занижаются размеры пенсионных, медицинских и социальных взносов.

Таким образом, сходство расследования налоговых преступлений и преступлений в сфере уплаты страховых взносов позволяет использовать криминалистические рекомендации по расследованию неуплаты налогов для целей расследования неуплаты страховых взносов. Методика их расследования почти одинакова. Нами видится рациональным считать, что в перспективе оптимальным является соединение ст. 198–199.4 УК РФ в одну², так как форми-

¹ Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под. ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. С. 797.

² Кужугет Т.К. К проблеме объективной стороны преступлений, предусмотренных ст.ст. 198-199.4 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Московского гос. юрид. ун-та им. О.Е. Кутафина. М. : РТ-Пресс, 2021. 776 с. С. 571–576. URL: https://litgid.com/catalog/yuridicheskaya/ugolovnoe_pravo_strategiya_razvitiya_v_xxi_veke_materialy_xviii_mezhdunarodnoy_nauchno_prakticheskoy_konferents/

рование налога, в том числе по страховым взносам, зависит не от статуса налогоплательщика, а от объекта налогообложения каждого налога.

Д.В. Кузаков

К ВОПРОСУ О СЛЕДОВОЙ КАРТИНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ПассаЖИРОВ ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН (СТ. 238 УК РФ)

Одним из эффективных способов профилактики происшествий на объектах водного транспорта является своевременное выявление и качественное расследование преступлений, связанных с оказанием услуг по перевозке пассажиров водным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья граждан. К сожалению, проблематика раскрытия и расследования данного вида преступлений не получила широкого освещения в криминалистической литературе, однако имеется ряд публикаций, посвященных отдельным ее аспектам, в частности работы О.Н. Куликовой¹, А.М. Журбенко, С.В. Пахомова² и других ученых.

При расследовании преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, необходимо, в первую очередь, обнаружить следы, свидетельствующие о возможном факте осуществления перевозки пассажиров на конкретном судне. Предлагаем условно разделить данные

¹ Куликова О.Н. Проблемные вопросы, возникающие при применении ст. 238 УК РФ в случаях оказания услуг водным транспортом // Российский следователь. 2015. № 20. С. 52–54.

² Журбенко А.М., Пахомов С.В. Особенности доказывания обстоятельств совершения преступлений в сфере оказания услуг населению по пассажирским и грузовым перевозкам воздушным и водным видами транспорта, не отвечающим требованиям безопасности // Белгородские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. С. 253–257.

следы на следующие группы, в зависимости от факта, на которые они указывают:

1. Следы, указывающие на факт оказания услуг по перевозке пассажиров на водном транспорте:

– следы присутствия пассажиров на борту судна, такие как оставленные на различных поверхностях судна следы, принадлежащие пассажирам (следы пальцев рук, запаховые следы и т.д.), а также личные вещи пассажиров;

– следы пальцев рук на купюрах, изъятых у перевозчика в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», а также имущество, переданное перевозчику в счет оплаты услуг по перевозке;

– показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых);

– биллинговая информация;

– данные выписки по лицевому счету пассажира и перевозчика.

2. Следы, указывающие только на факт перемещения судна:

– горюче-смазочные вещества на поверхности водоема. К следам данного типа можно отнести нефтепродукты, используемые для обеспечения движения и исправной работы водного транспорта;

– данные системы навигации водных судов;

– температурные показатели двигателя. Вследствие сгорания горюче-смазочного вещества в системе двигателя внутреннего сгорания происходит сильное повышение температуры основных узлов, остывание которых занимает довольно продолжительное время.

3. Следы, указывающие на наличие реальной опасности оказанной услуги для жизни и здоровья пассажиров:

– выявленные нарушения требований пожарной безопасности, обеспечения спасательными средствами, а также конструктивных особенностей судна, отрицательно влияющих на безопасность пассажиров;

– выявленные факты отсутствия документов, которые должны находиться на судне для подтверждения права перевозки пассажиров на платной основе.

Представленная классификация может послужить не только теоретической основой для изучения особенностей расследования и раскрытия преступлений данного вида, но и лечь в основу соответствующих методических разработок для следователей.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ В ЦЕЛЯХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Приступая к процессу расследования, следователь традиционно рассчитывает на добросовестные и правдивые показания свидетелей по уголовному делу. Однако это происходит не всегда. За последние годы исследователи отмечают усиление негативного отношения свидетелей к выполнению своего гражданского долга. Чаще всего это появляется в даче заведомо ложных показаний или изменении первоначальных правдивых показаний на ложные¹.

Но не только дача ложных показаний является способом противодействия расследованию. Следует отметить и иные, не менее распространенные (уничтожение следов преступника родственниками или знакомыми; перемещение предметов с целью изменения обстановки на месте происшествия; подбрасывание объектов с целью направить следствие по ложному пути и т.п.)². При обнаружении признаков противодействия следователь, соответственно, принимает меры к их нейтрализации, но время может быть упущено. Уличать в даче ложных показаний или устанавливать обстоятельства оказания противодействия иным способом гораздо труднее, чем предупредить такое поведение свидетелей (это может касаться и потерпевших). Когда речь идет о подобном поведении подозреваемого (обвиняемого), следователь используется комплекс тактических приемов, вплоть до проведения оперативно-тактических комбинаций, чтобы нейтрализовать противодействие. В случаях со свидетелями обычно предлагаются отдельные рекомендации об использова-

¹ Карнаухова О.Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 225 с.; Карпенко О.А., Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению. М., 2020. 144 с. и др.

² Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учеб. для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М. : Юрайт, 2020. С. 37–41.

нии тактических приемов, причем, как правило, связанных с бесконфликтной ситуацией¹. Такие приемы срабатывают, пока не возникла конфликтная ситуация. Нередко свидетели, которые ставят цель противодействовать расследованию, готовятся к допросу (в том числе получают консультации юристов, поддерживающих подозреваемого, обвиняемого). Не менее важно, что часто свидетели сами относятся к контингенту, который изначально отрицательно настроен к сотрудникам правоохранительных органов или безразличен к процессу проведения предварительного расследования. Тезис о том, что изучение личности свидетеля должно начинаться не с момента появления его в кабинете, а гораздо раньше, сегодня остается все так же актуальным.

В этом отношении следователю предлагается при планировании расследования учитывать следующие основные направления в целях нейтрализации противодействия со стороны свидетелей:

- изучение типичных способов противодействия расследования со стороны свидетелей (потерпевших), а также признаков, свидетельствующих об этом;

- установление по материалам расследования обстоятельства появления лиц в уголовном деле в качестве свидетелей (цели, мотивы их участия в проведении следственных действий);

- сбор сведений, характеризующих личность свидетеля;

- в случае необходимости – выяснение реальных мер безопасности, которые могут быть применены к конкретному свидетелю (Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», отдельные положения УПК РФ, иных нормативных правовых актов).

Изучение личности свидетеля позволит следователю быть готовым в конфликтной ситуации к использованию эффективных тактических приемов в целях нейтрализации его возможного противодействия расследованию.

¹ Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 285–289; Криминалистическая тактика : учеб. пособие / под ред. А.Г. Филиппова. М. : Юрайт, 2019. С. 86.

В.Н. Кукарцев

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРАЖАМ И МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ И СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Согласно статистическим сведениям МВД России из зарегистрированных в январе–декабре 2020 г. 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (+73,4%), больше половины (58,8%) осуществлены с использованием сети Интернет: 267,6 тыс. (+87,5%), т.е. почти половина (42,9%) – средств мобильной связи: 218,7 тыс. (+88,3%). Четыре из пяти таких преступлений (80,4%) составили кражи или мошенничества: 410,5 тыс. (+74,3%)¹.

Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, составляет 20,5%, с использованием средств мобильной связи – 11,8%, дистанционных краж – 16%, мошенничества – 6,8%, в том числе процент раскрываемости мошенничества.

Таким образом, правоохранительными органами в текущем году отмечается существенное ухудшение оперативной обстановки по линии противодействия кражам и мошенничествам, совершенным с использованием средств мобильной связи и сети Интернет. Между тем существенных сдвигов в совершенствовании организации и правовой основы работы правоохранителей в указанной сфере не происходит.

Во всех территориальных органах внутренних дел на региональном уровне функционируют подразделения, специально созданные для противодействия преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, однако штат указанных подразделений не соответствует нарастающему валу таких преступлений, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных пре-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/>.

ступлений увеличился с 14,5% в январе–декабре 2019 г. до 25% в аналогичный период 2020 г.

По-прежнему используется неприемлемый для противодействия данным преступлениям территориальный принцип работы и оценки деятельности правоохранительных органов, при котором сотрудники не заинтересованы в раскрытии либо передаче информации, значимой для раскрытия тех преступлений, которые совершены в отношении потерпевших, находящихся за пределами обслуживаемой территории.

Исполнение требования¹ о возбуждении уголовного дела по факту совершения рассматриваемого деяния в органе внутренних дел, в который поступило сообщение о преступлении, приводит к нерациональным материальным и временным затратам, возникающим в связи с командировками сотрудников в другие регионы для раскрытия таких преступлений, а также к отсутствию заинтересованности в осуществлении профилактических, оперативно-розыскных и иных мероприятий органами внутренних дел, на территории которых находятся лица, совершающие преступления в отношении потерпевших из других субъектов РФ.

Не предпринимаются исчерпывающие меры по созданию единой фоноскопической базы образцов голосов неустановленных, а также привлеченных к уголовной ответственности за указанные преступные деяния лиц. Не организовано сопоставление указанных образцов с аудиозаписями, осуществленными при работе с клиентами различными организациями: банками, агрегаторами такси и пр.

На наш взгляд, без разрешения отмеченных вопросов невозможно выстроить эффективную систему противодействия рассматриваемым видам преступлений.

¹ Например, приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений».

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Производство судебной экспертизы является одним из основных следственных действий при расследовании ятрогенных преступлений. Предметом судебно-медицинской экспертизы являются обстоятельства возникновения, развития и исхода патологического процесса в организме человека, характер влияния на него профессиональных действий (бездействия) медицинских работников, соответствие оказанной медицинской помощи потребностям состояния здоровья пациента и стандартам оказания медицинской помощи¹. Экспертным путем подлежат установлению:

1) соответствие диагноза повреждению или заболеванию, а также то, в какой промежуток времени он был поставлен с момента поступления больного в распоряжение врача;

2) степень соответствия стандартам оказания медицинской помощи при установленном диагнозе, своевременность и полнота оказанных мер медицинского характера;

3) наличие или отсутствие показаний для хирургического вмешательства, правильность и своевременность проведения операции, правильность выполнения послеоперационного ухода в течение всего периода госпитализации и амбулаторного периода;

4) дефекты в оказании медицинских услуг с указанием их причины;

5) медицинского работника, оказавшего медпомощь (услугу), не отвечающую требованиям безопасности;

6) причинно-следственная связь между действием врача и наступившими последствиями для состояния здоровья пациента;

7) установление вреда, причиненного здоровью пациента;

8) определение возможности сохранения жизни (трудоспособности) при правильном, полном, своевременном оказании медицинской помощи.

¹ Крюков В.Н. Руководство по судебной медицине. М.: Инфра-М, 2017. С. 41.

Возможность сохранения жизни (трудоспособности) оценивается только в случаях, когда установлены дефекты оказания медицинской помощи. Используются следующие градации возможности сохранения жизни (трудоспособности) пациента:

1) должна быть сохранена, когда своевременное и полное оказание медицинской помощи закономерно предотвращает развитие последствий для пациента;

2) могла быть сохранена, когда своевременное и полное оказание медицинской помощи могло предотвратить развитие последствий для пациента;

3) маловероятно, но не исключается такая вероятность, так как есть шансы для сохранения жизни;

4) исключается, когда выраженность заболевания или объем травмы даже при своевременном и полном оказании медицинской помощи обуславливает неблагоприятный исход для больного. Заключение экспертной комиссией выносится на основании личного клинического опыта экспертов, а также данных статистики о проценте неблагоприятных клинических исходов у подобных больных.

Объектами судебно-медицинской экспертизы являются подлинные медицинские документы (акты служебной (административной) проверки, показания медицинского персонала и т.п.). В случае смертельного исхода – акт судебно-медицинского исследования трупа или протокол патологоанатомического вскрытия трупа¹.

Основные вопросы, подлежащие разрешению при производстве экспертиз по данной категории дел:

- 1) имели ли место дефекты в оказании медицинских услуг;
- 2) правильно ли было диагностировано заболевание;
- 3) правильно ли был выбран способ лечения заболевания и проведена операция;
- 4) есть ли дефекты в оказании медицинских услуг. Повлекли ли они за собой причинение вреда здоровью, и если «да», то какой степени;
- 5) какова причина смерти и возможно ли было избежать смертельного исхода при отсутствии недостатков в лечении больного?

¹ Судебно-медицинская экспертиза: учебник / под ред. Е.Х. Барина. М. : Юрайт, 2021. С. 20.

Е.С. Мазур, М.А. Медведева

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ И ЕГО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Интенсивное развитие медицины в мире сопровождается ростом так называемых ятрогенных преступлений, т.е. преступлений, совершаемых медицинскими работниками при выполнении ими своих профессиональных обязанностей. Особенность общественной опасности ятрогенных преступлений состоит в том, что они нарушают конституционные права граждан на охрану здоровья и на получение качественной медицинской помощи¹.

Число ятрогенных преступлений в Российской Федерации растет. Наряду с этим отмечается рост числа обращений пациентов в правоохранительные органы, связанных с оказанием им медицинской помощи ненадлежащего качества. В связи с этим считаем необходимым отметить, что действующий уголовный закон не предусматривает специального состава преступления об оказании неквалифицированной медицинской помощи медицинскими работниками.

При исследовании нормативно-правовой базы для построения методики расследования ятрогенных преступлений следует начинать со ст. 41 Конституции РФ, где закреплены конституционно-правовые основы регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения. В статье 33 Федерального закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» говорится о первичной медико-санитарной помощи, которая является бесплатным и доступным видом медицинского обслуживания для всех граждан, включающим в себя мероприятия по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, а также другие мероприятия.

¹ Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты / Н.А. Подольный, Г.П. Кулешова, Е.А. Коваль, А.В. Матюшкина, Н.Н. Подольная. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 168.

За качеством медицинской помощи осуществляется ведомственный и вневедомственный контроль. Ведомственный контроль производится сотрудниками медицинских учреждений в соответствии с положениями о системе ведомственного контроля качества медицинской помощи в учреждениях здравоохранения на территории субъекта Российской Федерации. Вневедомственный контроль качества медицинской помощи осуществляется за деятельностью учреждений здравоохранения независимо от форм собственности, частнопрактикующих врачей страховыми организациями, территориальными фондами обязательного медицинского страхования, страхователями, исполнительными органами Фонда социального страхования Российской Федерации, обществом защиты прав потребителей¹.

При расследовании преступлений, связанных с оказанием медицинской помощи ненадлежащего качества и повлекшим общественно опасные последствия, необходимо, среди прочих обстоятельств, установить несоответствие действий медицинских работников соответствующим правилам. Судебно-медицинский эксперт, перед которым могут быть поставлены подобного рода вопросы, должен опираться на значительную по объему нормативно-правовую базу. Без использования нормативно-правовых положений не представляется возможным установить, какие профессиональные обязанности были в конкретном случае возложены на медицинского работника, а, значит, и в чем состоит нарушение. При данном подходе от лица, ведущего расследование, требуется тщательное, полное и всестороннее изучение процесса оказания медицинской помощи. Вышеизложенное имеет значение не только для содержания криминалистической методики ятрогенных преступлений, но и позволяет точно квалифицировать соответствующие деяния, дать объективную оценку последствиям каждого конкретного ятрогенного случая.

¹ Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 451. С. 190–212.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХАЛАТНОСТИ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ДЕТЕЙ

Опасность халатности в сфере организации досуга детей проявляется в том, что общественно опасные последствия при совершении данного преступления наступают в результате недобросовестного или небрежного отношения должностного лица к возложенным на него обязанностям. В большинстве случаев лицо, совершившее названное преступление, не предполагает наступление опасных последствий. Наиболее серьезным последствием данного преступления является гибель детей, как, например, в ходе события, связанного со взрывом снаряда в центре дополнительного образования «Созвездие», расположенного в одной из школ г. Лобня в Подмосковье¹.

В большей степени успешное раскрытие и расследование преступлений зависят от умения лица, производящего расследование, ориентироваться не только в уголовно-правовой сущности преступления и уголовно-процессуальных нормах его расследования, но и способности правильного применения «операциональных тактико-криминалистических средств», среди которых можно выделить криминалистическую характеристику преступления².

В настоящее время наиболее распространенными организациями, занимающимися досугом детей, являются различного рода секции. При этом преобладают небольшие секции, в которых организатором и тренером выступает одно и то же лицо, которое не всегда обеспечивает всех требований безопасности занимающихся в секции детей.

¹ После гибели школьника от взрыва боеприпаса в Лобне задержаны директор и педагог // LENTA.RU: ежен. интернет-изд. 2020. 21 октября. URL: <https://www.lenta.ru/news/2020/10/21/lobnja/> (дата обращения: 15.01.2021).

² Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 15.

Лиц, совершающих данные преступления, можно охарактеризовать как самонадеянных и исключаяющих возможности наступления общественно опасных последствий. Так, в качестве примера можно привести события, получившие достаточно большой общественный резонанс, которые имели место в 2016 г. на «Сямозере»¹.

Кроме того, специфика занятий в рассматриваемых организациях такова, что у ребенка развивается либо так называемый авторитет тренера или инструктора, либо своеобразный страх перед ним, который иногда начинает преобладать над авторитетом родителей.

При расследовании данных преступлений в некоторых случаях подозреваемое лицо, пользуясь своим авторитетом или страхом ребенка, начинает противодействовать расследованию путем воздействия на потерпевшего ребенка с целью дачи последним показаний, выгодных подозреваемому.

В данном случае на помощь лицу, производящему расследование, как раз и приходят такие элементы криминалистической характеристики преступлений, как «личность преступника» и «личность потерпевшего». При этом необходимо помнить, что потерпевший по данному преступлению является ребенок, и сбор информации в отношении него обладает определенной спецификой.

Своевременный сбор и полнота информации о личности преступника и потерпевшего помогут следователю в выдвижении версий, разработке эффективного плана следственных действий и выборе тактических приемов при их проведении, а также в принятии мер по предотвращению противодействия расследованию. Все это будет способствовать полному и всестороннему расследованию халатности в сфере организации досуга детей.

¹ Трагедия на Сямозере. Кто виновен в смерти 14 детей // РИА НОВОСТИ: ежедн. интернет-изд. 2019. 18 марта. URL: <https://www.ria.ru/20190318/1551895254.html>

Е.А. Мунгалов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СРАВНИТЕЛЬНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛОКОН И ВОЛОКНИСТЫХ МАТЕРИАЛОВ

Сравнительное криминалистическое исследование волокон и волокнистых материалов осуществляется в рамках производства одноименной судебной экспертизы для решения идентификационных задач. Наиболее часто объектами таковой экспертизы являются единичные волокна, изъятые с места происшествия, и носимые предметы одежды подозреваемого. На разрешение ставится вопрос идентификационного характера: «Имеют ли волокна, изъятые с конкретного места происшествия, общую родовую (групповую) принадлежность с волокнами, входящими в состав предметов одежды подозреваемого?». В отечественной литературе вопросы методического обеспечения криминалистического исследования волокнистых материалов рассмотрены подробно и исчерпывающе¹.

По результатам проводимого сравнительного исследования волокон, изъятых с места происшествия, и волокон, входящих в состав предметов одежды подозреваемого, устанавливается либо отвергается их родовая (групповая) принадлежность. При решении идентификационных задач данное исследование останавливается на стадии сравнении родовых (групповых) признаков исследуемых объектов и как таковая индивидуальная идентификация предметов одежды по обнаруженным на месте происшествия волокнам не проводится.

¹ Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. I / под ред. В.А. Пучкова, Л.Д. Беляевой. М., 1983; Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. II. Исследование текстильных волокон / под ред. В.А. Пучкова. М., 1983; Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Вып. III. Исследование органических красителей окрашенных текстильных материалов / под ред. В.А. Пучкова. М., 1983; Стецюк М.Н., Иванов Ю.Л. Диагностическое и сравнительное исследование волокон // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А.Ю. Семенова. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. С. 626–635.

Отсутствие родовой (групповой) принадлежности сравниваемых объектов категорически указывает на то, что обнаруженные на месте происшествия волокна не входят в состав материалов, из которых изготовлена одежда подозреваемого. Установление общей родовой (групповой) принадлежности волокон, изъятых на месте происшествия, с волокнами, входящими в состав конкретной одежды подозреваемого, по своей сути является вероятностным выводом. Установление общей родовой (групповой) принадлежности подразумевает отнесение исследуемого объекта к определенному множеству – роду (группе). В нашем случае это означает, что волокна, изъятые на месте происшествия, могли произойти как от конкретного предмета одежды, изъятая у подозреваемого, так и от любого другого предмета, в составе которого имеются волокна с такими же родовыми (групповыми) признаками.

К сожалению, в большинстве судебных экспертиз по исследованию волокон и волокнистых материалов в случае установления общей родовой (групповой) принадлежности сравниваемых объектов дается краткий вывод, без его интерпретации. Такие выводы могут восприниматься буквально, как факт установления того, что сравниваемые объекты тождественны (например, волокна, изъятые с места происшествия, произошли от конкретного предмета одежды, что в корне неверно). Неправильная интерпретация выводов экспертизы может запутать расследование преступления, направить его по ложному пути.

Установление общей родовой принадлежности сравниваемых объектов волокнистой природы, имея вероятностную природу, должно использоваться лишь в оперативно-розыскной деятельности и при проверке следственных версий.

Н.А. Назырова

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Проверка показаний на месте как самостоятельное следственное действие получила свою правовую регламентацию в УПК РФ с 2001 г. и, как отмечает профессор Е.Е. Центров, явилась результатом многолетних дискуссионных споров криминалистов и представителей уголовного процесса¹. Целевой потенциал указанного следственного действия достаточно высок, однако в правоприменительной практике по отдельным видам преступлений рассматриваемое следственное действие либо не проводится вовсе, либо производится формально.

Анализ изученного материала по делам в сфере незаконного образования юридического лица также свидетельствует о наличии ряда острых проблемах:

1. Проблема игнорирования следователями производства проверки показаний на месте и, как результат, утрата потенциальной ориентирующей дополнительной информации и доказательств. По направленным в суд уголовным делам названной категории проверка показаний на месте проводилась в 28% случаев, по приостановленным уголовным делам – только в 7% дел. Ее участниками во всех случаях становились фиктивные лица, на имя которых регистрировалось юридическое лицо.

2. Проблема шаблонности производства проверки показаний на месте. В 98% дел, как приостановленных, так и направленных в суд, проверка показаний на месте осуществлялась в налоговом органе. Из содержания протоколов этих следственных действий следует, что ее участник (подставное лицо) указывал на местонахождение налогового органа и на этом проверка фактически заканчивалась. В отдельных протоколах участник проходил дополнительно внутрь помещения налогового органа и указывал на конкретное окно рабо-

¹ Центров Е.Е. О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Законность. 2013. № 10 (948). С. 51.

ты с клиентами, в которое он передал документы уполномоченному сотруднику. Сразу необходимо отметить, что номер окна приема документов больше в материалах соответствующего уголовного дела нигде не фигурировал, что не позволяет делать вывод о достоверности/недостоверности показаний в данной части и действительной ориентированности проверяемого лица на месте.

3. Проблема массово допускаемых тактических ошибок при фиксации результатов проверки показаний на месте, в протоколах которых не отражаются содержание свободного рассказа лица, чьи показания проверяются, сведения о роли инициатора совершения преступления. В частности, не фиксируются в полной мере сведения о способе доставки лица в налоговый орган (место передачи документов, факт сопровождения лица внутрь налогового органа, где ожидали его возвращения и др.).

Отмечаемые проблемы предполагают, на наш взгляд, следующие пути решения:

1. Переработка методически рекомендаций по рассматриваемому виду преступлений, включив в них особенности производства проверки показаний на месте.

2. Творческий подход к производству проверки показаний на месте, которая может осуществляться не только в налоговом органе как месте совершения преступления, но и в иных местах, связанных с событием преступления: местонахождение фиктивного юридического лица, место получения электронной цифровой подписи, место выдачи нотариальной доверенности от имени подставного лица и другие места, в которых действительно может быть получена дополнительная информация как об инициаторе совершения преступления, так и об иных обстоятельствах, подтверждающих незаконность образования юридического лица.

Решение этих проблем позволит органам предварительного расследования в полной мере использовать предусмотренные возможности установления истины по делу и изобличения преступников в сфере незаконного образования юридического лица.

ИСКАЖЕНИЕ ПОДПИСНОГО ПОЧЕРКА ПРИ АВТОПОДЛОГЕ

Исследование подписи на предмет возможного автоподлога (т.е. умышленного ее изменения с целью последующего отказа от нее) должно проводиться экспертом-почерковедом при каждой идентификационной почерковедческой экспертизе. При этом следователю или суду не требуется ставить отдельный вопрос перед экспертом: его рассмотрение предусмотрено методикой почерковедческой экспертизы и должно быть отображено в исследовательской части заключения. Отсутствие этого этапа деятельности может послужить в дальнейшем основанием для обжалования и исключения такого вида доказательства, как заключение эксперта/специалиста. Причины данного поведения могут быть различные: от желания уменьшить объем проводимых исследований и до непонимания разграничений автоподлога от выполнения подписи другим лицом.

Сложности определения автоподлога возникают в основном у начинающих экспертов, которые могут ошибаться в своих выводах при обнаружении различий между исследуемым образцом и сравнительными образцами: внешний вид подписи в этом случае меняется полностью или частично. Ведь суть действий лица при осуществлении автоподлога сводится к тому, что оно стремится изменить свою подпись таким образом, чтобы она приобрела вид неподлинной. Часто видоизменяется ее транскрипция: добавляются или исчезают буквенные элементы, росчерки и штрихи. Но создание нового варианта подписи повышает роль сознательного контроля при письме, что приводит к деавтоматизации процесса письма. Непривычные для исполнителя движения влекут за собой снижение четкости подписи (читаемость подписи уменьшается) и привычного темпа движений. Также наблюдаются следующие изменения общих признаков подписи: размер почерка в большинстве случаев меняется в сторону увеличения; наклон почерка, как правило, – на противоположный; связность почерка нередко повышается: в связи с упрощением транскрипции, заменой части букв штрихами выполнять последние становится легче непрерывными движениями. Корректируются и некоторые частные признаки подписного почерка, например относи-

тельное размещение точек начала и окончания движений, форма движений при выполнении начальных частей элементов букв. Следует заметить, что самой устойчивой в подписи при ее умышленном изменении является средняя часть, содержащая такую совокупность признаков, которая позволяет судить о подлинности подписи. Этот факт обусловлен тем, что в середине подписи содержится наиболее взаимосвязанный комплекс навыков, который с большим трудом поддается коррекции¹.

При оценке выявленных признаков и их устойчивости в исследуемой подписи эксперт должен сопоставить их не только с признаками подписного почерка лица, но с признаками его почерка в целом. Дело в том, что исполнитель искаженной подписи, в основном, концентрируется на виде самой подписи, не обращая внимание на свой почерк. Тем самым в исследуемом образце нередко находят отражение признаки, свойственные не подписи, а почерку. Поэтому для умышленно измененных подписей (в отличие от подписей, исполняемых с подражанием) характерно различие в общих признаках и совпадение в частных.

Таким образом, трудностей с определением автоподлога не возникает, если знать, какие признаки подписного почерка чаще всего видоизменяются при его осуществлении. Немаловажно также иметь достаточное количество сравнительного материала: и образцы подписи, и образцы почерка лица. Тогда при определенном сочетании изменившихся и неизменившихся признаков можно в категорической форме решить вопрос о выполнении подписи лицом, от имени которого она представлена.

¹ См.: Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза: учеб. для вузов МВД СССР / под ред. засл. деят. науки РСФСР проф. Р.С. Белкина. Волгоград, 1977. С. 167–168.

В.В. Овсянников

ДНК-ФЕНОТИПИРОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Согласно статистическим данным количество совершенных преступлений за 12 месяцев 2020 г. увеличилось на 1% (зарегистрировано 2 044,2 тыс. преступлений); 941,4 тыс. преступлений остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого¹.

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 отмечается увеличение количества совершенных контактных преступлений с использованием медицинских масок, перчаток с целью сокрытия внешнего облика преступника.

Существующая на данный момент практика составления субъективных портретов как одного из источников криминалистически значимой информации свидетельствует о том, что потерпевшие, свидетели, в том числе очевидцы, не всегда могут описать внешний облик преступника. Так, использование медицинской маски стандартного размера 17,5 × 9,5 см (закрывает область от переносицы до подбородка) чаще всего приводит к невозможности составления субъективного портрета.

Таким образом, повышается потребность правоохранительных органов в разработке современных методов и средств, позволяющих получать актуальную криминалистически значимую информацию, необходимую для повышения эффективности установления и розыска лиц, причастных к совершению преступления.

Учитывая данное обстоятельство, отметим современное и перспективное направление в области исследования вопросов взаимосвязи цепи ДНК с фенотипической природой человека.

Так, в области молекулярно-генетических методов, наряду с уже привычными для их использования вопросами идентификации личности, все большее внимание ученых разных стран привлекает необ-

¹ Состояние преступности в России (за январь–октябрь 2019 года). Министерство внутренних дел Российской Федерации. М. : ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2020. С. 3, 6.

ходимость решения диагностических задач, связанных с криминалистическим ДНК-фенотипированием¹.

Под фенотипом понимают особенности строения и жизнедеятельности организма, обусловленные взаимодействием его генотипа с условиями среды. Криминалистическое ДНК-фенотипирование предполагает прогнозирование признаков внешности, а также географического происхождения индивидуума².

Хотя ДНК-фенотипирование все еще остается на стадии экспериментальных исследований, в некоторых странах оно находит свое применение:

- в исследовании признаков, связанных с пигментацией;
- прогнозировании особенностей морфологии лица;
- прогнозировании морфологии ушной раковины;
- прогнозировании роста;
- прогнозировании возраста;
- прогнозировании географического происхождения лица.

Таким образом, использование возможностей диагностических исследований ДНК-(РНК)-анализа в области прогнозирования признаков внешнего облика, на наш взгляд, уже в ближайшем будущем позволит повысить эффективность раскрытия и расследования широкого круга преступлений.

В.В. Остробородов, И.А. Обухов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Сегодня психические расстройства занимают лидирующие позиции среди заболеваний. Причины этих расстройств разнообразны: травмы, заболевания, употребление психоактивных веществ (наркотические вещества, алкоголь), социально-экономические факторы.

¹ Koops B.J., Schellekens M. Forensic DNA phenotyping: regulatory issues // The Columbia Science and Technology Law Review. 2008. 9; Shaffer J.R. et al. Genome-Wide Association Study Reveals Multiple Loci Influencing Normal Human Facial Morphology. PLOS Genetics. 2016. Vol. 12, № 8; Walsh S. et al. Global skin colour prediction from DNA // Hum. Genet. 2017. Vol. 136, № 7.

² Перепечина И.О. Некоторые новые возможности ДНК-(РНК)-диагностики // Вестник экономической безопасности. 2019. № (2). С. 215.

Кроме этого, психические расстройства могут передаваться по наследству.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения к психическим расстройствам относятся депрессия, биполярное аффективное расстройство, шизофрения, деменция, умственная отсталость и расстройства развития, аутизм¹. В целом для указанных расстройств характерны нарушения эмоциональной сферы, мыслительного процесса, взаимоотношений с окружающими, изменение поведения. Нередко указанные нарушения могут приводить к совершению преступлений, направленных против здоровья и жизни человека, а также против личности и собственности.

Согласно ст. 196 УПК РФ² «Обязательное назначение экспертизы», назначение и производство экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности; при совершении преступлений, направленных против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него педофилии; в случаях подозрения наркомании. Поводами назначения экспертизы могут быть сведения о лечении лица в психиатрических стационарах, постановке его на учет в психоневрологических диспансерах, данные о черепно-мозговых травмах, употреблении психоактивных веществ, а также особенности совершенного преступления. Основанием для проведения экспертизы является постановление дознавателя, следователя прокурора, судьи или определение суда. В распоряжение эксперта необходимо предоставить медицинские документы из психиатрических, наркологических и других медицинских учреждений, протоколы допросов, результаты бесед с лицами, которые знают подэкспертного и могут сказать об особенностях его поведения. Большое значение может иметь предоставление письменной продукции (дневники, письма и др.).

¹ Психические расстройства. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 10.01.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 171-ФЗ. Программа информационной поддержки российской науки и образования // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021).

Важной частью постановления являются вопросы, поставленные на разрешение экспертизы. Они должны входить в компетенцию эксперта, формулировка их должна быть четкой. В вопросах необходимо отражение наличия или отсутствия психического расстройства, его характера, способность лица осознавать фактическую опасность своих действий и руководить ими во время совершения преступления, воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. В зависимости от тех или иных обстоятельств могут быть поставлены и другие вопросы, носящие более узкий характер.

Таким образом, своевременное, обоснованное назначение судебно-психиатрической экспертизы способствует установлению психического состояния лица, мотивы совершения преступления, возможность лица понести наказание за содеянное, а также решить вопросы применения принудительных мер медицинского характера.

О.В. Полстовалов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последние годы все активнее обсуждается проблема цифровизации юридической практики. При этом сама сфера цифровизации приобретает все более широкие масштабы как в просоциальной, так и в антисоциальной деятельности. В эпоху цифровизации актуальность криминалистической профилактики только возрастает. Криминалистическая профилактика в настоящее время должна выступать максимально широким фронтом, не взирая на традиционалистские сентенции о теснейшей связи исключительно с уголовным процессом и соответствующей уголовно-юрисдикционной деятельностью преимущественно органов расследования и государственного обвинения.

Предметная ограниченность криминалистики расследованием и раскрытием преступлений, сопровождением уголовного судопроизводства и, главным образом, уголовного преследования не позволяет выйти во в неуголовно-релевантное правоприменение без риска оказаться за пределами научной специальности. Одновременно сложность межотраслевых связей и правоотношений очевидна и не тре-

бует доказательств. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением о том, что необходимость в уголовно-юрисдикционной деятельности возникает «только тогда, когда совершаются конкретные преступления, нарушающие права и свободы человека и гражданина, посягающие на общественный порядок или общественную безопасность, грубо игнорирующие государственные интересы»¹. Однако сама профилактика должна быть реализована как можно раньше. В отечественной традиции же есть своя специфика: обнаружение умысла и приготовление к совершению преступлений небольшой и средней тяжести не являются уголовно наказуемыми. В этой связи плотная увязка криминалистической профилактики с уголовно-юрисдикционной деятельностью изжила себя и требует пересмотра в сторону профилактики предкриминальных явлений.

Параллельным криминалистике курсом развивается программное обеспечение по мониторингу общественных настроений. При этом пальму первенства в отечественной традиции держат программные продукты, направленные не на выявление антисоциальных настроений, а на анализ потребительского спроса и прочих рыночных инструментов. Однако есть решения, которые позволяют криминалистической профилактике выйти на новый уровень развития: в частности, технология «Sentiment analysis» (анализ тональности) в качестве области компьютерной лингвистики направлена на изучение мнений и настроений в текстовых документах². Эти возможности программного обеспечения могут быть использованы для выявления и анализа предкриминальных настроений, а также предположительно криминального контента, к примеру экстремистской направленности.

Интересен зарубежный опыт. В США всячески материально и организационно поддерживается исследование возможностей математического моделирования в расчете сил и средств государственного реагирования, приложения усилий контролирующих органов и органов правопорядка, к примеру, для борьбы с незаконной порубкой

¹ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2019. С. 16.

² Мейта М.В., Шиповской В.В., Романов А.С. Разработка системы мониторинга настроения людей в социальных сетях // Электронные средства и системы управления : материалы докл. Междунар. науч.-практ. конф. 2015. № 1-2. С. 177.

леса, браконьерством и другими подобного рода экологическими правонарушениями¹.

Таким образом, криминалистическая профилактика преступлений на цифровой основе может иметь ряд форм: 1) использование программного обеспечения для мониторинга в глобальной сети Интернет предкриминальных настроений и криминальных проявлений; 2) использование математического моделирования для анализа криминальной рациональности и выбора в целях оптимизации сил и средств профилактической направленности; 3) использование возможностей искусственного интеллекта для выявления возможных связей и отношений криминального рода для предупреждения на докриминальном уровне, а также в процессе конкретного расследования; 4) использование цифровых средств видео- и аудиофиксации на наиболее криминогенных и опасных участках (районы населенных пунктов повышенной криминальной опасности, участки дорог с наибольшей аварийностью и пр.).

Н.В. Рязанова

ВЫБОР ТАКТИКИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДОПРОСА

Допрос относится к категории самых часто проводимых следственных действий и, по мнению многих практиков, не требует больших затрат сил, времени для его подготовки и проведения. Однако это далеко не так. Подчас для того, чтобы провести квалифицированный допрос, необходимо затратить огромные усилия на его подготовительной стадии: провести ряд дополнительных следственных действий, собрать характеризующие сведения о допрашиваемом лице, проанализировать имеющуюся по делу информацию и т.д. Успех допроса зависит от того, насколько полно будут учтены и использованы особенности личности допрашиваемого: его психика, культурный и общеобразовательный уровень, профессия, взгляды, общественная активность и т.п.

¹ Cartee E., Vladimirsky A. Control-theoretic models of environmental crime // Environmental crime modeling. arXiv:1906.09289v3 [math.OC] 2 March 2020. P. 1–26. URL: <https://arxiv.org/pdf/1906.09289.pdf> (дата обращения: 27.01.2021)

При проведении допроса следователь должен учитывать психологические и возрастные особенности лица, уметь улавливать не только настроение, но и признаки, указывающие на изменение настроения допрашиваемого. Помимо этого, квалифицированный допрос предполагает знание следователем норм уголовно-процессуального законодательства, умение его правильно толковать и творчески подходить к реализации его требований. Но одно лишь знание закона и умение его применять не может являться гарантией получения полных и достоверных сведений от допрашиваемого лица. Именно при проведении данного следственного действия следователь должен прислушиваться к своей интуиции, используя не только профессиональный, но и житейский опыт. Он должен чувствовать, какие тактические приемы и в какой последовательности целесообразно применять, чтобы показания были объективными и соответствовали требованиям закона, какие меры воздействия на допрашиваемое лицо дадут результат, который при соответствующей оценке приобретет статус доказательства.

По одному из толкований, тактика – это совокупность методов и приемов, применяемых для достижения намеченной цели¹. А целью допроса, как известно, является получение полных, правдивых, объективно отражающих действительность показаний.

Бесспорно, допрос – это сложное следственное действие, требующее тщательной подготовки, знаний тактических приемов его проведения, основных положений психологии, логики, криминологии и др.

Из всех следственных действий до настоящего времени это самое дискуссионное процессуальное действие. Тактика его проведения, отдельные тактические приемы вызывают споры о законности их применения.

Существует мнение среди ряда практических работников и ученых, как правило, с большим профессиональным стажем, что допрос как источник доказательств в настоящее время необходимо упразднить. Объясняется это тем, что большинство молодых следователей не владеют этим искусством, а институт наставничества изжил себя и научить их некому. Безусловно, такое мнение ошибочно, молодых следователей нужно учить, объяснять им тактику допроса, на про-

¹ Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Астрель : АСТ, 2010. С. 914.

тяжении всего обучения повторяя, что правильный выбор тактических приемов, последовательность их применения в зависимости от конкретной ситуации являются основной, определяющей результативность данного следственного действия.

При подготовке будущих следователей необходимо вводить спецкурсы по допросу лиц различного процессуального статуса, по разным категориям преступлений, необходимо объяснять молодым специалистам, насколько сложным является данное следственное действие, сколько сил, времени и средств требует подготовка и сам процесс допроса, одновременно указывая на его огромное значение для достижения назначения уголовного судопроизводства.

А.С. Скоревич

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ, ОСНОВАННАЯ НА ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ДОПРАШИВАЮЩЕГО

Актуальность исследования личностных характеристик допрашивающего обоснована тем, что профессиональная успешность зависит от «психологической структуры личности следователя»¹. Исходя из того, что «способности, присущие профессионалу, следует рассматривать как свойства, имеющие онтогенетическое происхождение»², существенные характеристики в структуре личности допрашивающего актуализируются в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Допрос имеет выраженный аспект межличностного взаимодействия. Ввиду дефицита ресурса времени и информационной неопределенности, а также наличия конфликта интересов представителя правопорядка с подследственным, определяющее значение при про-

¹ Новиков Б.Д., Козлов С.А. Психологические предпосылки успешной деятельности работников прокуратуры // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1. С. 35.

² Дружилов С.А. Индивидуальный ресурс человека как основа становления профессионализма. URL: <http://druzhilov.ru/books/1161/> (дата обращения: 21.01.2012).

ведении допроса имеет такая характеристика личности допрашивающего, как антиципация. «Антиципация – это способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением»¹. Антиципация на речемыслительном уровне обеспечивает решение задач проблемного типа, упреждение тактического действия партнера (противника), рефлексивного управления².

Антиципация реализуется посредством рациональных и иррациональных элементов в познавательной деятельности. В качестве иррационального элемента механизма прогностического мышления выступает интуиция. В данном контексте «интуиция рассматривается как вероятностное знание о будущих событиях»³. Исследование уровня интуитивности следователей демонстрирует следующие результаты: высокоинтуитивных следователей – 34%, низкоинтуитивных – 31% от общей выборки⁴.

В качестве рационального элемента механизма прогностического мышления выступают волевые действия по подготовке и реализации профессиональной деятельности. Описанные параметры составляют такую характеристику личности, как «организованность». Исследование уровня организованности следователей демонстрирует следующие результаты: 13% – нет четкой системы в работе, 13% – организованность неустойчива, 68% считают самоорганизацию неотъемлемой частью работы⁵.

В соответствии с представленными данными, изученная на выборке следователей характеристика личности «интуитивность» имеет равномерное распределение разных степеней выраженности, в то

¹ Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. С. 5.

² Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. С.15.

³ Заева М.А., Васильева И.В., Григорьев П.Е. Анализ подходов к пониманию интуиции и планирование комплексного психологического эксперимента // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете : материалы конф. М., 2015. Т. 1. С. 202.

⁴ Васильева И.В. Интуитивность как фактор эффективной деятельности следователя : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. С. 15.

⁵ Кругова Н.В. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя как субъекта труда в ходе производства следственных действий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2010. С. 18.

время как «организованность» характерна для большей половины респондентов.

Из изложенного логически следует зависимость эффективности тактических приемов от индивидуально-психологических характеристик допрашивающего. Так, тактические приемы, содержательная определенность которых формализована вариативным способом, следует рекомендовать допрашивающим, в характеристике личности которых ведущим значением обладает интуитивность, а тактические приемы с конкретной содержательной определенностью – допрашивающим, в характеристике личности которых ведущим значением обладает организованность¹.

Д.Ю. Степанова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ФСИН РОССИИ

Экстремизм, являясь опасным и разрушающим явлением, способен дестабилизировать жизнедеятельность не только отдельного региона или всего государства, но и потенциально способен негативно сказаться на функционировании человечества в целом. Мы разделяем мнение Н.В. Румянцева, что распространению экстремизма и терроризма способствуют интенсивный поток зарубежной миграции, наличие этнических криминально активных групп, общемировая тенденция к интенсификации осуществления преступной деятельности (в том числе экстремистской и террористической направленности) посредством сети Интернет².

¹ Скоревич А.С. Способы формализации тактических приемов допроса // Российское право: трибуна молодого ученого. Томск, 2019. Вып. 19. С. 353.

² Румянцев Н.В. О мерах по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в местах лишения свободы // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: материалы междунар. науч.-практ. конф. и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. М.: Академия ФСИН России, 2019. С. 200–205

Непосредственно в исправительных учреждениях их территориальная замкнутость и временная длительность совместного нахождения осужденных делают возможным распространение идей экстремизма, вербовку новых приверженцев, их обучение. Как отмечал депутат Государственной Думы М.Е. Старшинов, «места принудительного содержания – наиболее приятная среда, где люди склонны к восприятию такой информации»¹.

В исправительных учреждениях осужденные за преступления экстремистской направленности, как правило, держатся обособленно от основной массы осужденных. Подавляющее большинство приверженцев экстремистских идей или террористических воззрений не стремятся занимать высшее положение в преступной иерархии. Однако они объединяются в группы с общими взглядами, интересами по признакам этнической, религиозной, территориальной и иной принадлежности. Каждая подобная группа латентно осуществляет пропаганду экстремистских идей или террористических взглядов, привлекая в свои ряды новых сторонников, устанавливая контакты с лицами, отбывающими наказание в других учреждениях, находя и даже пополняя источники финансирования экстремистской или террористической деятельности. В данном случае первичная цель оперативных подразделений на местах – выявить факт существования (зарождения) таких групп.

В основном недостатки качественного противодействия экстремизму и терроризму в исправительных учреждениях связаны с незнанием оперативными сотрудниками оперативно-розыскной характеристики личности таких преступников, форм, методов и способов противодействия им. Отсюда очень важно выявление приверженцев радикальных взглядов на этапе их прибытия в исправительное учреждение. Для этого оперативным сотрудникам, используя знания основ профайлинга, следует обращать внимание на манеру поведения, детали осуществления религиозных обрядов, особенности общения в основной среде осужденных. Знание оперативными сотрудниками подобных сведений позволит не только раскрывать преступления, но

¹ Цит. по: Бакулина Л.В., Бакулин В.К. Взаимодействие доктрины и практики в создании эффективного законодательства: уголовно-исполнительные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2015. № 8 (128). С. 95–98.

и планировать и проводить эффективные мероприятия по их предупреждению (пресечению).

Таким образом, считаем, что для успешной борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в исправительных учреждениях оперативным подразделениям необходимо привлекать для проведения профилактических мероприятий представителей духовенства; повышать уровень оперативного контроля над осужденными, а также проверки поступающей в исправительные учреждения литературы; постоянно совершенствовать профессиональную компетентность посредством специальной служебной подготовки и повышения квалификации в образовательных организациях ФСИН России.

С.М. Томилин

К ВОПРОСАМ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), органам-субъектам, наделенным правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД), предоставлено право на применение специальных технических средств (СТС). В соответствии с ними применение СТС при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) допускается только определенным кругом субъектов (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»).

Применение этой нормы имеет важное значение и позволяет не только обеспечить права и свободы гражданина и человека, охраняемые Конституцией РФ, от неправомерного вмешательства со стороны посторонних лиц, но и закрепляет гарантии их правомерного использования сотрудниками оперативных подразделений.

Значение этого положения ФЗ «Об ОРД» необходимо рассматривать во взаимосвязи с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в соответствии с которым устанавливается от-

ветственность за неправомерное использование СТС не уполномоченными на то лицами (ст. 137, 138, 139 УК РФ и др.).

Так, например, за незаконные производство, приобретение и (или) сбыт СТС, предназначенных для негласного получения информации, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 138.1 УК РФ, в которую Федеральным законом от 02.08.2019 № 308-ФЗ «О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» к перечню СТС впервые отнесено программное обеспечение (ПО), которое может быть использовано для негласного получения информации.

Одной из причин этим изменениям послужило поручение главы государства В.В. Путина по итогам большой пресс-конференции, прошедшей 14 декабря 2017 г. Президент России дал поручение Генеральной прокуратуре¹ Российской Федерации проанализировать практику применения ст. 138.1 УК РФ в отношении физических лиц и представить предложения по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на соблюдение интересов граждан, приобретающих бытовые технические устройства, имеющие признаки СТС, для негласного получения информации, но не предназначенные для этих целей.

Однако следует отметить, что действующая нормативно-правовая база на момент принятия изменений в ст. 138.1 УК РФ не содержит четкого определения ПО, с помощью которого возможно получить информацию о частной жизни лица; более того, признаки, по которым ПО возможно отнести к СТС, в нормативной базе, регламентирующей данный вид деятельности, отсутствуют.

В этой ситуации справедлива позиция Конституционного Суда РФ, который в одном из своих определений указал, что «принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное, и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяс-

¹ Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/56520>

нения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов»¹.

Все это указывает на то что, уголовно-правовая регламентация использования СТС и их понятийного закрепления должна осуществляться таким образом, чтобы исключить пробелы в нормативно-правовых документах, регламентирующих этот вид деятельности.

Е.А. Тюлеева

СВЕДЕНИЯ О ПОСТРАДАВШЕМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

На сегодняшний день существует большое количество банковских учреждений, для которых приоритетным направлением деятельности является выдача кредитных средств. Спрос на заемные деньги в большинстве случаев порождает многочисленные предложения и упрощение процедуры выдачи кредитов, что привлекает мошенников.

Чаще всего в сложившейся ситуации, связанной с пандемией коронавируса, банки выдают онлайн-кредиты в «личном кабинете» без непосредственного визита клиента в банк и проверки его платежеспособности. В результате создается почва для мошеннических схем, по которым злоумышленники обманным путем, вводя в заблуждение клиента, узнают СМС-пароли и оформляют кредиты на его имя. Кредит уже числится на клиенте, поэтому банк считает его заемщиком.

При доказывании по делам данной категории выясняется вопрос о том, кто является потерпевшим, чтобы представить себе объем требуемой документации для подтверждения факта заема, а также, если приобретатель имущества является добросовестным, то для установления дополнительных обстоятельств, связанных с видом обмана.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фрумкиной Ирины Львовны на нарушение ее конституционных прав статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

При мошенничестве в сфере кредитования физических лиц потерпевшей стороной выступают в первую очередь коммерческие банки (их филиалы и представительства), небанковские кредитные организации, имеющие право осуществления подобных банковских операций, а во вторую очередь – граждане (добросовестно приобретающие имущество, которое является предметом потребительского кредита).

Когда объектом мошенничества выступает банк, то пострадавшим оказывается именно он, и для выяснения всех обстоятельств произошедшей сделки требуется ответить на ряд вопросов, входящих в предмет доказывания. Это и оценка платежеспособности кредитуемого, и оценка представляемых документов на подлинность, а также процедура оформления первичных документов для предоставления кредита. В отмеченных случаях на такие вопросы обычно пытается ответить представитель кредитной организации, выдавшей кредит. Лицо, допрошенное в качестве представителя потерпевшего, по объективным причинам не может ответить на многие вопросы, так как в его компетенцию решение о выдаче кредита не входит. Следовательно приходится предпринимать дополнительные меры для определения лиц, обладающих доказательственной информацией. Вопрос о возможных соучастниках – должностных лиц организаций кредиторов часто остается невыясненным. Изначально при поступлении материалов следователю последнему следует определить круг представляемых документов от кредитной организации, исходя из функциональных обязанностей конкретных сотрудников, принимавших документы для оформления кредита.

Если пострадавшим оказывается формальный заемщик, то особенно важно установить вид и способ обмана. Исходя из обстоятельств совершенного преступления, следователь принимает меры по установлению личности заемщика и выясняет, является ли заемщик потерпевшим от преступления либо свидетелем. Особенно это важно, когда имеется информация о заведомо ложном оформлении кредита на имя неосведомленного лица.

Таким образом, получение сведений о потерпевшем определяет алгоритм действий следователя по получению документов, связанных с оформлением потребительского кредита (материальные носители информации, электронные документы, компьютер-

ная информация и т.п.). Действия следователя будут зависеть не только от следственной информации, но и от вида кредитного договора.

И.С. Фоминых

К ВОПРОСУ О ДИДАКТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОМЕНДАЦИИ

Интерес к проблемам криминалистической дидактики устойчиво прослеживается во многих научных работах, посвященных вопросам сугубо криминалистического характера. Устойчиво прослеживается и то, что проблемы дидактики затрагиваются исключительно в классическом аспекте – в рамках изучения криминалистики в высших учебных заведениях¹. Хотелось бы затронуть несколько другой, на взгляд автора, очень важный аспект применения дидактических методов.

Будем исходить из того устоявшегося мнения, что «вся „продукция“ криминалистики применительно к практике уголовного процесса и других видов судопроизводства принимает форму научных рекомендаций»². Очевидно, что огромное значение в этой связи приобретает вопрос эффективности криминалистических рекомендаций – тема безграничная и многосложная. В данной статье обратимся всего лишь к одной из многочисленных проблем, с ней связанных.

Проблема эта, обусловленная своего рода «игнорированием» практикой научных криминалистических рекомендаций, обозначилась уже довольно давно³ и не теряет своей остроты до настоящего

¹ Комаров И.М. Отечественная криминалистическая дидактика // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч.-практ. ст. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 194.

² Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 61.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001. С. 119.

времени¹. Особенно отчетливо она проявляется в отношении методических рекомендаций по расследованию различных видов преступлений.

В числе многих причин сложившейся ситуации традиционно указываются, например, сложность поиска и выделения рекомендаций в тексте научных работ, неконкретность рекомендаций, сложность восприятия материала. Приведенные причины, на взгляд автора, в определенной своей части имеют сугубо дидактическую подоплеку. Постараемся пояснить данное утверждение. Что есть любая рекомендация? Это совет. Любой совет в самой упрощенной форме сводится к наставлению: «В такой-то ситуации делай вот так-то». Разве это не несет в себе вполне конкретный обучающий посыл, не содержит несомненное дидактическое начало? Умение донести свой совет, изложить доступно является залогом его успешного воплощения, а значит, и эффективного применения. Даже предлагавшаяся как одно из решений возникшей проблемы алгоритмизация действий следователя – в какой-то мере не что иное, как действенный дидактический прием.

Другое дело, что общие дидактические методы, дающие хорошую отдачу при обучении криминалистике в высшем учебном заведении, не всегда могут быть применены к «боевым» криминалистическим рекомендациям, учитывающим все многообразие возникающих следственных ситуаций: «Легко заметить и то, что методы (общие. – *И.Ф.*), приспособленные к частным учебным задачам, не укладываются в их прокрустово ложе»². Соответствующие таким целям методы существуют, но вопросы их дидактического обоснования, систематизации, принципов апробации и своего рода «селекции» во многом остаются открытыми. Решение данных вопросов – задача непростая, но, на взгляд автора, совершенно необходимая.

¹ Шаталов А.С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 155–172.

² Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. С. 14.

Н.А. Шаталкина

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Согласно статистическим данным в России наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа мошенничеств. Так, за 2020 г. количество данных преступлений увеличилось более чем на 30% по сравнению с 2019 г.¹ На первоначальном этапе расследования мошенничества личность преступника в большинстве случаев неизвестна, поэтому наиболее информативным следственным действием будет допрос потерпевшего. В данной следственной ситуации только потерпевший может предоставить максимально возможную информацию о преступном событии, личности преступника и похищенном имуществе.

Для эффективного проведения любого следственного действия следователь должен определить тактические задачи, которые он планирует решить при его производстве. Их роль, как отмечают отдельные авторы, состоит в том, что тактические задачи следственного действия представляют собой «задачи, реализация которых непосредственно позволяет получить доказательственную и ориентирующую информацию, которая может быть объективирована в протоколе следственного действия»².

В зависимости от сложившейся следственной ситуации тактические задачи допроса потерпевшего по делам о мошенничествах будут различными. Однако представляется возможным выделить, прежде всего, задачи, которые потребуют своего решения при производстве данного следственного действия в любой следственной ситуации. А.С. Князьков выделяет тактические задачи познания преступного события и изобличения преступника, а также тактические

¹ Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 09.01.2021).

² Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 133.

задачи обеспечения решения вышеуказанных задач¹, которые взаимообуславливают друг друга.

Применительно к допросу потерпевшего по делам о мошенничестве тактическими задачами познания преступного события и избличения преступника будут являться следующие: установление места, времени и иных сведений об обстановке совершенного преступления; определение способа совершения мошенничества; установление максимально подробных сведений о лице, совершившем мошеннические действия; выяснение размера причиненного ущерба и описание похищенного имущества; получение информации о новых свидетелях и потерпевших, а также следах преступления.

Рассматривая тактические задачи обеспечения решения вышеуказанных задач, необходимо отметить, что при проведении допроса потерпевший, как правило, переживая утрату похищенного имущества, находится в подавленном состоянии. В этой связи важной тактической задачей обеспечивающего характера будет установление с допрашиваемым психологического контакта, благодаря которому следователь сможет продуктивно осуществлять поисково-познавательную деятельность. В ходе допроса потерпевшего по делам о мошенничестве нередко возникают тактические задачи оказания помощи в восстановлении в памяти допрашиваемого обстоятельств преступления, конкретизации и детализации показаний, преодоления добросовестного заблуждения, а иногда и задача выявления его ложных показаний, если потерявший хочет скрыть свои неблагоприятные поступки.

Таким образом правильная постановка тактических задач является фундаментом для успешного проведения следственных действий.

¹ Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 121.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПО СЛЕДАМ НА СТРЕЛЯНЫХ СНАРЯДАХ

Проблема незаконного оборота оружия получила широкое распространение на всей территории Российской Федерации. По статистике Министерства внутренних дел РФ за 2020 г.¹ количество выявленных преступлений указанной категории по сравнению с январем–декабром 2019 г. уменьшилось на 6,6% и составило 24,8 тыс. На 14,3% уменьшилось количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия (899 фактов). Вышеуказанные цифры свидетельствуют об уменьшении преступлений в целом, но, несмотря на это, данная проблема остается актуальной на сегодняшний день.

На практике часто возникает проблема, связанная с идентификацией снарядов, стреляных из гладкоствольного оружия. Установление гладкоствольного оружия по следам на дроби вызывает определенную трудность. Конкретно проблема заключается в получении экспериментальных образцов и обнаружении на них схожих следов, т.е. таких же, которые были оставлены определенной частью канала ствола, как и на той же дроби, что поступила на исследование (изъятая с места происшествия).

Необходимо обратить внимание и на специфику исследования гладкоствольного оружия, которая заключается в отсутствии одного из важных слеодообразующих элементов, а именно нарезов в канале ствола. Не стоит забывать, что признаки канала ствола у гладкоствольного оружия отображаются на полиснаряде и имеют при этом маленькую площадь поверхности следовосприимчивости. Если же рассматривать сам механизм образования следов, то в снарядах для такого оружия метательный заряд отделен пыжом, а давление пороховых газов воспринимается этим зарядом как раз через пыж. Под воздействием данных газов снаряд в целом и все то, что находится в

¹ Статистика по обороту гражданского оружия. URL: Shmel-99.liveyouanal.com/154521 (дата обращения: 12.05.2020).

нем, перемещаются по каналу ствола, при движении каждая дроби́нка имеет собственную силу инерции, которая складывается из массы, приданной ускорению движения, которое направлено в обратную сторону относительно вектора скорости. То есть каждая нижележащая дроби́нка в снаряде оказывает давление на вышележащую с силой собственной инерции, следовательно, чем больше в снаряде слоев, тем будет больше сила, с которой они взаимодействуют между собой ввиду суммирования силы инерции. Что же касается контактных поверхностей, то они возникают из-за давления пороховых газов, которые как бы заставляют дроби́нки прижиматься к каналу ствола, так и происходит их деформация. Эти самые контактные поверхности появляются после необратимой деформации дроби и представляют собой область цилиндрической поверхности с эллипсоподобными границами. После деформации дроби, независимо от продолжения оказывания или прекращения действия прилагаемой нагрузки, ее площадь остается неизменной. Это обусловлено тем, что при получении максимального ускорения следы канала ствола сформировались окончательно и никаких дальнейшей деформации быть не может.

Так, например, в 2019 г. в пос. Уршельский Гусь-Хрустального района Владимирской области было возбуждено уголовное дело по факту убийства местного егеря. В ходе расследования было установлено, что егерь, находясь около своего дома, услышав выстрелы, направился в сторону предполагаемых браконьеров. Как установили позже, обнаружив браконьеров, егерь высказал им законные требования, в ответ браконьеры выстрелили в него из охотничьего ружья крупной дроби́ью, которая в дальнейшем была извлечена из трупа и отправлена на исследование. В ходе проведения экспертизы был установлен калибр снаряда и вид гладкоствольного ружья. Путем сверки с базами зарегистрированных оружий был установлен владелец и в последствии задержан¹.

Таким образом, установление гладкоствольного оружия по следам на выстрелянных снарядах возможно и зависит от знаний потенциалов методики судебно-баллистической экспертизы.

¹ Охотники. ру: новости охоты и рыбалки. URL: <https://subscribe.ru/archive/media.news.ohotniki/201905/27100246.html/>

ХИЩЕНИЕ ДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

В связи с развитием пандемии произошла трансформация в организации работы различных бизнес-компаний. В настоящее время уже невозможно представить себе деятельность какой-либо организации без соответствующего сайта или веб-приложения.

Однако масштабное внедрение информационных технологий порождает активность и кибермошенников, что прямо пропорционально уровню цифровизации общества. В недавно опубликованном отчете МВД России за 10 месяцев 2020 г. указано, что за этот период зарегистрировано на 75,1% больше противоправных деяний, совершенных с использованием IT-технологий, чем за аналогичный период прошлого года¹. Не случайно министром внутренних дел России В.А. Колокольцевым принято решение о создании нового подразделения в полиции – киберполиции.

В качестве наиболее часто встречающихся киберугроз эксперты называют следующие: фишинг, кибершпионаж, вредоносное программное обеспечение (включая скрытый майнинг), а также инсайдерские угрозы, связанные как со злонамеренной деятельностью, так и с человеческими ошибками или безграмотностью².

В последнее время также широкое распространение получили атаки с использованием методов социальной инженерии (способов манипуляции человеком, учитывающих их психологические особенности). Основные психологические приемы, которые применяют мошенники:

– заставить жертву проявить желание помочь (например, на электронную почту приходит письмо от якобы сослуживца или коллеги с

¹ Статистика и аналитика : официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 18.12.2020).

² Отчет Европейского Агентства по сетевой и информационной безопасности Евросоюза (European Union Agency for Cybersecurity, ENISA). URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/10/eti2020-a_year_in_review_ebook_en.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

просьбой проверить документ, в котором находится вложение, содержащее, как правило, вредоносный контент);

– ввести в состояние стресса, когда человеку некогда размышлять над предложениями злоумышленников, его нужно заставить действовать как можно скорее (мошенники, представляющиеся от имени службы безопасности банка и сообщающие о снятии денег с карты);

– вызвать заинтересованность (например, на почту приходит письмо из вышестоящей организации с требованием исправить найденные неточности во вложенном документе, который был якобы ранее отправлен сотрудником; вложение, конечно же, уже содержит компьютерный вирус). В период пандемии очень много рассылается фишинговых писем на соответствующую тематику и содержащих ссылки на поддельные сайты различных организаций здравоохранения, при переходе на которые весьма велика возможность инфицирования компьютера;

– вызвать у жертвы желание легко получить некоторую сумму денег (например, весной 2020 г. многим приходили письма якобы с сайта Госуслуг о начисленной компенсации в период самоизоляции, от жертвы требовалось «всего лишь» сообщить данные карты, включая CVC-код, для успешного получения «компенсации»);

– игра на азарте (например, в последнее время в социальных сетях появляются сообщения с предложением поучаствовать в розыгрыше ценных призов по номеру банковской карты, для участия в котором нужно указать данные карты с CVC-кодом или паспортные данные).

Защититься от социальной инженерии непросто, поскольку в стрессовой ситуации человек не осознает факта мошенничества. При этом методы социальной инженерии меняются, и мошенники постоянно совершенствуются в искусстве сыграть на человеческих эмоциях.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Логическим продолжением теории, созданной в научной школе профессора Е.Р. Россинской, являющейся инновационным направлением российской (и международной) экспертологии¹, можно назвать предлагаемые нами траектории для дальнейшего развития лингвистических судебных экспертиз. С учетом распространения как в российской современной науке, так и в мировом научном пространстве концепции лингвоэкологии, сейчас нам представляется актуальным в структуре лингвистических экспертиз выделить как неотъемлемый элемент лингвоэкологическую экспертизу. В процессе развития российской науки, вполне возможно, окажется необходимым внести соответствующие дополнения и коррективы в имеющиеся и активно используемые на практике учебные пособия². Не вызывает также сомнений и потенциально возможная востребованность подобных дополнений и изменений в актуальных учебниках, например по судебной экспертологии, используемых в высших учебных заведениях Российской Федерации и практической деятельности соответствующих экспертов (специалистов)³.

Сложно сегодня найти публикации, авторы которых являются открытыми противниками экологических ценностей. В современной России экологические ценности указаны в числе включенных в по-

¹ Галяшина Е.И. Феномен научной школы профессора Е.Р. Россинской как инновационного направления судебной экспертологии // Эксперт-криминалист. М. : Юрист, 2019. С. 40. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/03/> (дата обращения: 27.02.2021).

² Ярошук И.А., Жукова Н.А., Долженко Н.И. Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 96 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/342242097_Ucebnoe_posobie_Lingvistics_kaa_ekspertiza (дата обращения: 27.02.2021).

³ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). М. : Норма, 2020. С. 21.

литическую повестку дня¹. Сама формулировка «лингвоэкологическая экспертиза» оказалась введена в научный оборот в России О.П. Ждановой².

Для реализации предлагаемой инновационной траектории развития лингвистической экспертизы стоит рекомендовать разработку на федеральном уровне рабочих программ аналогичной учебной дисциплины, экспертные методики по такому профилю, опубликовать их, организовать максимально широкое свободное обсуждение указанной инновации. Позитивным фактором подобного развития теории российской экспертологии может стать использование анализируемой тематики в научном творчестве. Эта проблематика сможет привлечь как опытных ученых, так и студентов-бакалавров, магистрантов, аспирантов. Несомненно, что по итогам столь масштабного «мозгового штурма» ее наполнение может оказаться в значительной степени не только обогащено новыми сентенциями, но и будет подвергнуто разумной товарищеской научной критике.

Позитивным условием процесса реализации данной идеи можно назвать отсутствие потребности в сколько-нибудь значительных материальных инвестициях в процесс внедрения достигнутых результатов.

В заключение добавим, что, очевидно, сложным будет смоделировать мотивированное возражение со стороны потенциально возможных противников внедрения новой категории общественной жизни – «лингвоэкологической экспертизы»³.

¹ Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 320 с. DOI: 10.12737/1325.

² Жданова О.П. Лингвоэкологический портрет толкового Словаря начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoekologicheskij-portret-tolkovogo-slovary-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 27.02.2021).

³ Савельева Л.В. Лингвоэкология : учеб. для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 206 с. Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://www.urait.ru/bcode/424720> (дата обращения: 27.02.2021).

К ВОПРОСУ О РАЗНООБРАЗИИ ПРИРОДЫ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ

К концу 2020 г. в регистрируемой в России преступности стали явными структурные сдвиги: каждое четвертое выявленное преступление было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно УПК РФ, электронные носители информации могут иметь доказательственное значение, однако развитие цифровизации ставит вопрос о соотношении электронных носителей и цифровых следов, а также их свойствах.

При работе с цифровым следом важными вопросами являются следующие: где находится запись, на каком устройстве (компьютере, сотовом телефоне, сервере поставщика телекоммуникационных услуг, устройствах «облачных» сервисов и пр.), какие носители цифровой информации использованы (устройства с однократной, многократной записью; оптические, полупроводниковые, магнитные) и др. Так как след одновременно формируется на многих устройствах, важны разработки криминалистов о дорожке цифровых следов и об использовании специальных знаний при работе с носителями отмеченной информации.

Интересно отметить, что человек, с его индивидуальными биологическими признаками, сегодня сам становится носителем цифровой информации. Так, приложив фалангу пальца к сканеру, владелец смартфона получает доступ к своему устройству. С помощью сканера биометрических показателей человека обеспечивается считывание, обработка оцифрованной биологической информации с целью автоматической идентификации личности, контроля данных пропуска, даты и времени входа/выхода в охраняемое помещение. Используются электронные, а также биометрические документы, например паспорт с вмонтированной микросхемой, для целей хранения оцифрованной фотографии, биометрических данных владельца, включая дактилоскопические признаки фаланги пальца, параметры рисунка радужной оболочки глаза и др. Во всех перечисленных случаях реализован материальный способ фиксации цифрового следа, что делает его пригодным для хранения, воспроизведения с помощью технических устройств для дальнейшего восприятия органами чувств че-

ловека с целью исследования контента цифровой записи и приобщения его в качестве доказательства по делу.

Есть ли в системе цифровых доказательств предпосылки для следа идеальной природы? На наш взгляд, положительный ответ бесспорен. Вспомним, например, о том, что в памяти каждого современного человека хранятся пин-коды к банковским картам, пути к месту расположения нужного файла с информацией на внешнем носителе или внутренней памяти цифрового устройства, логины и пароли к электронным почтовым ящикам и др.

Порассуждаем о виртуальных IT-технологиях и о том, порождают ли они новый вид следов – виртуальный. К виртуальной относится, например, технология дополненной реальности, позволяющая программно генерировать и проецировать в пространстве возможность воспринимать пользователем с помощью технических устройств (планшетов, смартфонов, шлемов или других) объекты, не существующие в реальном мире. Технологии дополненной реальности воздействуют на органы чувств человека, запоминая суть проецируемого события, признаки которого могут храниться в памяти лица (идеальный след), причем этому есть материальная природа причинности – программа, которая материально фиксирована на носителе информации.

Таким образом, криминалистически значимый цифровой след классифицируется в двух категориях материальной и идеальной; природа цифрового следа обусловлена развитием технологий и не ограничивается только электронными составляющими, что требует развития криминалистической теории и уточнения законодательных актов.

Л.Е. Щетнев

**СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ
СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ НА ПРОВЕДЕНИЕ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ,
ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ
ПРАВА ГРАЖДАН**

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), допускается в конкретных случаях в ходе проведения оперативно-розыскных ме-

роприятий (ОРМ) ограничивать конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, но на основании судебного решения.

Статьей 9 ФЗ «Об ОРД» определены основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Правоприменительно необходимо учесть, что рассмотрение судом материалов, представляемых органами, наделенными правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД), полученных в ходе проведения ОРМ, не является самостоятельным судебным разбирательством, так как в данных правоотношениях нет сторон, что характерно для уголовного судопроизводства. К тому же процедура рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ законодательно нигде не закреплена. Априори открытости, гласности и состязательности сторон в этом процессе не предусмотрено и быть не может, иначе негласные по своему характеру оперативно-розыскные мероприятия стали бы просто невозможны, а сама ОРД во многом утратила бы смысл (см. п. 6 Определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О).

Постановление о возбуждении перед судом ходатайства о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, выносимое органом-субъектом ОРД и прилагаемые к нему материалы, обосновывающие правомерность принимаемого решения, оформляются в порядке секретного делопроизводства.

Сами материалы, обосновывающие правомерность планируемого ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, рассматриваются судом, как правило, по месту их проведения или по месту нахождения органа-субъекта ОРД, ходатайствующего об их проведении. Оговорка «как правило» предполагает, таким образом, возможность исключения из общего порядка определения подсудности, предусмотренного данной нормой (см. п. 4 Определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П).

Сама процедура принятия судебного решения на проведение ОРМ, связанных с ограничениями конституционных прав граждан, создает дополнительную гарантию их защиты.

В большинстве своем рассмотрением материалов на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, занимаются верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, окружные (флотские) военные суды.

Требование ст. 9 ФЗ «Об ОРД» о незамедлительном рассмотрении указанных материалов означает, что в любое время, а также в выходные и праздничные дни уполномоченный судья их рассмотрит и примет соответствующее решение. По решению судьи, рассматриваемого материалы, могут присутствовать и давать пояснения представители органа, наделенного правом на осуществление ОРД.

В заключение необходимо отметить, что ряд актуальных вопросов остался не рассмотрен в связи с ограничениями, связанными с обеспечением секретного делопроизводства. При этом, полагаю, что изложенный материал будет в определенной мере полезен для правоприменителя в ходе принятия решений на проведение соответствующих ОРМ.

С.А. Яшков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

В деятельности следователей Следственного комитета Российской Федерации имеется ряд проблем при применении ст. 238 УК РФ, что влечет возвращение уголовных дел прокурорами и судами в порядке ст. 221, 237 УПК РФ, а также прекращение следователями и судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

Анализ следственной практики показывает, что следователями при производстве расследования по фактам оказания услуг на всех видах транспорта, не отвечающих требованиям безопасности, устанавливаются многочисленные нарушения, допущенные субъектами преступлений.

Например, в сфере водного транспорта – отсутствие документов, подтверждающих право управления транспортом, либо истечение сроков действия данных документов, отсутствие документов о техническом состоянии судна, средств спасения (жилетов, спасательного кругов и т.п.). В сфере воздушного транспорта – отсутствие прав на управление воздушными судами, сертификации воздушных судов. В сфере перевозок на автомобильном транспорте – перевозка пассажиров на автомобилях по «зимникам» в период, когда они закрыты.

В целях уголовно-правовой оценки указанных нарушений применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, следствию необходимо доказать, что они несли в себе опасность.

Опасность вышеуказанных факторов устанавливается путем допросов специалистов, проведением исследований и экспертиз. Проведение последних является одной из основных проблем при расследовании указанной категории уголовных дел.

Так, для подтверждения реальности угрозы и опасности необходимо проведение соответствующей экспертизы, которая бы смогла сделать весьма однозначные выводы по данному вопросу, что позволило бы установить реальную опасность для жизни и здоровья потребителей.

Специалистам и экспертам представляются все установленные по уголовным делам сведения (обстоятельства предоставления услуг, выявленные нарушения, пояснение лиц, оказывающих услуги и т.п.).

Специалисты в ходе допросов и проведения исследований, экспертизы при производстве экспертиз, в свою очередь, указывают на требования, предъявляемые нормативными актами к конкретному виду пассажирских перевозок, нарушения, допущенные в данном конкретном случае. Специалисты указывают о возможной опасности, т.е. о возможных последствиях, к которым могут привести выявленные нарушения.

Однако, к сожалению, представители суда и прокуратуры при возвращении уголовных дел или при вынесении оправдательного приговора указывают, что установлена только «гипотетическая» опасность и угроза и что сам факт допущенных нарушений не может говорить о том, что предоставленные услуги опасны, так как фактически никаких последствий не наступило.

Кроме того, за все допущенные нарушения, выявляемые при расследовании уголовных дел в сфере оказания услуг, предусмотрена административная ответственность – ст. 11.4, 11.5, 11.7, 11.8, 11.10, 11.13 КоАП РФ, – которая в той или иной мере обеспечивает безопасность граждан-пассажиров при использовании ими воздушного, водного или наземного транспорта.

Соответственно, суды приходят к выводу, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности, фактически нарушают требования нормативных актов в сфере транспорта. Сам факт нарушений не доказывает опасности представляемой услуги, так как общественно опасных последствий не наступило. По мнению суда, данные лица совершили лишь административное правонарушение.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Иван Александрович – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, полковник внутренней службы.

Абрамова Любовь Леонидовна – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, полковник полиции.

Агабекян Алла Липаритовна – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Агарков Алексей Вячеславович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Акунченко Евгений Андреевич – ведущий научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.

Александров Андрей Станиславович – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук.

Аминев Фарит Гизарович – профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета; профессор кафедры «Финансы, денежное обращение и экономическая безопасность» Уфимского государственного авиационного технического университета, доктор юридических наук, профессор.

Андрienko Юрий Александрович – заместитель начальника отдела следственной части главного следственного управления Главного управления МВД России по Алтайскому краю, майор юстиции.

Анешева Амина Тулегеновна – доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Антонов Антон Геннадьевич – профессор кафедры Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Антонов Тимофей Геннадьевич – доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Антонова Елена Юрьевна – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор.

- Ардашев Роман Георгиевич** – старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
- Балаганская Анастасия Евгеньевна** – преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Баянов Александр Иванович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Юрий Леонидович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
- Бондаренко Антон Алексеевич** – адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД РФ.
- Ботвин Илья Викторович** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Боярская Александра Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук.
- Бубербаев Нурлан Дюсентаевич** – старший научный сотрудник НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.
- Бурлаков Владимир Николаевич** – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Бухарина Надежда Порфирьевна** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета.
- Васеловская Александра Викторовна** – начальник юридического отдела «Томской клинической психиатрической больницы», кандидат юридических наук.
- Ведренцева Светлана Васильевна** – аспирант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Вельтмандер Алексей Тимурович** – председатель Зырянского районного суда Томской области, кандидат юридических наук.
- Винокуров Алгис Иннокентьевич** – заместитель начальника отдела УУР МВД по Республике Саха (Якутия), капитан полиции.
- Витовская Евгения Сергеевна** – преподаватель кафедры уголовного права ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.

- Волков Дмитрий Юрьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России.
- Воронин Олег Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Воронин Сергей Эдуардович** – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России, доктор юридических наук, профессор.
- Гаас Нина Николаевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.
- Газданова Елена Константиновна** – доцент кафедры юриспруденции Северо-Восточного государственного университета, кандидат юридических наук.
- Галимова Марина Александровна** – доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Галушин Павел Викторович** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Герасимов Алексей Алексеевич** – старший преподаватель кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Герцен Полина Олеговна** – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Глазунов Борис Борисович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Горшкова Вера Сергеевна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Гостькова Динара Жолаушобаевна** – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Давыдов Сергей Иванович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Давыдова Ольга Сергеевна – инспектор-дежурный бюро регистрации несчастных случаев ГУ МВД России по Алтайскому краю.

Далгалы Татьяна Александровна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического института Красноярского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук.

Дамм Ирина Александровна – заведующая кафедрой деликтологии и криминологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Даньшин Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дергач Николай Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.

Дудина Надежда Афанасьевна – доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Дудко Нина Алексеевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ерахмилевич Владислав Валерьевич – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета.

Ермакова Ольга Владимировна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ефименко Александр Александрович – старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук, капитан внутренней службы.

Журавлева Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Забиров Алексей Бариевич – ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

- Заборовская Юлия Михайловна** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИИ России.
- Забродин Александр Владимирович** – оперуполномоченный оперативного отдела ФКУ ИК-35 УФСИН России по Республике Хакасия, лейтенант внутренней службы.
- Задорожная Вера Александровна** – доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Замуруева Елизавета Юрьевна** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.
- Захарова Анна Павловна** – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Алтайского государственного университета, помощник судьи Алтайского краевого суда.
- Земсков Игорь Николаевич** – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИИ России.
- Зув Сергей Васильевич** – заведующий кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Ишимов Павел Леонидович** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Калашников Виктор Сергеевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Капустин Кирилл Вячеславович** – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИИ России.
- Каракулов Тимофей Геннадьевич** – судья Первомайского районного суда Томской области.
- Карелин Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

- Каримов Вячеслав Хамитович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Карлов Андрей Леонидович** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России.
- Килина Ирина Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук.
- Ким Вячеслав Владимирович** – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Киселев Александр Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Киселев Александр Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Киселев Михаил Валентинович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Киселёва Марина Александровна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Климова Яна Александровна** – доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Климович Лариса Петровна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент.
- Книс Дмитрий Александрович** – адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Коголь Татьяна Николаевна** – доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент.

- Кондратьев Максим Валерьевич** – адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, заместитель начальника Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Кемеровской области.
- Коновалов Павел Николаевич** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.
- Константинова Виктория Александровна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Коротаева Юлия Алексеевна** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.
- Кострыкина Виктория Витальевна** – аспирант кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета.
- Кужугет Таан-оол Кашпынаевич** – доцент кафедры уголовного права и процесса Тувинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Кузаков Дмитрий Вадимович** – преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.
- Кузнецов Александр Александрович** – профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.
- Кузнецов Михаил Юрьевич** – Коллегия адвокатов г. Новокузнецка Кемеровской области № 42/48, адвокат.
- Кукарцев Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Куклин Денис Сергеевич** – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Куликов Егор Алексеевич** – и.о. заведующего кафедрой, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Куркова Наталья Алексеевна** – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук, доцент.

- Куряхова Татьяна Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Лелик Наталия Борисовна** – начальник кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Лифанова Лилия Геннадьевна** – профессор кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Логинова Надежда Геннадьевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Локтевич Ольга Игоревна** – старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки кадров Следственного комитета Республики Беларусь.
- Мазур Екатерина Сергеевна** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.
- Макарова Олеся Александровна** – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук.
- Макеев Николай Николаевич** – заведующий кафедрой судебной, административной и прокурорской деятельности Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
- Малетина Мария Александровна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России.
- Мамай Елена Александровна** – старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России.
- Медведева Маргарита Алексеевна** – магистрант Западно-Сибирского Российского государственного университета правосудия.
- Мигунов Олег Семенович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

- Молоков Вячеслав Витальевич** – начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Мунгалов Евгений Александрович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат биологических наук.
- Назырова Наталья Александровна** – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.
- Наумов Александр Андреевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета.
- Негодина Олеся Анатольевна** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Новиков Егор Евгеньевич** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Обернихина Олеся Валерьевна** – преподаватель юридического факультета Кузбасского института ФСИН России.
- Обухов Игорь Анатольевич** – старший преподаватель отделения организации учебно-методической работы Учебного центра (филиала) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа, кандидат юридических наук.
- Овсянников Валерий Валерьевич** – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Овсянников Юрий Васильевич** – доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Олинова Анастасия Евгеньевна** – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Ольховик Николай Владимирович** – заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Опалич Евгения Владимировна** – доцент кафедры гражданского права Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук.

- Опацкая Стелла Павловна** – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Остробородов Владислав Владимирович** – доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.
- Павленко Андрей Анатольевич** – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Пашутина Олеся Сергеевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук.
- Петухова Жанна Петровна** – адъюнкт Восточно-Сибирского института министерства внутренних дел России.
- Писаревская Елена Анатольевна** – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Писаревский Илья Игоревич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Плаксина Татьяна Алексеевна** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук.
- Полстовалов Олег Владимирович** – профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, начальник Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан, доктор юридических наук, доцент.
- Полякова Анна Викторовна** – адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова.
- Постоялко Анастасия Алексеевна** – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета.
- Прохорова Мария Владимировна** – начальник кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы.

Рахматулин Закир Равильевич – доцент кафедры государственно-правовых и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук; профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России.

Ревина Ирина Валерьевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ротар Ангелина Ивановна – старший преподаватель кафедры юриспруденции Северо-Восточного государственного университета, адвокат Магаданской областной коллегии адвокатов.

Рязанова Наталья Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института экономики, управления и права Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент.

Ряполова Ярослава Петровна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук.

Семенюк Руслан Александрович – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Сенатов Александр Викторович – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Сережкина Мария Александровна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России.

Скоревич Алёна Сергеевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Степанова Дарья Юрьевна – преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.

Стоун Елена Михайловна – старший преподаватель кафедры юриспруденции Северо-Восточного государственного университета.

Судницын Алексей Борисович – начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

- Сутурин Михаил Александрович** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции.
- Ткач Александр Сергеевич** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Томилин Сергей Михайлович** – старший преподаватель кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятия юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Трифорова Кристина Алексеевна** – доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Тюлеева Елена Александровна** – преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России.
- Уваров Олег Николаевич** – профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Уварова Татьяна Анваровна** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Уткин Владимир Александрович** – заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Федоров Александр Федорович** – начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Филиппова Ольга Валерьевна** – заведующая кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат юридических наук, доцент.
- Фоминых Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

- Хроменков Игорь Романович** – аспирант кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия.
- Чеботарева Ирина Николаевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Чорный Василий Николаевич** – профессор Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России по кафедре уголовно-исполнительного права, кандидат юридических наук, профессор.
- Чубраков Сергей Валериевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Чумаков Эвальд Вячеславович** – начальник отряда отдела по воспитательной работе с осужденными ФКУ ИК-4 УФСИН России по Томской области, майор внутренней службы.
- Чурикова Анна Юрьевна** – доцент кафедры административного и уголовного права Поволжского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
- Шаганова Ольга Михайловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Шаталкина Наталья Андреевна** – адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Шатрова Анна Вячеславовна** – судья Норильского городского суда Красноярского края, аспирант кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия.
- Шевченко Константин Владимирович** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России.
- Шепель Наталья Вячеславовна** – доцент кафедры уголовного процесса Калининградский филиал Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шерстяных Александра Сергеевна** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

Шеслер Александр Викторович – профессор Кузбасского института ФСИН России, доктор юридических наук.

Шеслер Виктор Александрович – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

Шилов Константин Александрович – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы.

Шмарев Артём Иванович – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса.

Шошин Сергей Владимирович – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент, магистр юриспруденции.

Шухова Наталья Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса и криминологии Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, кандидат технических, доцент.

Щепельков Владислав Фёдорович – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Щетнев Леонид Евгеньевич – начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятия юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы.

Якубова Сельхе Махачевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Яшков Сергей Александрович – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета РФ, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

Антонова Е.Ю. К вопросу о градации уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки	3
Шеслер А.В. Признаки уголовного проступка.....	5
Плаксина Т.А. Наказание за клевету.....	7
Антонов А.Г. К вопросу об утрате общественной опасности виновного и преступления им совершенного в связи с освобождением от наказания в соответствии с примечанием 1 к ст. 134 УК РФ	9
Куликов Е.А. Предмет уголовно-правового регулирования: понятие и содержание с позиций диалектики общего, особенного и единичного в уголовном праве.....	11
Ботвин И.В. Природа неопределенности в уголовном праве	13
Газданова Е.К. Возрастная дифференциация уголовной ответственности.....	15
Ольховик Н.В. Об исследовании рецидивной преступности осужденных, отбывающих принудительные работы.....	17
Каракулов Т.Г. Обстоятельства, смягчающие наказание, с оценочными критериями.....	18
Вельтмандер А.Т. Совершение преступления в состоянии опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание	20
Васеловская А.В. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа по Уголовному кодексу Российской Федерации	22
Малетина М.А. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки склонения к самоубийству	24
Постоялко А.А. К вопросу о склонении к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ).....	26
Шаганова О.М. Особенности квалификации похищения человека	28
Ерахмилевич В.В. Проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера	29

Шеслер В.А. К вопросу о моменте окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, сопряженного с насилием	31
Черноусова А.В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ	33
Никитина И.А. Совершенствование законодательства от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности....	34
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшем совершенствовании Главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации	37
Опацкая С.П. Особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	39
Сережкина М.А. Квалификация незаконных действий при внесудебном банкротстве	40
Наумов А.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение правил безопасности приведении горных работ	42
Ермакова О.В. Недостатки законодательной конструкции состава самоуправства	44
Опалич Е.В. Развитие уголовного законодательства, направленного на обеспечение международной безопасности в постсоветских государствах	46
Гостькова Д.Ж. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства: проблемные аспекты	48
Агабекян А.Л. К вопросу о реализации в России некоторых положений международных стандартов альтернативных наказаний	50
Александров А.С. К вопросу о развитии исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных	52
Антонов Т.Г. Меры принуждения и принудительные меры в уголовно-исполнительном праве	54
Витовская Е.С. Подготовка осужденных, отбывающих лишение свободы, к освобождению: модель наркологической помощи и меры вмешательства	55
Герасимов А.А. К вопросу об обеспечении безопасности сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы	57
Ефименко А.А., Чумаков Э.В. Этапы подготовки осужденных к освобождению	59
Журавлева Е.А., Уварова Т.А. Применение административного законодательства к осужденным к принудительным работам	61

Забродин А.В. Вопросы реализации принципа дифференциации исполнения наказаний в отношении осужденных к лишению свободы за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности	63
Ким В.В. Теоретические подходы к пониманию понятия «пенитенциарное право» и его соотношение с уголовно-исполнительным правом, пенологией	65
Киселев А.М. Особенности правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе при осуществлении государственной защиты свидетелей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях или содержащихся под стражей	68
Киселев М.В. К вопросу об оптимальности организационно-штатной структуры исправительных учреждений (следственных изоляторов)	69
Коголь Т.Н. Совместная служба родственников (свойственников) в уголовно-исполнительной системе: соотношение и пределы.....	72
Лелик Н.Б. К вопросу о предоставлении осужденным женщинам выездов за пределы исправительных учреждений.....	74
Лелик Н.Б., Балаганская А.Е. Профилактика побегов из-под охраны	76
Новиков Е.Е. О некоторых проблемах уголовно-исполнительного правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений.....	79
Обернихина О.В. Актуальные проблемы применения средств исправления к отбывающим лишение свободы	80
Павленко А.А. Смирительная рубашка – «иное средство ограничения подвижности» заключенных?	82
Прохорова М.В. К вопросу о дифференциации и индивидуализации исполнения лишения свободы в отношении осужденных в воспитательных колониях	84
Рахматулин З.Р. Некоторые аспекты индивидуального регулирования уголовно-исполнительных отношений	85
Сенатов А.В. Основные тенденции развития тюрем в Российской Федерации	87
Тепляшин П.В. Реализация пенитенциарных прав осужденных в концепте негативной (враждебной) солидарности	89
Ткач А.С. Исчисление сроков при исполнении обязательных работ.....	91
Уваров О.Н. К вопросу об организации отбывания лишения свободы в Российской Федерации.....	93

Уткин В.А. Судебная практика и «тюремное наследие»: современные тенденции	95
Чорный В.Н. Международные и национальные формы защиты прав осужденных	97
Чубраков С.В. К вопросу об административной ответственности в уголовно-исполнительном праве	99
Шевченко К.В. Обзор изменений законодательства о контрактной системе при осуществлении закупок для нужд уголовно-исполнительной системы	102
Шилов К.А. К вопросу о противодействии экстремистско-террористической идеологии в местах лишения свободы	104
Акунченко Е.А. О типах коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации	106
Бубербаев Н.Д. Проблемы общесоциальной профилактики преступности (на материалах города Нур-Султан)	108
Далгалы Т.А. Коррупция в образовании: криминологический анализ	110
Дамм И.А. Антикоррупционная экспертиза локальных нормативных актов образовательных организаций высшего образования	112
Заборовская Ю.М. Криминологические проблемы преступности среди лиц пожилого возраста (на примере КНР и России)	114
Захарова А.П. О некоторых изменениях процесса формирования механизма преступного поведения лиц, совершивших преступления террористической направленности в России и за рубежом в период пандемии новой коронавирусной инфекции	116
Карелин Д.В. Индивидуальное криминологическое прогнозирование при применении принудительных мер воспитательного воздействия	118
Кострыкина В.В. Мотивация как условие противодействия коррупции в бизнесе	120
Куклин Д.В. Меры предупреждения мошенничества в сфере трудовых отношений	121
Мамай Е.А. Общественная опасность незаконного оборота наркотиков опийной группы: криминологические показатели и тенденции	123
Молоков В.В. Методика автоматической классификации уровней криминализации регионов	125
Писаревская Е.А. Уголовно-исполнительные инспекции как субъект профилактики преступности несовершеннолетних	127

Семенюк Р.А. Проблемы борьбы с религиозным сектантством в России..	129
Стоун Е.М. Психологические детерминанты особо тяжкой преступности в Дальневосточном федеральном округе.....	130
Сутурин М.А. Возраст уголовной ответственности: уголовно-правовые и криминологические аспекты	132
Федоров А.Ф. Современное состояние и тенденции рецидивной преступности в Алтайском крае	134
Филиппова О.В. Региональные особенности рецидивной преступности ..	136
Щепельков В.Ф., Бурлаков В.Н. Охрана здоровья населения в условиях пандемии путем предупреждения коррупционных рисков в сфере профилактической медицины	138
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Абрамова Л.Л. Сущность фактических оснований для начала предварительного расследования	142
Андрienко Ю.А. О некоторых путях совершенствования оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования.....	144
Ардашев Р.Г. Встречающиеся процессуальные нарушения в ситуациях посткриминального суицида убийц	146
Бондаренко А.А. Пределы фиксации сведений о новом преступлении при производстве следственного действия или в ходе судебного разбирательства	148
Боярская А.В. Система упрощенных уголовно-процессуальных производств: актуальное состояние и тенденции развития	150
Бухарина Н.П. Особенности предмета доказывания по коррупционным преступлениям	152
Воронин О.В. О наделении прокурора правом возбуждения уголовных в местах принудительной изоляции от общества	154
Гаас Н.Н. К вопросу о «процессуальной зависимости» дознавателя от воли потерпевшего и обвиняемого при сокращенной форме дознания ..	156
Галимова М.А. К вопросу о реализации примирительных процедур в уголовном процессе России	158
Герцен П.О. Европейские стандарты реализации права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных на досудебном этапе уголовного судопроизводства.....	160

Даньшин А.В. Судебно-медицинская экспертиза в уголовном процессе традиционного Китая	163
Дудина Н.А. Особенности доказывания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а есть ли они?	165
Дудко Н.А. О реализации права обвиняемого на суд присяжных по законодательству государств – участников СНГ	167
Забиров А.Б. Прокурорский надзор в сфере информационной безопасности	169
Задорожная В.А. Категориальная модель принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам	171
Замуруева Е.Ю. Систематизация общих условий применения мер пресечения: постановка проблемы	173
Зуев С.В. Представление государственных интересов в современном и цифровом уголовном судопроизводстве	175
Ишимов П.Л. Проблемные аспекты собирания и представления в суд доказательств защитником, путем опроса лиц	177
Калашников В.С. Некоторые вопросы прокурорского надзора за законностью уголовного преследования предпринимателей	179
Карлов А.Л. Досудебное соглашение о сотрудничестве как процессуальная форма применения смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ	181
Килина И.В. О последствиях бессистемного реформирования уголовно-процессуального закона	183
Климович Л.П. К вопросу о средствах доказывания имущественного вреда	185
Коновалов П.Н. К вопросу о получении сведений, составляющих банковскую тайну на досудебном этапе уголовного судопроизводства	186
Константинова В.А. Решение о прекращении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства	188
Коротаева Ю.А. О проблеме реализации процессуальных полномочий начальника органа дознания в органах внутренних дел в уголовном судопроизводстве России	190
Кузнецов М.Ю. Собирание и представление доказательств адвокатом по уголовному делу: изучение с помощью социолого-правовых исследований	192
Куряхова Т.В. Процедура устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела, обладает признаками особого производства	194

Лифанова Л.Г. Отдельные проблемы демократизации предварительного расследования	197
Логинова Н.Г. К вопросу о процессуальных условиях.....	199
Локтевич О.И. Право защитника на представление доказательств.....	201
Макеев Н.Н. Об изменениях законодательства в связи с принятием поправок к Конституции РФ, связанных с прокурорской системой.....	203
Овсянников Ю.В. Проблемы производства следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела	204
Петухова Ж.П. Причины неустановления лица, совершившего преступление.....	208
Писаревский И.И. Наложение ареста на имущество по уголовным делам в процедурах банкротства.....	209
Полякова А.В. Процессуальная деятельность следователя и защитника в условиях действия принципа состязательности в досудебном производстве	211
Ротар А.И. Принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве.....	213
Ряполова Я.П. Эффективность законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела: теоретические, правовые и организационные основы.....	215
Судницын А.Б. Отказ от проведения очной ставки при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.....	217
Трифонова К.А. Согласие потерпевшего, как необходимое условие производства дознания в сокращенном порядке.....	219
Хроменков И.Р. Роль полномочий государственных органов в обеспечении баланса уголовно-процессуальных интересов в отечественном досудебном производстве по уголовным делам.....	221
Чеботарева И.Н., Ревина И.В., Пашутина О.С. К вопросу о формах отказа от субъективного права в уголовном процессе	223
Чурикова А.Ю. Защита интересов личности, общества и государства: вопросы приоритета деятельности прокуроров в уголовном процессе	225
Шатрова А.В. Гласность при рассмотрении уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера	227
Шмарев А.И. Реализация дискреционных полномочий прокурора при проверке законности и обоснованности постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела	228
Якубова С.М. О сокращенном дознании в системе упрощенных производств.....	231
	355

КРИМИНАЛИСТИКА

Абрамов И.А. Контракт в оперативно-розыскной деятельности: прошлое и настоящее	233
Агарков А.В. Развитие теории оперативно-розыскной деятельности в современных условиях	235
Аминев Ф.Г. Особенности технологии всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации	237
Анешева А.Т. Некоторые аспекты допроса подозреваемого по делам о мошенничествах, сопряженных с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности	239
Баянов А.И. Оценка устойчивых и изменяемых факторов при принятии криминалистических решений в процессе допроса	241
Бойко Ю.Л. Преодоление противодействия расследованию: миф или реальность?	243
Ведренцева С.В. Понятие и классификация форм взаимодействия следователя с органами дознания	245
Винокуров А.И. Оперативно значимое поведение как элемент оперативно розыскной характеристики преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и камней	247
Волков Д.Ю. О соотношении тактического приема и тактической рекомендации	249
Воронин С.Э. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе	251
Галушин П.В. К проблеме связывания учетных записей пользователя в различных социальных сетях при решении задач оперативно-розыскной деятельности	253
Глазунов Б.Б. Система Ганса Гросса	255
Горшкова В.С. К вопросу об основных направлениях криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности ..	256
Давыдов С.И. Правовое регулирование защиты лиц, содействующих борьбе с преступностью: реализация международного опыта в Российском законодательстве	358
Давыдова О.С. Об использовании экспертно-диагностических исследований для получения оперативно значимых данных о свойствах личности неизвестного преступника	260
Дергач Н.С., Олинова А.Е. Обстановка совершения квартирной кражи как элемент ее криминалистической характеристики	262

Драпезо Р.Г. Особенности построения оперативно-розыскной характеристики (на примере убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления)	264
Земсков И.Н. Актуальные проблемы розыскной работы в уголовно-исполнительной системе	266
Иванов И.В. О некоторых аспектах изучения личности подозреваемого (обвиняемого) при проведении допроса	268
Капустин К.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов	270
Каримов В.Х. Тенденции развития криминалистической техники	271
Киселев А.М. Особенности правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе при осуществлении государственной защиты лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях или содержащихся под стражей	273
Киселёва М.А. Тактические особенности установления психологического контакта при допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого)	275
Климова Я.А. Особенности криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий	277
Книс Д.А. О преступной деятельности как объекте научных оперативно-розыскных исследований	278
Князьков А.С. Характер участия следователя в производстве следственного действия как основание криминалистической классификации следственных действий	280
Кондратьев М.В. Бесконтактный способ сбыта наркотиков как элемент оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений	282
Кужугет Т.К. Сходство расследования налоговых преступлений и преступлений в сфере уплаты страховых взносов	284
Кузаков Д.В. К вопросу о следовой картине преступлений, связанных с оказанием услуг по перевозке пассажиров водным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья граждан (ст. 238 УК РФ)	286
Кузнецов А.А. Изучение личности свидетеля в целях нейтрализации противодействия расследованию	288

Кужарцев В.Н. Проблемные вопросы противодействия кражам и мошенничествам, совершаемым с использованием средств мобильной связи и сети Интернет	290
Куркова Н.А., Макарова О.А. Объект и предмет судебно-медицинской экспертизы при расследовании ятрогенных преступлений	292
Мазур Е.С., Медведева М.А. Нормативно-правовое регулирование процесса оказания медицинской помощи населению и его судебно-медицинское значение.....	294
Мигунов О.С. К вопросу о некоторых элементах криминалистической характеристики халатности в сфере организации досуга детей	296
Мунгалов Е.А. Интерпретация результатов сравнительного криминалистического исследования волокон и волокнистых материалов..	298
Назырова Н.А. Проверка показаний на месте при расследовании преступлений в сфере незаконного образования юридического лица	300
Негодина О.А. Искажение подписного почерка при автоподлоге	302
Овсянников В.В. Днк-фенотипирование как источник криминалистически значимой информации	304
Остробородов В.В., Обухов И.А. О некоторых особенностях назначения судебно-психиатрических экспертиз	305
Полстовалов О.В. Цифровизация и криминалистическая профилактика преступлений	307
Рязанова Н.В. Выбор тактики как определяющий фактор результативности допроса	309
Скоревич А.С. Индивидуализация тактических рекомендаций, основанная на личностных характеристиках допрашиваемого	311
Степанова Д.Ю. Актуальные вопросы противодействия проявлениям экстремизма в исправительных учреждениях оперативными подразделениями ФСИН России	313
Томилин С.М. К вопросам об уголовно-правовой регламентации использования специальных технических средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий	315
Тюлеева Е.А. Сведения о пострадавшем при расследовании мошенничества в сфере кредитования физических лиц	317
Фоминых И.С. К вопросу о дидактических основах криминалистической рекомендации	319
Шаталкина Н.А. Тактические задачи допроса потерпевшего при расследовании мошенничества	321

Шепель Н.В. Проблемные вопросы идентификации гладкоствольного оружия по следам на стреляных снарядах.....	323
Шерстяных А.С. Хищение данных с использованием методов социальной инженерии	325
Шошин С.В. Инновационные аспекты развития лингвистических судебных экспертиз.....	327
Шухова Н.В. К вопросу о разнообразии природы цифровых следов.....	329
Щетнев Л.Е. Современные вопросы получения судебного решения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан	330
Яшков С.А. Некоторые проблемные вопросы расследования преступлений, связанных с оказанием транспортных услуг, не отвечающих требованиям безопасности.....	332
Наши авторы	335

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 89

Сборник статей

Редактор Ю.П. Готфрид
Компьютерная верстка О.А. Турчинович
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 25.08.2021 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 22,5. Усл. печ. л. 20,9. Тираж 500 экз. Заказ № 4688.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>

ISBN 978-5-907442-13-9

9 785907 442139 >